

РОСТОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

А. В. Захаревич

ДОНСКИЕ КАЗАКИ В БОЯХ С
ГОРЦАМИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ
НА НАЧАЛЬНОЙ ФАЗЕ ОБОРОНИТЕЛЬНОГО
ПЕРИОДА КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ
(1801 – 1804 гг.).

Ростов – на – Дону

2005

Захаревич А. В. Донские казаки в боях с горцами на Северном Кавказе на начальной фазе оборонительного периода Кавказской войны (1801 – 1804 гг.). – Ростов – на – Дону: изд – во РГПУ. - 302 с.

Научный редактор – кандидат исторических наук, доцент Р.Г. Тикиджьян.

Рецензенты: доктор исторических наук, профессор С. А. Кислицын;

доктор исторических наук, профессор Н.А. Казарова.

В монографии раскрывается слабоизученная в отечественной историографии проблема: участие донского казачества в боях начальной фазы оборонительного периода Кавказской войны – дается анализ источниковой базы и рассматриваются основные тенденции развития отечественной историографии, посвященной данной теме, а также предпринята попытка детально, в хронологической последовательности, показать действительный вклад донских казачьих частей в достижение победного исхода операций русских войск по обороне Кавказской линии и защите Военно – Грузинской дороги и экспедиций в земли горцев в исследуемый период.

*Светлой памяти своего отца
Захаревича Владимира Кондратьевича (1922 – 1978),
посвятившего свою жизнь охране государственной границы нашей
Родины, посвящаю.*

ОГЛАВЛЕНИЕ

	СТР.
ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА 1. ЗАБЫТЫЙ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ПЕРИОД КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ (1801 – 1816 гг.) И РОЛЬ В НЕМ ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА В 1801 – 1804 гг.	26
ГЛАВА 2. ДОНСКОЕ КАЗАЧЕСТВО В ОБОРОНЕ КАВКАЗСКОЙ ЛИНИИ И ВОЕННО – ГРУЗИНСКОЙ ДОРОГИ В 1801 – 1802 гг.	116
ГЛАВА 3. УЧАСТИЕ ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА В ОТРАЖЕНИИ ГОРСКИХ НАПАДЕНИЙ НА КАВКАЗСКУЮ ЛИНИЮ И ВОЕННО – ГРУЗИНСКУЮ ДОРОГУ И В ЭКСПЕДИЦИЯХ В ОСЕТИЮ И КАБАРДУ В 1803 – 1804 гг.	178
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	268
ПРИМЕЧАНИЯ	272

ВВЕДЕНИЕ.

Кавказская война в XIX в. и современные события на Северном Кавказе являются предметом изучения историков, этнографов и обществоведов уже в течение длительного времени. Актуальность интереса к этой проблеме можно объяснить и своеобразным юбилеем, исполнившимся в 2001г.: если согласиться с точкой зрения, что Кавказская война началась в 1801г., то с начала войны **прошло уже 200 лет**, а сейчас и того больше. Этот печальный юбилей требует подведения некоторых итогов и при проведении исторических параллелей обогащения памяти русского народа, длительное время не заполнявшейся образами, связанными с Кавказом. Это невнимание к Кавказу, направление исторической памяти на Запад, на другие славные в нашей истории события, такие как Отечественная война 1812 г. и др., когда по поводу ее юбилеев затевались конференции, издавались книги и т. д., привело к тому, что когда сейчас «гроза грянула с Юга», Россия не знала что ей делать и оказалась у «разбитого корыта». Образ врага, могущий возникнуть на Кавказе, в сознании русского народа был размыт длительной политикой интернационального воспитания, проводившейся в Советском Союзе, когда проводилась линия на то, что все народы, живущие в СССР – братья.

Заглушенная историческая память, не направленная на Кавказ, долгое время делала для солдат Федеральных Сил, введенных в Чечню в 1994г., непонятной саму идею войны с Ичкерией и режимом Д. Дудаева. Не лучшим образом в сложившейся ситуации повело себя и донское казачество, заключившее летом 1994г. договор с Чечней о мире и дружбе. Причем соглашение было заключено тогда, когда руководство РФ, обеспокоенное судьбой русскоязычного населения Чечни, пытаясь навести там конституционный порядок, готовилось ввести туда войска. Такой шаг

атамана Н. И. Козицына вызвал изумление у всей общественности России и среди всех возродившихся к этому времени казачьих войск страны донцы прослыли «вторыми Иудами земли Русской». Этого шага, а также того, что во исполнение договора Н. И. Козицын приказал донским казакам проигнорировать призывы в Вооруженные Силы в 1995 – 1997 гг., что было частично выполнено, долгое время не могли им простить другие казачьи войска России. И это при том, что значительная часть Войска Донского во главе с П. А. Барышниковым не подчинилась этому приказу!

Этого не произошло бы, если историческая память донского казачества была бы сохранена во всей своей чистоте. А коль скоро она была замазана различными наносными нечистотами, то получилось так, что Н. И. Козицын со своими сторонниками участвовал в параде по случаю воссоздания памятника герою Кавказской войны 1801 – 1864 гг. Я. П. Бакланову и даже выступил там с речью. Неужели герой Дона позапрошлого века заслужил такую «честь»? Ведь Козицын выступал на манифестации в честь того человека, который в течение 20 лет был «грозою Кавказа», а Чечню так просто всю спалил до тла и вырезал! Для чего тогда было Н. И. Козицыну заключать договор, который, кстати, самими чеченцами не соблюдался... Поэтому они ему и не сильно пеняли за эту речь! А помни Н. И. Козицын и его сторонники события Кавказской войны XIX в., то не висело бы на донском мундире черного пятна договора с Д. Дудаевым. Они, по сути дела, наплевали на память предков.

Сейчас остро стоит вопрос об использовании казачьих формирований в боевых действиях, развивающихся в Чечне на современном этапе. Нынешний состав донского казачества по разным источникам информации насчитывает от 0,5 до 1,5 млн. чел (1). Разделенное на два лагеря, которые в народе снова называются «красные» и «белые», они по-прежнему имеют различную ориентацию в Чеченском вопросе.

Ныне казаки, составляющие Всевеликое Войско Донское (государственный реестр), занимают под руководством атамана В. П. Водолацкого патриотическую позицию. К чести донцов необходимо заметить, что не все они выполнили приказ Н. И. Козицына об игнорировании призыва в Вооруженные Силы РФ в 1995-97 гг., т. к. патриотические традиции многих семей еще не вымерли и судьба Отечества продолжала их волновать. Донские семьи направляют служить своих сыновей в дивизию особого назначения ВВ (ДОН), в 205-ю бригаду; в период кампании 1999-2000 гг. в Чечне много добровольцев – донских казаков направилось для участия в боевых действиях.

Некоторые подвижки в усилении патриотического воспитания населения при вступлении в должность Президента РФ В. В. Путина дали возможность успешно провести операции по уничтожению многих бандформирований в 1999-2000 гг., но затем ситуация вернулась в прежнее положение и бесконечная война длится до сих пор, как она 64 года тянулась в XIX в. По всему видно, что эта война будет долгой и загадывать о сроках ее окончания – это пустое занятие. Об этом говорят также посыпавшиеся на голову российского читателя прогнозы виднейших государственных экспертов о развитии военно-политической ситуации на границах России. Вот один из сценариев возможных будущих войн России в варианте, разработанном заслуженным деятелем науки РФ, доктором философских наук, профессором В. В. Серебрянниковым: «Возникновение в 2001г. и быстрое разрастание Кавказской войны, в которой сепаратистские и антироссийские силы будут поддерживаться иностранными государствами. Война примет затяжной и изнурительный характер. В ходе ее появляются новые сепаратисты внутри страны, объявляющие о выходе из России и быстро создающие свои армии на основе «приватизированных» и находящихся на полном местном обеспечении воинских частей и соединений, «осколков» других силовых

структур. Вспыхнувшие новые конфликты оцениваются НАТО и другими государствами как глобальная опасность, и для прекращения их по решению ООН направляются крупные миротворческие силы, которые вынуждены будут осесть там надолго. Не исключено появление сепаратистов типа участников беловежского сговора, которые добьются поддержки миротворцев, как это было в 1991 г. Происходит фактический развал страны»(2). И это самый страшный из предлагаемых сценариев, т.к. есть и оканчивающиеся к чести России.

Опыт проведения двух Чеченских кампаний в 90-х гг. XX в. требует их изучения, обобщения, распространения выводов среди войск, дислоцирующихся в зоне боевых действий, чтобы не допустить развязывания вышепротитированного сценария на Северном Кавказе. Частично он уже сбился: война правда началась не в 2001г., а в 1999г., но сравнительно быстро локализовалась опять только в одной Чечне, хотя мыслилась гораздо «круче»; по просьбе правительства Грузии на ее территории был размещен воздушно-десантный батальон США, чтобы разъединить Федеральные войска РФ и чеченские бандформирования, скрывавшиеся в Кодорском ущелье. Все это настораживает, тем более, что американцы оттуда уже не уходят!

В свете сегодняшних реалий и того места, которое стали уделять Кавказской войне XIX в. иностранные спецслужбы и мусульманские государства, граничащие с нами на юге, постоянно будируя антирусские настроения на Северном Кавказе и в Средней Азии, необходимо было не забывать о 2004г., который нес юбилей 140-летия «покорения» Кавказа и тех акциях, которые могли произойти. Ибо уже было замечено наблюдателями и учеными, исследующими данную проблему, что начиная с 1989г., когда отмечалось 125-летие окончания Кавказской войны, **чеченцы развивают необычайную политическую и военную активность через каждые пять лет, отмечая «малые юбилеи»**

«покорения». Это мы видим и в 1994г. (130-летие), и в 1999г. (135-летие). Почтить память павших в боях с «гяурами» требуют обычаи мусульманской веры, причем проигрыш первой Чеченской кампании 1994-1996 гг. со стороны России способствовал тому, что горцы получили плацдарм, на котором они могли формировать боевые группы для проведения соответствующих акций в наступавшие в хронологическом порядке «юбилеи». Масла в огонь подлило 200-летие со дня рождения Шамиля в 1997г.(26 июня), которое было отмечено научными конференциями в республиках Северного Кавказа, главной из которых была конференция в Махачкале. В военном плане эта годовщина была отмечена новыми нападениями на станицы Ставрополя. Мало того, в этих набегах на приграничные с Россией районы, в террористических акциях, проведенных в центре России, а также в боевых столкновениях с федеральными войсками у чеченцев появились и современные «герои», погибшие в этих акциях, кровь которых требовала «отмщения». Разменной монетой в столкновениях с чеченскими боевиками и интернациональными наемниками республики Ичкерия стали кубанские и терские казаки, оставшиеся после вывода Федеральных Сил с территории Чечни в 1996г. предоставленными самим себе. И только вступление в должность Президента РФ В. В. Путина сделало политику России в данном вопросе более национальной, прикрывшей казачество по Тереку и Кубани от почти безнаказанных набегов боевиков, ибо с охотничьими ружьями против современных образцов стрелкового оружия много навоевать было невозможно

Очередной «юбилей» «покорения Кавказа» в 2004г. грозил новыми подобными акциями, ибо не смотря на успешные операции федеральных войск по уничтожению бандформирований в Чечне, нападения боевиков на расположение воинских подразделений продолжались, причем происходили там, где по словам нашего командования уже не осталось

бандитов. Дважды предъявляемый В. В. Путиным срок для сдачи боевиков с последующей их амнистией в 2001 и в 2003 гг. в первый раз ничего не дал, а во второй, хотя и сдались значительные силы, все же не было получено ожидаемых результатов. Они береглись для весны-лета 2004г., чтобы «отметить» очередной «юбилей»!

Причем в этот раз лидеры чеченских сепаратистов «отметили» сразу два юбилея, оставившие след в истории россиян: 9 мая 2004г., в День Победы, организовали на стадионе в Грозном грандиозный теракт, окончившийся гибелью Президента Чечни А. Кадырова и выходом из строя ряда других руководителей Республики и наших войск; 19 мая (ждать до 21-го видать у сепаратистов не было возможности) – крупное нападение на колонну войск МВД, закончившееся потерей большого количества техники и личного состава. Этим они себя только обнаружили, что привело к тому, что крупное бандформирование, где, по некоторым данным, находился сам А. Масхадов, подверглось атакам Федеральных Сил и вынуждено было покинуть территорию Чечни, не смоги чего-либо сделать 21 мая (юбилей окончания Кавказской войны XIX в. по старому стилю). Отдельные вылазки произошли 2 июня (в юбилей по новому стилю), но так как войска были готовы, у масхадовцев мало что получилось. Все думали, что «юбилейные страсти» улеглись и расслабились, однако партизанская война, которую ведут сепаратисты против федеральных силовых структур тем и отличается, что ее проявления неожиданны. В ночь с 21 на 22 июня 2004г. (очередной юбилей начала Великой Отечественной войны 1941-45 гг.) масхадовцы атаковали объекты МВД Ингушетии, где их вообще никто не ожидал и нанесли им крупные людские и материальные потери. Досталось и мирным жителям. Это можно было считать со стороны сепаратистов долгожданным крупным деянием в плане отмечания «юбилея» окончания Кавказской войны XIX в.

Долго в верхах силовых структур РФ разбирались - почему так могло произойти: ведь все вроде бы были готовы встретить любую неожиданность! Затем стали поступать сообщения о поимке 3-4 чел., участвовавших в нападениях, разгромах малых отрядов. Это опять дало повод расслабиться...

Но пришел июль, отмеченный нападениями и терактами уже в самой Чечне: покушение на исполняющего обязанности президента Абрамова, нападения на войсковые части, на опорные пункты МВД Чечни, затем убийство главы региональной организации «Единой России» Тамары Хаджиевой, нападения на Автуры и Шали (и все это за каких-то две недели)!!! Президент В. В. Путин решил начать с административных перестановок: были уволены и заменены другими лицами начальник Генерального Штаба РФ, командующий СКВО, командующий округом ВВ на Северном Кавказе, но это дало малый эффект. Масштабы содеянного в год 140-летия окончания Кавказской войны не удовлетворили А. Масхадова. Это привело в начале сентября 2004г. к Беслановской трагедии, всколыхнувшей мировую общественность. Теперь лидер сепаратистов мог быть доволен!

Жертвы Беслана взывали к отмщению, что послужило поводом к активизации наших силовых структур: СМИ стали регулярно сообщать об уничтожениях крупных бандформирований (до 200-300 чел.). Были сообщения и об ответных действиях противника... Тогда Ш. Басаеву и А. Масхадову удалось уйти в горы. Бои не прекращались и в новом году. В январе-феврале 2005 г. с подачи английских СМИ была пущена по свету очередная «утка»: будто бы Ш. Басаев был убит в перестрелке с арабскими наемниками, недовольными тем, что он им не выплатил жалование. Наши силовые ведомства поставили эту версию под сомнение, т.к. труп Басаева показывали по телевидению с видеокасет уже много раз, но он на поверку всегда оказывался живой. Зато 8 марта 2005г. у селения Толстой Юрт был

в результате действий спецназа ФСБ и МВД убит А. Масхадов, что было подтверждено и его родственниками при опознании трупа, а также медэкспертизой. Это большой успех федеральных сил, выведших из строя одну из ключевых фигур чеченских сепаратистов. Но это еще не означает окончательной точки в этой войне. Ш. Басаев еще жив, в горах еще достаточно бандформирований, население занимает двойственную позицию. Недаром Президент РФ В. В. Путин в беседе с Н. П. Патрушевым по поводу гибели А. Масхадова заявил: «Еще предстоит много работы»... Это тем более верно, что в 2009 г. грядет 145-летие окончания Кавказской войны XIX в. с его новыми «сюрпризами».

Все это подводит к мысли о том, что не стоит отвергать того предложения, которое в 1997г. сделало терское казачество правительству РФ и было поддержано казачьими войсками юга России (в том числе и донским), заключающееся в том, чтобы создать отряды самообороны на границах с Чечней и всем Северным Кавказом, т. к. провокации в 2001-2005 гг. прошли и в Адыгее, и в Карачаево-Черкесии, и в Кабарде, и в Осетии, и в др. республиках региона. Далее казаки предлагали вооружить эти отряды табельным стрелковым оружием, с тем, чтобы они помогали охранять общественный порядок и отбивали нападения чеченских боевиков. Видимость определенных достижений и сообщения последнего времени об уничтожении некоторых бандформирований еще ни о чем не говорят. Это мы слышим и видим каждый новый год, начиная с 1999г. Нужно готовиться к более серьезным событиям и не бояться шире применять казачьи военизированные формирования в них. Это должно дать определенный эффект в современной ситуации, т. к. казаки, в отличие от остального призывного контингента, хотят служить и защищать Родину, соблюдая традиции патриотизма, заложенные в них далекими предками. От этого чувства отмахнуться невозможно и эти отряды все равно будут возникать – нравится это или не нравится правительству. Так было и когда

Б. Н. Ельцин запрещал движение по настоянию лидеров государств, находившихся за пределами России, где в начале 90-х гг. были воссозданы бывшие казачьи войска царской России; так было и когда он стал покровительствовать движению, пытаясь найти в нем опору в предвыборной гонке, издав до 10 государственных актов по вопросу о казачестве, которые, однако, не приняли форму закона. Казаки сами, явочным порядком, принимали решение о формировании отрядов для оказания помощи и терским казакам при выдавливании их правительством Д. Дудаева из Сунженского района Чечни еще до войны 1994-96 гг. (где, кстати, отличились и донцы), и уральским казакам, когда их прижали власти Казахстана. Они же, но уже в течение определенного времени без донцов, самостоятельно, без поддержки правительства Б. Н. Ельцина, как могли обороняли границы России после «Хасавьюртовского замирения», требуя оружия от центра. Они же, сейчас уже вместе с донцами, продолжают отстаивать интересы державы на южных ее границах, участвуя в вышеописанных акциях. Поэтому, на наш взгляд, не стоит отмахиваться от казачьего предложения, сделанного в 1997г., а нужно пойти ему навстречу! Ведь народ всегда опережает мысли правительства, что мы видим и в казачьем вопросе. Тем более, что все законы и указы, касающиеся военной стороны деятельности казачества на юге России, были изданы еще при Б. Н. Ельцине, в частности о том, что казаки юга России являются составной частью Вооруженных Сил РФ и вливаются в состав пограничных войск с воссозданием исторически существовавших до революции воинских частей с их дореволюционными названиями. Нужно просто, чтобы этот закон заработал фактически, а не бумажно – и все станет на свои места. Понятно, что в свое время Правительство РФ остановило в этом плане поведение экстремистских групп среди казачества, руководимых такими лицами, как П. Молодидов, а также действие договора Н. И. Козицына с Д. Дудаевым. Но этот период истории

возрожденного донского казачества уже прошел, оно занимает в значительной своей массе патриотическую позицию, что даст в пограничные войска России прекрасных бойцов, а если они будут еще и одностаничниками, как предполагалось в основах указа, оставшегося на бумаге, то от этого границы России станут еще крепче. После всего, что произошло на Северном Кавказе в 90-е годы XXв. – первые годы XXI в. казачество бы стало таким бдительным стражем наших границ, к тому же знающим театр боевых действий, лучше которого и нельзя было бы желать! Можно снова поднять вопрос, поставленный в свое время терским казачеством и не отмахиваться от него, ограничивая государственную службу казачества только хозяйственной деятельностью и охраной общественного порядка. Когда Отечество находится в опасности, надо использовать каждую возможность для ее нейтрализации, а создание казачьих воинских формирований, признанных законом и наделенных оружием, очевидно и будет одной из таких возможностей на Северном Кавказе. Президент В. В. Путин летом 2003 г. сделал заявление по этому поводу, которое снова настроило казачество по-боевому, но дальше заявления дело не пошло. Служба в Президентском полку, куда осенью 2004г. был проведен набор донских казаков, не есть еще решение вопроса о включении казаков в пограничные войска России, о котором так много говорилось и писалось в свое время. Совсем недавно, 18 мая 2005г., произошла значительная подвижка: на заседании Государственной Думы в первом чтении был принят «Закон о казачестве», который в свое время не принял Верховный Совет РФ и столь долго не принимала и Дума. 100-летний юбилей великого русского писателя М. А. Шолохова, воспевшего в своем творчестве донское казачество, добавил в казачий вопрос положительный импульс: президент В. В. Путин на совещании с атаманами казачьих войск России в ст. Вешенской очень много обещал казачеству, но поднятый вопрос об участии казачьих формирований в

операциях на Северном Кавказе как-то снова был «спущен на тормозах». Что будет дальше – время покажет! Хочется верить, что глава государства прислушается к голосу народа и казаки все-таки станут нужными здесь...

Коль скоро возродившееся казачество России заявило о себе как о движущей силе борьбы с панисламистскими поползновениями горцев Северного Кавказа, то это ставит перед современной отечественной исторической наукой задачу изучить опыт участия казачьих войск в войне с горцами XIX в. Опыт участия в той войне донского казачества – это составная часть данной проблемы. Казачьи формирования еще не раз пригодятся России в отстаивании своих национальных интересов. Поэтому изучение исторического опыта боев с горцами XIX в. ныне становится очень актуальным и нужным делом. Все вышеизложенное подтолкнуло к написанию данной монографии.

Известная трудность выполнения поставленной задачи состоит в том, что со времен советской историографии все привыкли осмысливать крупные события и обобщать глобальные явления, и если их нет в предлагаемой работе, а есть только набор фактов с рыхлыми обобщениями в заключении, или события слишком незначительны, то такая работа и за работу не почитается. Всем нужно в военно-исторических трудах описание событий типа Бородина, чтобы с нашей стороны было убито 45 тыс., а со стороны противника 60 тыс. и чтобы уничтожение этих 100 тыс. в один день решило судьбу войны. Когда же в ходе боя убитых 3-5 человек и 2 человека взято в плен – то это не война, а какое-то издевательство! Но дело в том, что во всей истории Кавказской войны мы не встретим сражения, по масштабности потерь и достигнутых результатов, равных Бородину. Мы не найдем там даже боев, равных Тарутино! Это были именно, в основном, стычки на Кавказской линии: нападения горцев на станицы, русских войск на аулы. Противники изредка сходились даже в более крупных боях, но они быстро заканчивались. Если говорить об оборонительном для России

периоде войны на Кавказе (1801-1816 гг.), то в таких боях он и заключался. Сущность такой войны прекрасно выразил один из героев романа А. Н. Толстого «Хождение по мукам» товарищ Сапожков – это бои «за деревню Дерьмовку», после захвата которой, в кружок, обозначающий ее на карте, нужно воткнуть иголку с красным флажком, и чем больше будет воткнуто таких иголок с флажками на карте, тем больше будет обозначен успех! Именно такие бои и происходили на Кавказской линии в оборонительный период, не внося ничего нового в ход войны и не приводя ни к какому существенному результату. Россия не могла в это время целенаправленно заняться горцами, т.к. все ее силы были направлены на борьбу с Наполеоном, Турцией и Персией. Поэтому Кавказскую линию оставалось только оборонять, изредка пускаясь в экспедиции против горцев. Поэтому все бои, описанные в нашей книге, современному читателю покажутся мелочными стычками, но тем не менее они в итоге выливались в войну!

Странность нашего положения заключается в том, что если Ф. А. Щербина, дореволюционный историк кубанского казачества, описывая историю Кавказской войны, уделяет внимание всяким мелочам типа взятия в плен 3-5 человек, убийству 2 или 4 человек, то это считается историей, а если мы начинаем об этом писать касательно донского казачества сейчас – то это уже мелочи! Странная вещь: ведь Ф. А. Щербине до революции удалось написать замечательную историю Кубанского войска, обобщив именно сущность таких мелочей, предварительно их описав. А в истории участия донского казачества в Кавказской войне XIX в. мы не знаем этих мелочей, потому что до революции донские историки писали, в основном, только о деятельности прославленного героя на Кавказе – Я. П. Бакланова, т. к. именно он принес славу донцам в боях с горцами, а остальная история участия донцов в этой войне осталась за бортом. Поэтому цель данной монографии собрать воедино те факты, которые удалось получить, работая в фондах центрального Российского Государственного военно-

исторического архива (в дальнейшем, и в примечаниях – РГВИА) и местном Государственном архиве Ростовской области (в дальнейшем, и в примечаниях – ГАРО), и при их помощи воссоздать картину участия донских казаков в войне с горцами в XIX в. Причем, мы сознательно сокращаем тему исследования, описывая даже не весь оборонительный период Кавказской войны, а только его начальную стадию (1801-1804гг.). Далее, мы ограничиваем себя и географически, т. к. не будем рассматривать оборону границ Грузии от набегов лезгин в описываемый период, т. к. действия донцов в Грузии описаны в общих чертах если не в советских, то в дореволюционных работах. Мы же специально обращаем свое внимание на оборону Кавказской линии в 1801-1804 гг. и участие донских казаков в экспедициях в Осетию и Кабарду в это время потому, что удалось найти много новых данных именно о действиях их на Северном Кавказе, что действительно бы явилось нашим вкладом в историографию отечественного кавказоведения.

За прошедшее время нами внесен определенный вклад в изучение поставленной проблемы (см. главу 1-ю), но выявленные новые документы позволяют по-новому осветить некоторые вопросы, ранее уже рассматривавшиеся (см. главы 2-ю и 3-ю). В тексте мы будем оговаривать эти места. Не надо стесняться добывать новые факты и исправлять самих себя!

Приступая к освещению темы, обозначим вопросы, раскрывая которые мы сможем рассмотреть участие донского казачества в боях с горцами на начальной фазе оборонительного периода Кавказской войны в 1801-1804 годах.

Во – первых, необходимо доказать, что принятая в современном кавказоведении периодизация Кавказской войны (ее начало с 1817г.) не является непреложной истиной и лучше вернуться к дореволюционной хронологии, начинавшей войну с 1801г.

Во – вторых, необходимо доказать, что взятый нами период 1801-1804 годов (как составная часть оборонительного периода Кавказской войны 1801-1816 гг., его начальная фаза) является действительно войной, а не очаговыми боевыми действиями, как это пытаются показать современные историки.

В – третьих, приводимые в литературе сведения о том, что в период всей Кавказской войны с Дона было отправлено на Кавказ то 226 тыс. чел. (3), то 250 тыс.(4), вызывают сомнение и их стоит пересчитать, пусть опять приблизительно, и только за период 1801-1804 гг., ограничиваясь Северным Кавказом (не беря в расчет Грузию), но это будет первым кирпичиком, на основании которого можно будет делать дальнейшие подсчеты. Послужные списки командиров и офицеров донских казачьих частей дадут такую возможность, т. к. содержат сведения об убытии и приходе на театр военных действий. Зная некоторые особенности формирования полков на Дону (см. главу 1-ю) можно будет произвести такой подсчет.

В – четвертых, необходимо выяснить – кто же был походными атаманами донцов на Кавказе в этот период, т. к. нам удалось еще в 1997г. на основе встречающихся упоминаний в исторической литературе, не заглядывая в архивы, восстановить лиц, занимавших эту должность в общепринятые хронологические рамки Кавказской войны (1817-1864 гг.):

1816 – 1819гг. – Василий Алексеевич Сысоев,

1820 – 1821гг. – Максим Григорьевич Власов.

После того, как А. П. Ермолов назначил последнего в 1821г. командовать Черноморским казачьим войском, сведений о том, кто был походным атаманом в оставшуюся часть 1821 и по начало 1823 г. не имеется.

1823 – 1827гг. – Василий Дмитриевич Иловайский,

1827 – 1833гг. – Степан Алексеевич Леонов,

1833 – 1836 гг. – Григорий Алексеевич Сергеев,

1836 – 31 октября 1837 гг. – Степан Степанович Николаев.

Кто был походным атаманом после того, как С. С. Николаев стал атаманом Кавказского линейного войска в оставшуюся часть 1837г. и начало 1838г. сведений не имеется (может место было вакантно?!)

1838 – 1840гг. – Иван Алексеевич Орлов,

1841 – 1842гг. – Александр Петрович Янов,

1842 – 1843гг. – Иван Иванович Краснов,

1843 – 1857гг. – Павел Степанович Хрещатицкий,

1857 – 1860гг. – Яков Петрович Бакланов,

1860 – 1864гг. – Александр (5) Павлович Хрещатицкий.

Причем последний, сын генерал-лейтенанта Павла Степановича, был последним атаманом на Кавказе и после 1866г., когда донцы получили право не служить на этой территории, вплоть до русско-турецкой войны 1877-78гг., в течение еще долгих 12 лет, уже не для донцов, а для кубанцев и терцев (6). Что же касается интересующего нас периода (1801-1804 гг.), то таких атаманов нам предстоит выявить.

В – пятых, до сих пор не известны биографии командиров полков, бывших на Северном Кавказе в этот период. Россия не знает их имен, отчеств, фамилий, социального положения, звания, культурного уровня, семейного положения, предшествующей боевой деятельности и чем они отличились на Кавказе. Послужные списки нам дадут возможность ответить на эти вопросы и познакомить с ними отечественного читателя.

В – шестых, неизвестны и герои событий, занимающие более низкое служебное положение. Копаясь в послужных списках, удалось найти и таких, а также описание их подвигов. Россия должна узнать своих героев!

В – седьмых, отечественной историографии до сих пор не были известны места дислокации донских полков на Кавказской линии. Нами

они выявлены, пусть даже не везде с надлежащей полнотой, но интересующийся читатель с интересом ознакомится с ними.

В – восьмых, многие подвиги, совершенные в это время донцами, почему-то с дореволюционных времен приписывались черноморским и линейным казакам. С помощью документов нам удалось «отмыть» донское лицо этих событий, восстановив историческую справедливость. С этими фактами тоже необходимо познакомить научную общественность и читателя, интересующегося историей донского казачества.

Освещение вышеозначенных вопросов в этой монографии, думается, поможет исправить сложившееся в отечественной историографии с дореволюционных времен мнение о донских казаках на Кавказе как «камыше» (обидная кличка, данная донцам горцами, намекающая на легкость для жителей гор борьбы с ними; затем была воспринята и общевойсковым командованием на Кавказе. – А. З.), а покажет их действительную роль в защите геополитических интересов России в данном регионе, сделает их действительными героями этой войны.

Основными источниками для настоящего исследования послужили документы и материалы двух архивохранилищ страны: РГВИА и ГАРО.

Из фондов РГВИА нами использовались документы ф. 482 («Кавказская война»), где содержатся журналы боевых действий на Северном Кавказе с 1801 по 1860 гг., ведомости расположения войск с квартирным расписанием полков, ведомости численного состава за отдельные периоды войны, переписка штаба Грузинского корпуса с Главным штабом о ходе боевых действий, документы о «спуске» донских полков на Лон после окончания ими отбывания своего «термина» (срока службы – А.З.). Очень ценные сведения здесь содержатся о численности донских полков в 1801г., что дало возможность более точно ее подсчитать относительно следующих годов. Есть и выкладки годного к службе числа

полка Рышкина 1-го, понесшего большие потери в боях с осетинами в 1804г.

В фонде 489, оп. 1, т. 1 содержится коллекция формулярных списков РГВИА, доведенная до 1815г. Плюс этой коллекции состоит в том, что списки офицеров каждого отдельного полка содержатся в отдельных сшивах, составляющих отдельные дела фонда, т.е. если знать, что данный полк в такой-то год находился на Кавказе, то картина состояния всего полка за данный период сразу встает перед исследователем, т.к. помимо послужных списков в делах подшиты также ведомости и месячные рапорты о состоянии личного состава полка, где ежемесячно перечислены убитые, умершие, больные, командированные и наличные живые. Однако и эти данные не содержатся за каждый год. А если и есть сведения, то не за полный год. Некоторые года в отчетах вообще не просматриваются. Приходится довольствоваться и этим.

Но наиболее ценным фондом РГВИА является фонд Военно-ученого архива (ВУА), в котором содержатся служебные документы, рапорты об экспедициях, переписка с войсковыми атаманами Войска Донского, выписки, сделанные офицерами – членами Военно-ученого комитета из документов. Из них наибольшее значение для освещения нашей проблемы имеют «Материалы, служащие к описанию войны против кавказских народов с 1802 по 1815 гг.». С их помощью удалось пополнить наши знания об участии донцов в боях на Кавказской линии в 1801-1802 гг. С другой стороны, к недостаткам многих дел этого архива, с точки зрения полноты содержащихся в них сведений, следует отнести малочисленную и весьма разрозненную информацию об участии донцов в операциях против горцев. Приходилось иногда просмотреть рулоны микроплёнки, на которые переняты фонд ВУА, а о донцах не найти ничего стоящего или вообще ничего! Мало того, не всегда и не во всех случаях информация источников оказывается достоверной, особенно это касается дат

проведения операций, т.к. иногда получается нестыковка указанных дней в центральных архивах, местных и указанных в трудах Н.Ф. Дубровина и В.А. Потто, которые пользовались другими архивными данными, но, очевидно, уже утерянными. Поэтому, несмотря на определенный пиетет к материалам РГВИА, и они требуют критического подхода.

Местный архив (ГАРО) сначала вызывает отторжение, как ненужный при работе над данной темой. Вызвано это тем, что в его фондах не сохранились дневники боевых действий полков на Кавказе, рапорта нижних начальников высшим о экспедициях и отличиях в боях и даже текущая переписка по вопросам Кавказской войны отражена слабо. В фонде первого директора Новочеркасского музея истории донского казачества Х.И. Попова (ф. 55) есть всего несколько дел с упоминаниями о войне с горцами. К ним относится «Дело о наряде казаков для смены команд и полков (1776-1836 гг.)» и ряд других. Есть даже такие, которые состоят из набора избитых фраз, мало что дающих в освещении темы.

Но такие взгляды удалось изменить благодаря общению с ныне покойным виднейшим донским краеведом, к.и.н., доцентом кафедры отечественной истории дооктябрьского периода РГУ Николаем Семеновичем Коршиковым, который знал все тайны ГАРО. Именно он направил наши поиски, заявив: «То, за чем ты едешь в Москву, в значительной мере есть в ГАРО!» – и это в большинстве оказалось правдой, если иметь в виду послужные списки. Кроме них, правда, ничего другого нет, но то, что удалось в них найти – это было во многих случаях переворотом в устоявшихся взглядах.

Наибольшую ценность для нашей темы имеют фонды 341 и 344. В ф.341 «Войсковая канцелярия Войска Донского» содержатся документы с 6 ноября 1797г. по 1835г. Это вторая часть данного фонда. Первая называется «Канцелярия войсковых дел старшин» и охватывает документы с 1706г. по февраль 1775г. и хронологически к теме нашего исследования

отношения не имеет. Практически нам интересны из всего этого фонда только дела с 1801г. (мы взяли несколько раньше – с 1799г., т.к. дела участвовавших в этих событиях казаков находятся именно под этим годом, ибо полки, воевавшие на Кавказе в 1801г., прибыли сюда именно в 1799г.- А.З.), но конкретная дата хронологического окончания интересных для нас дел не 1835, а 1822 г. Содержатся в этом фонде послужные формулярные списки обер- и штаб-офицеров, войсковых старшин, подполковников, полковников и генералов Войска Донского за указанный период (а с 1822 г. они уже в этом фонде не откладываются, поэтому до 1835г. фонд становится уже малоинтересным – А.З.), с помощью которых и можно уточнить многие данные монографий русских дореволюционных историков и центральных архивов в плане выяснения того – участвовали или не участвовали в данной операции русских войск донские казаки и в каком количестве, уточнить имена, отчества командиров полков, место их дислокации, имена, отчества наиболее отличившихся офицеров и сделать подсчеты общего числа казаков с Дона на Кавказе, пусть даже и не всегда точные.

Самым важным из фондов, хранящихся в ГАРО, для освещения деятельности донских казаков на Кавказе в 1801-1804 гг. является фонд «Войсковой штаб Войска Донского» (ф. 344), состоящий из 4-х описей, содержащих дела с 1777 по 1916 гг. В нем содержатся самые подробные списки состоящих на службе и в отставке генералов, штаб- и обер-офицеров за определенные сроки, собранные в сшивы. По этим спискам мы можем определить место рождения героев нашей книги, или место приписки, т.к. много раз совершалось изменение места жительства. Это важно, т.к. в послужных списках наблюдается такая закономерность – чем выше чин аттестуемого, тем меньше он о себе дает сведений, а уж тем более не указывает станицу, а только обозначает количество своих крепостных и подданных. Для полных же биографических сведений место

рождения или жительства на данный момент – очень важный фактор! Естественно, первые по значимости документы, хранящиеся в этом фонде – это послужные формулярные списки за каждый год, начиная от хорунжих и кончая генералами. Это наиболее полная коллекция донских послужных списков в России и за рубежом. Если в ф. 341 откладывались, в основном, дубликаты списков с некоторыми вариациями, т.к. он фиксировал экономическое состояние Дона, то здесь отложился весь комплекс этих свидетельств жизненного пути донских героев. От коллекции формулярных списков РГВИА он отличается тем, что в ростовском фонде содержатся сшивы всех офицеров данного чина или нескольких чинов (что оговорено на обложке дела – А.З.) за данный год, охватывая все полки Войска Донского, независимо от места службы, а в московском – офицеров всех чинов, но зато только данного полка за один год. Это своеобразие одновременно и облегчает и затрудняет работу. Облегчает тем, что за данный год можно в ГАРО в одном сшиве найти упоминание сразу о всех полках, находящихся в данное время на Кавказе – и сразу видны отличия всех офицеров данного звена, но зато они находятся в данном деле разбросано, без системы, в то время как в РГВИА все списки офицеров данного полка собраны в системе, в отдельном сшиве, составляющем отдельное дело, начиная с командира полка, который будет первым, и кончая самым последним хорунжим, а то и урядником. Что в данном случае лучше – это на чей вкус посмотреть. Но и здесь пальму первенства нужно присудить ГАРО перед РГВИА, т.к. в нашем областном архиве сведения более полные. В данном фонде есть и отчеты о состоянии Войска Донского за 1805г., исключая апрель месяц, показывающие состояние полков на Кавказе на конец 1804-начало 1805 гг., что позволило пролить свет на дислокацию донцов на Кавказской линии на конечной точке интересующего нас момента. В фонде значится еще много ценных документов, но все дело в том, что многие из них, числящиеся по

описи, уже невозможно получить реально, т.к. или они в россыпи и на руки не выдаются до тех пор пока их не отреставрируют, или уже покрыты грибком и погибли навсегда, т.к. средств на такую реставрацию у архива не будет никогда. В марте 1998г. этот фонд был закрыт на сверку, будет она долгой, т.к. в 4-х описях фонда значится несколько десятков тысяч дел. Поэтому будем рады тому, что удалось накопить из этого кладезя донской славы и попытаемся из этого создать что-то связное.

Из опубликованных ранее документов нами использовались по хронологическим рамкам работы только материалы, помещенные во 11 томе «Актов, собранных Кавказской Археографической комиссией» (1802-1805 гг.), включающие в себя официальную переписку, отчеты высшего командования царю и военному министру, рапорты начальников войск на Кавказской линии и в Грузии. Это, в основном, документы по военной истории событий, поэтому то, что по разным причинам не удалось найти в архивах, было найдено здесь. Но в использовании этих документов мы ограничились только событиями в Осетии в 1804г., т.к. остальное в известной мере было уже освещено в литературе.

Определенную ценность для освещения вопроса военной организации Войска Донского в начале XIX в. имеют воспоминания бывшего походного атамана донцов в Итальянском и Швейцарском походах А.В. Суворова в 1799г. А.К. Денисова, вышедшие в печати в журнале «Русская старина» в 1874г. под названием «Записки». Характеристики, данные этим заслуженным человеком, на первый взгляд кажутся убийственными, но они заслуживают внимания, т.к. механизм формирования донских полков он много раз испытывал лично на «своей шкуре».

Некоторые документы, важные для нашей темы, цитировались по труду Н.Ф. Дубровина, т.к. он первый их ввел в научный оборот. Имея на руках все перечисленное, попытаемся решить поставленные задачи.

Глава 1-я

Забытый в отечественной историографии период Кавказской войны (1801-1816 гг.) и роль в нем донского казачества в 1801-1804 гг.

Кавказская война в XIX в. является предметом изучения историков уже в течение длительного времени. Актуальность этой темы на современном этапе объясняется тем, что в научном плане многие проблемы, связанные с ней, еще до сих пор не изучены, а в политическом она «подарила» России две Чеченские военные кампании: 1994-96 гг. и 1999-2000 гг., причем вторая пока еще не совсем завершена.

В этой связи возрос интерес к выявлению истоков противоречий на Северном Кавказе, приведших к образованию этой «горячей точки» на карте современной России. Изучение Кавказской войны XIX в. достигло крупных успехов за период с 50-х годов XX в. и по наши дни (1), когда дореволюционная историография была обвинена в «однобокости» и изучении только военной стороны вопроса. В наши дни наконец была опубликована крупнейшая работа по этой проблеме, написанная Н. И. Покровским еще в 1934г., но по идеологическим соображениям не видевшая света в течение 66 лет (2).

Однако, несмотря на достигнутые успехи, в освещении истории Кавказской войны XIX в. имеется целый ряд проблем, в частности – это хронологические ее рамки. Если дата окончания войны – 21 мая (2 июня) 1864г. – не вызывает ни у кого сомнений, то дата ее начала вызывает ожесточенные споры.

В современной отечественной историографии до недавнего времени бытовал взгляд (причем основная масса исследователей продолжает его придерживаться – А. З.), что Кавказская война началась в 1817г., когда ставший осенью 1816г. наместником на Кавказе А. П. Ермолов начинает энергичное проникновение в земли горцев, закладывая здесь русские

крепости, ставшие опорными пунктами колониальной политики царизма на Кавказе. Причем этот взгляд, привнесенный в современную историографию еще из советской, сталкивается с мнением историков республик Северного Кавказа, появившимся в период «парада суверенитетов» 1990-91 гг., что русская экспансия в этом регионе была извечной (со времен Киевской Руси – А. З.). В связи с этим, сторонники одного мнения неоправданно стали сужать рамки войны, начиная ее чуть ли не с 1830г., бросив устоявшийся 1817г., а другие – неоправданно ее расширять. Однако, обе точки зрения требуют уточнения, а также выдвижения тезиса о том, что трактовка начала хронологии Кавказской войны с 1801г. дает возможность выделить со стороны России **оборонительный период**, не связанный с экспансией царизма.

На научной конференции, посвященной 130-летию окончания Кавказской войны, доцент Кубанского госуниверситета А. М. Авраменко в содокладе произнес: «Какие же новые точки зрения появились под предлогом возвращения к «правде»?...расширяют хронологические рамки до 100 и даже до 150 лет. А. Т. Керашев считает, что Кавказская война началась с 1798г., Х. М. Думанов – с 1779г., М. Г. Аутлев и другие – с 1763г., а Р. Куадже – даже с 1711г.! Последний, видимо, не потрудился поразмышлять: мог ли Петр 1 в условиях, когда Россия одновременно вела тяжелейшие войны со Швецией и Турцией, затевать еще и Кавказскую войну? Неужели не ясно, что Петр 1 всего лишь приказал П. М. Апраксину нанести вспомогательный удар во владения Турции и ее союзников, когда сам он отправился в неудачный Прутский поход? Как известно, вскоре был заключен мир с Турцией, а следующая русско-турецкая война датируется 1736-1739 гг., но согласно Р. Куадже, поход 1736г. на Кубань – лишь продолжение Кавказской войны! Если следовать такой «логике», то все русско-турецкие войны надо слить в одну и датировать ее ХУ1 – началом ХХ вв. Более того, Кавказская война при таком подходе станет почти

тысячелетней (со времен походов Святослава и Мстислава в земли касогов). Надо ли доказывать, что это не так? Все упомянутые попытки расширить хронологические рамки Кавказской войны не подкрепляются убедительными аргументами. Хотя устоявшаяся в науке дата начала войны (1817г.) является во многом условной (ибо официально войну вообще никто не объявлял), она может быть принята хотя бы потому, что связана с переходом от мелких пограничных стычек и отдельных набегов к планомерному завоеванию Кавказа» (3). Эти слова во многом верны, т. к. с позиций даже формальной логики дают отповедь потугам северокавказских историков найти ростки русской экспансии на Кавказе еще в Киевские времена. Авторы данного содоклада считают, что потуги эти произошли оттого, что конъюнктура изменилась и в исторические экскурсы пустились бывшие специалисты по истории КПСС и научному коммунизму, публицисты и даже люди, не соприкасавшиеся прежде с исторической наукой, считая примером последних М. А. Керашева (4). С их мнением и здесь можно согласиться. Прав оказался кавказовед В. Г. Гаджиев, говоря, что сейчас Кавказскую войну «начинают оценивать некомпетентные люди, которые не знают историю» и которые «вдруг начинают всю историю Кавказа рассматривать через призму Кавказской войны, что совершенно недопустимо. До войны одна история, после нее – другая» (5).

Однако, несмотря на такой верный взгляд, В. Г. Гаджиев на «круглом столе», проведенном редакцией журнала «Родина» в 1994г., материалы которого помещены в юбилейном его номере, посвященном 130-летию окончания Кавказской войны, также высказывал взгляды, носящие тенденциозный характер: горцы у него не выступают против России в период русско-персидской войны 1804-1813 гг., хотя нам известны и восстания в Осетии в 1804, 1806 и 1812 гг., и полномасштабные набеги лезгин на Грузию и кабардинцев и закубанцев на Кавказскую линию в этот

период; тогда же А. П. Ермолов пытается ввести российские формы управления в Дагестане, хотя всем известно, что он в это время воевал с французами; зато действительно «ермоловский период» у него связан с тем, что ханы поступают на службу в русскую армию в 1826г., с началом войны с Персией, абсолютно не выступая против России, хотя известно, что официально А. П. Ермолов был снят с поста наместника на Кавказе именно за то, что подавлял восстания, вспыхнувшие в 1825-26 гг. в Чечне, Дагестане и Кабарде и прозевал вторжение персиян в 1826г Кому же тут верить? (6). Странно также то, что написав вступительную статью к недавно вышедшему труду Н. И. Покровского (7), он ничего не говорит против восстаний 1825-26гг., описанных в этом труде?! Сам же В. Г. Гаджиев определяет начало войны в 1829-1830 гг. (8).

Другой видный специалист по кавказоведению, профессор из Северной Осетии, М. М. Блиев так ответил на вопрос о начале войны на Кавказе: «Когда началась Кавказская война – это нерешенная проблема. Кое-кто вообще склонен датировать начало Кавказской войны ХУ1 веком – периодом, когда стали завязываться русско-кавказские отношения. Но Кавказская война должна рассматриваться не в контексте русско-кавказских отношений, а в контексте внутренних общественных процессов на Большом Кавказе. И если говорить о начале войны, я бы сформулировал это так: поскольку переход к новым формам и структурам горских обществ, набеговая система и сопровождающая ее идеология сформировались к 20-м годам Х1Х века, то начало Кавказской войны можно отнести к 1823-1824 годам. Это проявилось в том, что Мухаммед Ярагский – известнейший религиозный авторитет – уже сформулировал основные принципы и положения мюридизма. Я напомним такой эпизод: когда Мухаммед Ярагский собрал своих сторонников и еще раз напомнил об основных положениях этой идеологии, они сделали деревянные сабли и стали бить ими по камням, обратясь лицом к России и повторяя установки

о вечной борьбе против нее, которые только что изложил учитель. Таким образом, сформировались не только основные признаки мюридизма как идеологии, но и образ врага. Шамиль и Кази-Мулла приняли шариат именно под влиянием Мухаммеда Ярагского. Вместе с тем, не надо забывать, что «газават» – это война не только с Россией, но и со всеми, кто не принимает шариат – будь то чеченец, дагестанец или русский. Этот принцип прекрасно обосновывал набеговую систему. Она получила идеологическое обоснование, ибо горцы не всегда оправдывали набеги, их осуждала родовая организация. А тут шариат, газават – все оправдано. В Грузии генерал Мурмышев (? – А.З.) боролся с набегами со стороны Дагестана уже в начале XIX века. А уже когда появилась русская граница, богатые города и казачьи станицы – началась переориентация на юг, на них. А это как раз 20-е годы XIX века» (9). Здесь мы даже встречаемся с упоминанием набегов лезгин на Грузию в начале XIX в., которые и будем пытаться ставить в основу своей периодизации. Но затем снова все сводится к появлению учения «газавата», как общегорского течения идеологии войны с неверными, что навело М. М. Блиева начать хронологию войны с 20-х годов XIX в., игнорируя устоявшийся в науке 1817г. Причем непонятно, что имеет в виду М. М. Блиев под «югом» – если Кавказская линия, то для всех горцев она была «севером», на юге Грузии же никогда казачьих станиц не было!!! Города же на Линии появились еще в XV111 в.!

Однако, отличие двух вышеприведенных периодизаций от тех, которые подвергались критике в выступлении А. М. Авраменко в Краснодаре в 1994г. в том, что они не расширяют хронологические рамки войны вплоть до Киевских времен, а, наоборот, сокращают их, выбрасывая даже «Ермоловский период». Это было новое слово в науке на то время. Позиция М. М. Блиева вызывает к себе уважение своим научным подходом и глубоким профессионализмом, которые навлекают на него во

многих случаях «бурю негодования» со стороны его северо-кавказских коллег, подвизавшихся на стезе истории Кавказской войны. Особенно досталось ему с теорией «набеговой системы» (выдвинута им в 1983г.), что мы могли видеть и в нападках на его последнюю крупную монографию, написанную совместно с его учеником, В. В. Дегоевым (10).

Взгляд на то, что Кавказская война началась в 1817г. сформировался в нашей литературе в 50-70-е годы XX в. Отображение этого взгляда прежде всего нашло свое воплощение в энциклопедических статьях того времени. Так в «Советской исторической энциклопедии» сказано: « В 1817г. царизм перешел к планомерному наступлению на горцев Северного Кавказа. Началась собственно Кавказская война...» (11). В «Большой Советской энциклопедии» статья об этой войне прямо в названии дана с такой хронологией: «Кавказская война 1817-64 гг.» (12). Хотя ее автор, А. Г. Кавтарадзе, и говорит: «После присоединения Грузии (1801-10) и Азербайджана (1803-13) их терр. оказались отделенными от России землями Чечни, Горного Дагестана (хотя юридически Дагестан был присоединен в 1813) и Сев.-Зап. Кавказа, населенными воинственными горскими народностями, которые совершали набеги на Кавказскую укрепленную линию, мешали сношениям с Закавказьем» (13), но все эти события им рассматриваются как предыстория Кавказской войны. И. В. Бестужев, автор статьи в «Исторической энциклопедии», начинает описывать события вообще с ХУ111 в., но это тоже предыстория, только более расширенная (14). Примерно теми же словами, что и А. Г. Кавтарадзе, освещает положение на Кавказе в 1801-1816 гг. и другой крупнейший специалист по истории Кавказа, Х.- М. Ибрагимбейли, и статья его тоже названа «Кавказская война 1817-64 гг.» (15).

Заданные советской исторической наукой хронологические рамки войны давят над современными историками молодого поколения, что отобразилось и на страницах юбилейного (к 130-летию окончания

Кавказской войны) журнала «Родина» за 1994г. (16), а также в последнем обобщающем своде исторических знаний отечественной науки, вышедшем в 1996г. – энциклопедии «Отечественная история» (17). Журнал «Родина» 1994г. был терпим ко всем мнениям, касающимся хронологии: там есть и 1785г. (18), и 1801 (19). Как ни странно, этот разнобой сохранился и во втором издании этого журнала уже в период 2-й Чеченской войны в 2000г. (20), но более всего удивляет то, что и авторы, и названия статей те же, да и текст тот же, только добавлен ряд статей общего характера. Можно было бы сделать его более интересным!

В 1998г. вышел в свет 3-й том Харперской энциклопедии военной истории в переводе на русский язык с комментариями издательства «Полигон». Авторы Кавказской войне почти не уделили внимания, обозначив в цепи событий русской военной истории: «1859-1864 гг. Окончание Кавказской войны», а весь текст под этим обозначением – это комментарии «Полигона», традиционно охватывающие события с 1817г., когда в среднем течении Сунжи было заложено укрепление Преградный Стан (21), т. е. привычная «колея» была соблюдена.

Однако есть попытки «подправить» хронологию Кавказской войны не только в общем ее ходе, а и в боевых действиях в отдельных регионах. Как ни странно, в этом отличились адыгейские ученые, перечисленные в содокладе А. М. Авраменко, произнесенном им на конференции в Краснодаре, причем даты у них теперь несколько иные, чем названные докладчиком. Х. М. Думанов делит военные действия против западных адыгов на два этапа: 1) 1829-1858; 2) 1859-1864 (22). А. Т. Керашев и А. Ю. Чирг выделяют 3 основных этапа движения адыгов за независимость: 1) 1830-1853; 2) 1853-1856; 3) 1856-1864 (23). Очевидно, они несколько видоизменили свои позиции в хронологии войны, но как же тогда установка северо-кавказской исторической науки вести отсчет русской экспансии с X в.?

В утверждение же российской точки зрения, сокращающей хронологию войны, краснодарский ученый О. В. Матвеев делит эти события еще подробнее, выделяя 4 периода: 1) 1830-1840; 2) 1840-1853; 3) 1854-1859; 4) 1860-1864 (24). Правда, он тут же добавляет: «Как и всякая периодизация, она достаточно условна и, вероятно, потребует дальнейших исследовательских усилий» (25). Этой же периодизации О. В. Матвеев придерживается и в своей кандидатской диссертации (26).

Вопрос о периодизации Кавказской войны встал и на Международной научной конференции, посвященной изучению вопросов Кавказской войны, проведенной в Махачкале в 1998г., где было прочитано несколько докладов, повторявших многообразие дат, бывших и по сию пору: и 1763, и 1769, и 1817, и 1829 гг. и т. д. (27).

Мало чего нового принесли в разрешение этого вопроса и свежайшие работы, появившиеся в 2000 (28), соблюдающие официальный заказ сокращения хронологии войны с горцами.

Это все мысли советских и постсоветских историков по интересующему нас вопросу. Но посмотрим, что по этому поводу думали представители дореволюционной русской исторической школы. Во взглядах этих людей, заложивших основы отечественного кавказоведения, нет такого разнобоя на хронологические рамки начала Кавказской войны. Выдвигались ими всего две даты, стоявшие рядом: 1800г. и 1801г.

События, дававшие исследователям точку отсчета, различны. К исследователям дореволюционной исторической школы можно присоединить и эмигрантских авторов, осевших за рубежом в результате «великого исхода» 1920-22 гг., т. к. они, по сути дела продолжали их традиции и взгляды в освещении событий Кавказской войны. Так, Г. Танутров (Жук), проживая в Париже уже в 60-е годы XX в., написал: «100 лет тому назад борьба с горцами Кавказа, начиная битвой в 1800 году, когда русские войска стали поперек дороги идущего на Грузию

многовекового врага и в сражении на реке Иоре разбили полчища Омархана Аварского, - все еще продолжалась» (29).

Крупнейший историк кубанского казачества конца XIX – начала XX вв. Ф. А. Щербина следующим образом определил хронологические рамки войны: « XIX век на Кубани начался организованною борьбою между казаками и черкесами. Черкесы стали собираться в скопища и нападать на укрепления казаков и населенные места. Казаки вместе с русскими войсками, целыми отрядами, ходили на черкесов и громили их владения и жилища. Началась русско-черкесская война, длившаяся 65 лет подряд, с 1800 по 1864 год включительно, когда был покорен Западный Кавказ» (30).

Год здесь один и тот же (1800), а события разные: в одном случае это сражение на р. Иоре, а в другом – целая серия взаимных нападений черноморских казаков и черкесов друг на друга, причем подводится их описание к тому, что сначала все было относительно мирно в отношениях между сторонами, но 18 марта 1800г. черкесы, когда шли переговоры в Анапе о ликвидации претензий друг к другу, крупными массами, от 1000 до 5000 чел., во многих местах, атаковали кордоны черноморцев и разорили ряд куреней, что и можно было положить в основу определения даты начала Кавказской войны, используя датировку рескрипта Павла I об ответном ударе (31).

Самый первый русский историк, который написал относительно систематический труд по истории Кавказской войны, правда не оконченный им до намеченных рамок, П. П. Зубов, также излагал события, начиная с 1800г. (32).

Однако, большинство русских дореволюционных историков начинали события войны с 1801г., делая точку отсчета от массовых набегов лезгин на Грузию после ее добровольного вхождения в Россию. Нельзя сказать, что лезгины и раньше не нападали на Грузию (они это делали довольно часто, но тогда она не была русской территорией, и если там и

присутствовали русские войска с 1783г., то это была помощь союзнице, судьба которой интересовала Россию постольку-поскольку – А. З.), но теперь она вошла в состав России и эти нападения потребовали ее реакции. Поэтому 1801г. стал точкой отсчета новой ситуации на Кавказе и историки стали вести свои исследования от этой даты. Так, коллектив высокопоставленных военных деятелей царской России, издавший учебное пособие для военных училищ, назвал события 1801-1825 гг. «Кавказско-персидской войной в царствование императора Александра 1» (33), так что написанная затем генерал-лейтенантом Н. Ф. Дубровиным следующая часть этого учебника – «Кавказская война в царствование императоров Николая 1 и Александра 11 (1825-1864 гг.)» (34) – выглядит как прямое продолжение данной работы.

Полковник Генерального Штаба И. Романовский, прочитавший о Кавказской войне курс лекций для публики, тоже указывал как ее начало 1801г., выводя как исходную точку отсчета массированные нападения лезгин на Грузию в это время (35).

В работах виднейших русских военных историков – Н. Ф. Дубровина (36) и В. А. Потто (37) – Кавказская война также не начинается с 1817г.; они начинают свои описания еще со времен Древней Руси, показывая весь комплекс русско-кавказских отношений и противоречий; при этом авторы отдают должное 1801г. как качественно новой вехе в истории Кавказской войны. В позднейших своих работах В. А. Потто конкретно начинает отсчитывать Кавказскую войну с 1801г. (38). В последнем же, неоконченном труде, посвященном истории терского казачества, он пишет: «Решительный шаг, сделанный нами занятием Грузии, вызвал сильное негодование в Персии, но не имея возможности открыто бороться с русскими войсками в пределах самой Иверии, она усилила агитацию среди кавказских племен и результатом явилось то, что самое начало нового XIX века, 1800 год, был годом, полным тревог на Кавказской линии» (39).

Затем приводится перечень некоторых из нападений и заканчивается труд следующими словами: «12 марта 1801 года государь (Павел I – А. З.) внезапно скончался и на престол вступил Император Александр I, с которым начинается и новая эра в Кавказской войне» (40). Эти цитаты дают нам возможность установить, что массивность ударов горцев в 1800-1801 гг. наблюдается не только в Грузии, Черномории, но и на Тереке, охватывая все кавказские границы России.

Донские историки, писавшие до революции о подвигах казачества, тоже начинали войну на Кавказе с 1801г. (41), традиционно перенимая эту дату друг у друга.

А. Л. Гизетти, проведший в свое время подсчет потерь русских войск на Кавказе, войну с горцами начинает также с 1801г., называя соответствующую часть своего труда «Потери в период Кавказско-горской войны 1801-1864 гг.» (42). Отчего же тогда современные ученые, использующие его выкладки, начинают Кавказскую войну с 1817г.? (указанный содоклад А. М. Авраменко на конференции в Краснодаре в 1994г. – А. З.).

Даже в книгах, написанных за рубежом, принимается дореволюционная периодизация войны. Так М. Гаммер пишет: «...уже на пороге смерти, Георгий XII обратился к российскому императору с просьбой принять Картли и Кахетию под свое прямое правление. 30 декабря 1800г., ровно за десять дней до смерти последнего грузинского царя, Павел подписал манифест о принятии предложения Георгия. Преемник Павла Александр I, после долгих колебаний и проволочек, манифестом от 24 сентября 1801г. подтвердил решение Павла. Два эти события стали водоразделом в кавказской политике России. Если еще можно гадать, знал ли Павел, что повлечет за собой его решение, то с Александром все было ясно. Он сознательно перешел от вмешательства к захвату и открытому столкновению с исламским миром на юге Грузии и

мусульманскими племенами на севере. Это стало неизбежным, поскольку защитить Картли и Кахетию, а также дорогу из Владикавказа в Тифлис (в 1799г. ее реконструировали) без дальнейшего покорения народов и захвата территорий было невозможно. Так начался период войн и столкновений, длившийся шесть с половиной десятилетий, в результате которого Кавказ оказался в полном подчинении России.» (43). Несколько тенденциозно, но для нас важно, что и М. Гаммер – сторонник взгляда, что Кавказская война началась в 1801г.

Есть еще одно мнение, что Кавказская война началась не в 1801, а в 1804г. Культивируется оно, в основном, на страницах отечественной военно-справочной литературы, посвященной истории казачьих войск России (44). Взято оно, может быть, из механического вычитания 60 лет из 1864г., возникшего из приказа по Кавказской армии от 29 сентября 1860г.: «Храбрые донцы в течение шестидесятилетней Кавказской войны постоянно делили с русскими войсками и труды, и славу военных подвигов, и многие из этих подвигов займут почетное место в истории» (45). Однако, надо признать, что вел. кн. Михаил Николаевич, издавший этот приказ, имел в виду «общее место», упростив хронологический подсчет, а авторы данных справочников чересчур ему доверились. Ибо в перечне полков, участвовавших в боях с горцами, у В. Х. Казина упоминаются и те, которые находились на Кавказе с 1801г. и к 1804г. уже отслужили свой «термин» (срок службы), вернувшись на Дон. Остальные же два автора просто скопировали его дату. Вполне возможно, что это просто опечатка (вместо «1» отпечаталось «4»).

Мы также считаем, что Кавказская война началась в 1801г. (46). Логика в доказательстве этой истины достаточно проста: разве начиная с присоединения Грузии к России в 1801г. лезгины, чеченцы, кабардинцы и закубанцы не нападали на Кавказскую линию и грузинскую границу, а русские войска при К. Ф. Кнорринге 2-м, П. Д. Цицианове, И. В. Гудовиче,

А. П. Тормасове и Н. Ф. Ртищеве не ходили в ответные экспедиции (пусть даже с разной активностью и настойчивостью каждого из этих генералов – А. З.)? А в этом и состояли основные действия Кавказской войны, характерные и для позднейшего времени, и масштабность этих акций была впечатляющая, но только в 1801-1816 гг. русские войска не стремились присоединить земли горцев и закрепиться на них, как это делалось с 1817г., а формы и методы войны были одни и те же на протяжении всех ее 64 лет. Но период 1801-1816 гг. показывает, что нападения горцев на русские земли являлись сутью их общественного уклада, вытекали из их хозяйственного бытия, т. к. набеги и работорговля были одними из ведущих способов их существования (т. е. то, о чем в свое время писал М. М. Блиев). Однако признание такой «исторической реалии» не вписывалось в марксистскую схему мировой политики, поскольку в данном случае получалось, что не колониальный хищник – Россия – ополчился на горцев, а «бедные» горцы напали на крупнейшую державу. Поэтому данный отрезок Кавказской войны и не входил в советскую хронологию, а сейчас не входит в современную, которая «лукавит» из политических соображений. В этом отношении дореволюционные русские историки были куда объективнее в хронологии событий. Думается, что после крушения всех марксистских догм следует вернуться именно к этой хронологии, т. к. она была руководящей стезей освещения данной проблемы на протяжении более 100 лет, продолжаясь в работах русских эмигрантских историков, когда в России восторжествовала другая хронология.

Длительное время мы в одиночестве пытались доказывать, что характеризуемый отрезок времени – оборонительный для России в Кавказской войне, но в 1998г. у нас появился неожиданный союзник – ведущий специалист Госкомпечати РФ А. В. Бирюков, который в своей статье, ссылаясь на труд А. Зиссермана «История 80-го пехотного

Кабардинского генерал-фельдмаршала кн. Барятинского полка», пишет, что период с середины 80-х гг. XVIII в. до 1817г. характеризовался оборонительными действиями русских войск, особенно это относится к Чечне и Дагестану. И далее в статье даются подтверждающие факты, как из труда А. Зиссермана, так и архивные данные (47).

Недавно такого взгляда стал придерживаться молодой ученый из Армавира, воспитанник краеведческой школы В. Б. Виноградова, Скиба К. В. Он заявляет: «Историю Кавказской войны на Кубанской линии условно можно делить на два периода – оборонительный (1801-1830 гг., , в том числе **пассивная оборона в 1801-1820 гг.** , и активные действия в духе А. П. Ермолова в 1820-1830 гг.) и наступательный (1830-1850-е гг.). Нас интересует оборонительный период, когда обстановка на Линии была следующей: «горские набеги- карательная экспедиция- озлобление, месть, новые набеги – новая экспедиция – вынужденное смирение, лживые клятвы покорности, выдача аманатов – относительное затишье – новые набеги и т. д.» (48). Мало того, при личной встрече с нами, К. В. Скиба выразил признательность за направление его поисков и подвижку в его работе в связи с нахождением названия термина периода – **оборонительный**, т. к. все не решался его так назвать. До чего же у нас сильны стереотипы в сознании: явное не решаемся назвать своим именем, пока кто-либо другой так не сделает первым! Стороников у нас в этом мнении все пребывает...

Теперь нужно попытаться доказать, что события на Северном Кавказе в 1801-1804 гг. – это война, а не очаговые боевые действия, как это считалось раньше в советской и постсоветской литературе. Ведь такой взгляд и породил дату начала войны в 1817г. А посмотрим, что собой представляли эти «пограничные стычки и отдельные набеги», которыми так любят фигурировать наши современные исследователи. Причем набор данных мы не будем отыскивать в архивах, а попытаемся свести воедино

то, что уже было опубликовано в отечественной литературе за более чем 150-летний период выхода работ по Кавказской войне. Сделаем это в хронологическом порядке и только по Северному Кавказу, не вдаваясь в пределы Закавказья, где происходили такие же бои с лезгинами и дагестанцами.

Итак, **1801г.**- на границах Черноморского Войска черкесы начали свои нападения еще с 1800г., используя для этого переговоры, проходившие в Анапе между черноморцами и ими под патронажем турецкого анапского паши Османа о возвращении награбленного с 1797 по 1800 г. Черкесы использовали их как прикрытие для накапливания сил. Рапортом 29 февраля 1800г. полковник Мазан донес войсковому атаману Ф. Я. Бурсаку, что 400 человек закубанцев пытались было произвести нападение на Медведовский курень, но безуспешно. Через 18 дней после этого обнаружались более зловещие признаки. Войсковой атаман полковник Бурсак донес Павлу 1, что черкесы собирались большими скопищами в горах и, переправившись по льду через Кубань, напали на кордоны Славянский, в числе 1000 чел., на Копыл – до 5000 чел. и на Медведовский кордон-500 горцев. Уходя после набега обратно в горы, черкесы увели с собой в плен 9 мужчин и 4 женщины, убили 2 казаков и угнали некоторое количество разного скота. По слухам, горцы намерены были в том же году снова напасть на казачью флотилию, на курени Медведовский, Тимошевский и Вышестеблиевский и на кордоны Ольгинский и Копыльский (49).

Но Павел 1 при вступлении на престол, заботясь о мирной обстановке на границах, распорядился не переходить казакам Кубань для преследования черкесов. Поэтому черкесы то и дело вторгались на землю Черноморского войска, а казаки, громя врага на своей земле, не могли преследовать их, натываясь на Кубань, как заповедную черту. В силу этого Ф. Я. Бурсак воспользовался первым большим нападением черкесов в

марте 1800г. на Копыльский кордон, чтобы настойчиво требовать права ответных набегов (50).

В это же время (начало 1800г.) к закубанским дударуковцам бежал кабардинский князь Адыл- Гирей Атажукин. При этом он пытался силой увести с собой за Кубань кумских тапантовцев (ветвь абазин). Русские войска вернули их назад. В том же году 30 абазин бежали из-за Кубани на Куму (51).

Просьба Ф. Я. Бурсака была уважена и 17 апреля 1800г. на его имя последовал рескрипт Павла 1, которым указана была как организация экспедиции, так и участие в ней регулярных войск, которые обязаны были помогать черноморцам. Генерал от кавалерии Михельсон в связи с этим получил отдельное приказание царя откомандировать для этого 14-й и 15-й егерские полки Драшкевича и Лейхнера сначала для участия в экспедиции, а затем для расположения по Кубани вдоль границы от Тамани до Усть-Лабинской крепости.

Пока шла переписка между Михельсоном и Бурсаком о путях выхода егерей к Кубани, горцы собирали многочисленные отряды и на глазах постовых казаков разыскивали броды на Кубани, совершив несколько разведывательных набегов, окончившихся угоном скота и гибелью и пленением нескольких человек. 11 мая отряд черкесов в 500 чел. под предводительством известного Явбук-бея показался против Павловского кордона, но казаки его отбили. Наконец, приготовления были окончены. 16 мая генерал-майор Драшкевич выступил через Темрюкские броды со своим отрядом, переправив артиллерию через Черную Протоку и Черный Ерик. Бурсак ему направил 1500 казаков, а сам 2 июня с отрядом в 2005 чел. переправился у Екатериновского поста через Кубань и начал преследовать показавшиеся группы горцев. Третьим отрядом, состоящим из казачьего и егерского Лейхнера полков, командовал подполковник Черноморского войска Еремеев.

Казачьи отряды Бурсака на первых порах встретили за Кубанью лишь мелкие группы черкесов, взяв двух человек в плен. Но затем были встречены и более крупные силы, оказавшие им сопротивление. Черкесы были вытеснены из аулов, принадлежащих Арслан-Гирею и Давлет-Гирею на речке Аушед. Казачьи отряды захватили более 1,5 тысячи голов скота. На другой день отряд горцев в 500 чел. заманил казаков в лес и когда те вошли в него, то черкесы, сидевшие в лесу в засаде, открыли плотный огонь, ранив одного казака. Но рукопашного боя в лесу они не выдержали и бежали в горы. Отряд Бурсака преследовал их более 30 км. Подполковник Еремеев захватил у черкесов 2542 головы различного скота. Император Павел I, объявив казакам и егерям Высочайшее благоволение, приказал разделить всю добычу между казаками и регулярными войсками (52).

4 июля отряд горцев Явбук-бея в 500 чел. напал врасплох на казаков, рубивших лес в Головатом куте, пленив 5 черноморцев. Есаул Кобеняк, стоявший на кордоне, не задумываясь бросился вплавь через Кубань и на том берегу догнал врага у селения султана Магмет-Паки. Произошел жаркий бой. Огонь 3-фунтового орудия и храбрость казаков сломили черкесов и заставили их бежать, понеся значительные потери. Казаков было всего 200 чел., но потеряли они только 2 раненых. Есаул Кобеняк убил под Явбук-беем лошадь и чуть не взял его в плен. Заодно с черкесами Явбук-бея, черноморцы разграбили и аул султана Мегмет-Паки, захватив 500 голов рогатого скота, до 2000 овец, 3 лошади и много разного имущества. Но в это время был большой разлив Кубани и казаки, переправляясь обратно, мало что смогли захватить с собою.

Этим закончились схватки на границе Черноморского войска в 1800г., что привело В. А. Потто даже к выводу: «Озадаченные горцы после того в течение целого года не смели приближаться к Линии» (54). Но это не так: в начале 1801г. черкесы произвели нападения на селение Стеблиевское и на Бугаз. В период этого набега черкесы взяли в плен почти всех жителей

Стеблиевского куреня. Поэтому адмирал маркиз де-Траверзе, командующий военными силами в Крыму и Черноморье, 28 марта 1801г. приказал Бурсаку, чтобы он усилил вообще кордонную линию на Кубани. Ф.А. Щербина заявляет: «Надо полагать, что нападениями на Стеблиевку и на Бугаз черкесы не ограничились в этом году» (55).

На другом конце русской границы, на Кавказской линии по течению Терека, 1800-1801 гг. тоже отмечены нападениями горцев. По мнению В. А. Потто, «решительный шаг, сделанный нами занятием Грузии, вызвал сильное негодование в Персии, но не имея возможности открыто бороться с русскими войсками в пределах самой Иверии, она усилила агитацию среди кавказских племен и результатом явилось то, что самое начало нового XIX века, 1800г., был годом, полным тревог на Кавказской линии. Правда, крупных вторжений по-прежнему не было, но мелкими происшествиями он был **обилен более, чем все предыдущие годы**. Разбои со стороны кабардинцев, кумык и черкесов до того усилились, что не стало проезда по дороге» (56).

И далее приводятся случаи схваток с горцами, запечатленные во Всеподданнейших отчетах К. Ф. Кнорринга 2-го, найденных в Моздокском архиве, которые не имеют даже дат.

В 18 км. ниже Моздока стоял на Тереке Прорезный пост, занятый командой Кабардинского полка под командованием прапорщика Бодирова и 30 казаками Моздокского полка. Ночью, в начале апреля, отряд карабулаков тихо переправился на нашу сторону и с первого налета захватил казачий табун, пасшийся на самом берегу реки. Маяки быстро донесли тревогу до самого Моздока, откуда командир Моздокского полка майор Лучкин с тремя сотнями казаков тотчас пустился в погоню, нанеся врагу потери и отбив табун назад. Переправившись через Терек, Лучкин неожиданно наткнулся на огромную массу неприятеля, которая, однако, увидя казаков, без выстрела, ушла. За горцами был послан сотник

Суровецкий и 30 казаков. Моздокцы настигли замыкающую группу карабулаков. В рукопашной схватке Суровецкий был ранен кинжалом, казаки зарубили несколько горцев, а остальные бросили оружие. Оказалось, что это были аксаевские и андреевские жители, сопровождавшие 57 чел. пленных грузин и армян, мужчин и женщин, взятых Ага-Магомед-ханом при нападении его на Тифлис. Кумыки вели их в Анапу для продажи туркам, но сами оказались в плену. Пленных кумыков отправили в станицу Наурскую для использования на принудительных работах, а грузин и армян – обратно в Грузию (57).

В июне того же года отряд чеченцев внезапно напал на 6 солдат, у Шелкозаводской станицы заготавливавших лес для выделки ружейных лож. Двух из них убили, четырех взяли в плен. Отсюда эти 70 чеченцев бросились к Галюгаевской станице, но наткнулись на разъезд Моздокского полка. Казаков было 7 чел. Ехали они без всякой предосторожности. Один из них был убит, а 6 взяты в плен. На этот раз врага даже не преследовали, а через несколько дней чеченцы взяли в плен отставного поручика Таганова, брата кабардинского пристава, жившего в лесу, в 8 км. от Моздока (58).

Это было при Павле Петровиче, а после вступления на русский престол Александра I «началась и новая эра в Кавказской войне» (59). Однако В. А. Потто не смог зафиксировать в своем последнем труде (он умер 29 ноября 1911г.) того, что было на этом участке русской границы в 1801г. Слова же о «новой эре» указывают на то, что изменилась сама суть войны. Ей должен был быть посвящен 3-й том книги, который ожидался выходом к весне 1912г., но волею судеб мы остались без этого тома, не зная подробностей 1801г.

О том, какие события произошли в 1800-1801 гг. между Усть-Лабинской и Моздоком и роли в них донских казаков, будет сообщено в данной монографии. Но слабая защищенность центра Кавказской линии в

начале XIX в. указывала на необходимость возведения здесь укреплений. Первым российским военачальником на Кавказе, который распорядился о перенесении «...линии от гор Бештау вперед на Малку, чтобы прикрыть ею Кисловодские минеральные источники», был инспектор Кавказской линии граф генерал-лейтенант И. И. Морков. С целью реализации плана он организовал строительство редута на р. Ессентучек и провел первый российский курортный сезон у Нарзана в июне-августе 1798г. Целебные свойства источника были выявлены уже тогда, а горцы не давали нормально отдыхать курортникам из центра России. Но скорая отставка И. И. Моркова от службы Павлом I не дала возможности построить редут до конца. В 1800г. Павел I признал его строительство нецелесообразным. Но командующий войсками на Линии К.Ф. Кнорринг 2-й, принявший эту должность после И.И. Моркова, постоянно включал источник в зону объезда кордона казачьими разъездами. В 1801г., параллельно с источником Кислых Вод (Нарзаном) был сооружен если не редут, то казачий пост на возвышенности возле Нарзана, получивший в связи с этим название «Казачья горка». На посту постоянно несла службу полусотня донских казаков, пополняемая во время сезона до полной сотни (60). Это не уберегало от набегов горцев, но хоть как-то прикрывало направление и курорт. Если бы не было набегов, то и не было бы в 1800-1801 гг. всей этой «возни» с редутом и постом...

Есть еще сообщение о боевых действиях на участке между крепостью Усть-Лабинской и Моздоком в 1801г. Зафиксировано оно в биографической справке о генерал-майоре Карле Федоровиче Стале (1759-1828 гг.), составленной доктором исторических наук, профессором А.Г. Терещенко: «В 1801 году Сталь участвовал в военной экспедиции в Большую Кабарду для прекращения беспорядков» (61).

События 1801г. на Военно-Грузинской дороге, связанные с нападениями осетин во главе с Ахмедом Дударуком и ограбление

армянского архиепископа тоже будут описаны ниже в этой монографии (см. главу 2-ю).

1802 год начался для черноморцев мирно. Но по одним сведениям 28 февраля (62), а по другим – в начале марта (63), казаки попали в подготовленную для них горцами засаду. Из Бугазской пристани вверх по Кубани направлено было в Екатеринодар на байдаке 200 пудов пороху и 200 пудов свинца. На судне находились артиллерийский офицер хорунжий Венгер, начальник байдака прапорщик Жвачка, 4 канонира и 21 чел. команды. Горцы заранее, в количестве 300 чел., засели в камышах Каракубани и на образованном ею острове. Возле острова Старая Кубань становилась мелководной, и казакам пришлось двигаться по Каракубани, где они и попали в засаду. Черкесы обстреляли байдак и затем вплавь бросились к судну и овладели им. Хорунжий Венгер, прапорщик Жвачка, 2 канонира и 9 казаков были убиты, остальные ранены и взяты в плен. 2 казака и 1 канонир, особенно тяжело раненые, были оставлены горцами умирать на месте, но двое из них кое-как доползли до Кубани и дали знать на посты о гибели байдака (64).

Потеря судна, пороха и свинца заставила Войсковую канцелярию Черноморского войска теперь просить уже Александра 1 отменить запрет на пересечение Кубани, введенный им при его вступлении на престол. Разрешение было дано. Ф. Я. Бурсак снова возглавил карательный отряд, состоящий из 336 казачьих офицеров, 2245 пеших и 3858 конных казаков. 29 мая он переправился через Кубань у Ольгинского кордона. Михельсон направил ему в поддержку 14-й егерский полк (65). По сообщению В. А. Потто на усиление был придан и 15-й егерский полк (66). Ночью того же числа полковник Бурсак с частью войск пробрался по топким местам к аулам князя Буджука. Здесь 30 мая, при солнечном восходе, произошло упорное сражение между казаками и черкесами. Черкесы, прикрывая отступавшие за реку Пшиц семейства с имуществом, не позволили казакам

подойти к аулам, но часть казаков зашла лесом в тыл черкесам и, отрезавши их от реки, бросилась в рукопашную и разгромила черкесов, которые потеряли 200 чел. убитыми и 300 ранеными. Потери черноморцев были незначительны: убито 4 казака и 2 старшин и 13 казаков ранены. Бурсак овладел всеми четырьмя аулами, казаки взяли в плен 532 чел. и самого князя Буджука с семейством. Трофеями черноморцев оказались 1158 голов рогатого скота, 1396 овец и 2432 козы. В одном из аулов было найдено до 30 пудов пороха, 40 пудов свинца и часть такелажа с байдака. 31 мая Бурсак со всеми своими силами был уже на русском берегу Кубани. Александр 1 приказал не отпускать пленных черкесов до тех пор, пока не будут возвращены все русские пленники. Горцы снова притихли. Генерал Михельсон 30 июня сообщил Бурсаку, что чума в Анапе прекратилась и можно было возобновить с горцами торговые отношения на меновых дворах. Но горцы на контакты не пошли (67).

В начале 1802г. пошли на контакты не черкесы, а кумские абазины. Они пошли даже на большее, чем торговля на меновых дворах. Был сформирован на р. Куме отряд из 1000 ногойцев и 500 тапантовцев в январе 1802г., который пытался прорваться на р. Уруп для нападения на мысылбаев, но был отбит (68). До 1802г. абазины управлялись собственными феодалами, которые формально подчинялись начальнику Кавказской линии. В мае же этого года над кумскими абазинами и ногойцами был поставлен пристав, непосредственно подчинявшийся Коллегии иностранных дел. Первым приставом стал коллежский советник Макаров (69).

В центре Кавказской линии 1802г. отмечен активностью кабардинцев и осетин в нападениях на Военно-Грузинскую дорогу. В исторической литературе по отношению к Осетии эти действия даже названы восстанием (70). Считается им выступление осетин, живших на Малой и Большой Лиахве. Но оно было быстро подавлено отрядом подполковника Ф. Ф.

Симановича в феврале 1802г. Силами в 7 рот пехоты, 77 казаков донского полка Щедрова 2-го и 2-х орудий он за 12 дней усмирил осетин (71). Многотысячная масса горцев не смогла справиться с таким крохотным отрядом, т. к. Ф. Ф. Симанович сделал переход по горным кручам и появился перед ними внезапно.

Однако данная ситуация была кратковременна, ибо весной 1802г. стали проявлять активность в нападениях на Военно-Грузинскую дорогу осетины, живущие ближе к Владикавказу. Сообщения с Тифлисом сделались настолько небезопасны, что К. Ф. Кнорринг, возвращаясь из Грузии на Линию, должен был отправить для расчистки дороги роту пехоты и 200 казаков, под командованием майора П. Г. Буткова. Самым опасным местом на этом пути считалось Ларское ущелье, находившееся во владении одного из осетинских старшин, Ахмета Дударова (в нашей монографии он – Ахмет Дударук), который жил на высокой горе, увенчанной каменным замком. Отсюда, с толпой преданных слуг, он выезжал на разбои, грабил проезжающих и собирал дань с проходивших мимо купеческих караванов. Теперь, как только колонна Буткова показалась в ущелье, Дударов поднял красное знамя – сигнал тревоги. Но Бутков, не давая врагу времени собраться с силами, бросился в деревню Чим, принадлежавшую Дударову, и все, что было вне укрепленного замка, предал истреблению, перебив часть жителей. Дударов понял бесполезность сопротивления и вступил в переговоры, в ходе которых, от лица всех осетин Дарьяла и Ларса выторговал ряд привилегий (см. главу 2-ю) (72). Причем переговоры шли весь июль.

Такие переговоры привели к тому, что грабежи и нападения на Военно-Грузинскую дорогу возобновились уже в августе. Ибо горцы, видя что К. Ф. Кнорринг им уступает по всем пунктам, лишь бы восстановить движение по дороге, признали это за проявление слабости русского

командования и обнаглели выше меры. Эта активность осетин наблюдается до конца года.

С 1802г. связано начало деятельности в Чечне Бейбулата Таймиева, одного из руководителей борьбы с Россией. Именно под его предводительством было совершено несколько набегов. Наиболее запомнившийся происходит по одним сведениям 20 сентября (73), по другим – 27 сентября (74). Причем если для В. А. Потто это рядовой набег малой группы чеченцев, то для А. А. Айдамирова это звучит так: «Набег Бейбулата Таймиева на казачьи кордоны. Схватка с казачьими отрядами у с. Порабочевского. Взятие в плен полковника, позже генерала Дельпоццо» (75). Именно этим данный набег Таймиева и запомнился, т. к. И. П. Дельпоццо предстояло сыграть на Кавказе видную роль. В описании же В. А. Потто это выглядит так. На Тереке, между станицами Новогладковской и Щедринской стояла земляная Ивановская крепость, где жил в небольшом домике, отстраненный от службы Павлом 1, бывший командир Казанского пехотного полка полковник И. П. Дельпоццо. 20 сентября он, утром, с тремя гребенскими казаками отправился в соседнее Порабочевское селение, стоявшее на опушке леса. Когда они уже подъезжали, из лесу вылетели 21 чел. горцев, убили казаков и взяли в плен полковника и увезли, надеясь взять за него хороший выкуп. Привезли его в Герменчукский аул и потребовали за него 20 тыс. серебряными рублями (76). Для переговоров о выкупе был использован переводчик, некто Алиханов, имевший в Чечне большие родственные связи и влиятельных кунаков. Его усилиями сумма выкупа была сбавлена до 4200 руб. мелкой серебряной монетой. С этим и закончился год на границе с Чечней.

1803г. на границах Черноморского войска начался тем, что в первых числах января черкесы переправлялись по льду через Кубань мелкими группами, грабили казачьи хутора, жгли, угоняли скот и уводили в плен население. 4 февраля капитан Ерько известил Бурсака, что в урочище

Черного Ерика собралось до 1000 чел. горцев, а в урочище Куркулях даже до 8000 чел., намереваясь напасть на Титаровку, Темрюк и ближайшие к ним кордоны. Хотя атаман и принял меры, но 16 февраля 4000 черкесов напали на Петровский пост. Но казаки встретили их орудийными выстрелами и отбросили от кордона, нанеся потери, исчисляющиеся 23 чел. убитыми и многими ранеными. При отступлении враг сжег почтовый двор, увел лошадей, угнал скот и взял в плен казачку с семьей, ограбив ее хутор (77).

Ночью с 18 на 19 февраля черкесы, в значительном количестве, переправились через Кубань у Александровского кордона. Горцев встретили ночные казачьи разъезды. Черкесы немедленно бросились на кордон и окружили его. Оборонялось здесь 40 черноморцев во главе с хорунжим Коротняком. Было убито 45 черкесов, в том числе и их князь, но горцы кордон взяли. Коротняк и 2 казака были убиты, 3 казака ранены. Черкесы захватили 8 казаков в плен, а также жену и сестру Коротняка. Оставшиеся казаки продолжали отбиваться и горцы, не имея цели во что бы то ни стало добить их до конца, оставили кордон. В ту же ночь огромная масса черкесов двинулась на Копыл, оставив пеших на левом берегу Кубани, а атаковав кордон только конницей насчитывающей до 3000 чел. Несколько раз горцы бросались на штурм, но были отбиты ружейным и пушечным огнем егерей и казаков. Когда на помощь кордону, после трех часов боя, прискакала команда казаков из Протоцкого поста, то черкесы отступили. Они потеряли большое количество убитых. Отступив от Копылского кордона, горцы бросились на Протоцкий пост, но казаки, помогшие Копылу, успели прискакать назад во главе с капитаном Ерько и отразили черкесов (78).

24 февраля через Кубань переправились еще 2000 черкесов и напали на рыбные заводы по Курчанскому лиману, но всюду были отражены казаками, потеряв 2 убитых и 1 раненого. В феврале на пикете

Марьинского кордона черкесы убили 1 офицера, 2 казаков, 4 казаков ранили и 1 взяли в плен. В апреле на пикете Новоекатериносинского кордона убили 2 казаков и 1 взяли в плен. В мае на пикете Марьинского кордона горцы убили 1 казака и взяли одного в плен.

В течение 1803г. черкесы неоднократно давали Бурсаку обещания прекратить набеги на Черноморию. 25 апреля черкесский князь Калабатоглу с 25 узденями дали клятву, что они будут удерживать от набегов как своих единоплеменников, так и других горцев, в пределах между Бугазом и Копылом. Шапсуги 8 июня обещались удерживать своих воинов от набегов и возвращать обратно казакам награбленное. Натухайцы дали клятву о прекращении враждебных отношений к казакам, но просили у тех помощи против шапсугов. Но данные клятвы и обещания были пустой формальностью, т. к. по сообщению Ф. Я. Бурсака генералу Розенбергу, в течение 1803г. черкесы партиями от 100 до 2000 чел. нападали на кордоны Александрин, Марьинский, Протоцкий и Копыльский и убили 2 офицеров и 70 казаков (79).

Не совсем понятны в этом плане слова из книги зарубежного адыга, предки которого эмигрировали в Турцию в 60-х гг. XIX в., Н. Бэрзеджа, аналогичной в 90-е годы XX в. издавались по всему Северному Кавказу: «Появление русских войск на южных рубежах Северного Кавказа обеспокоило черкесов и повлияло на их военную активность. В 1803-1804 годах они нанесли несколько поражений подряд русской армии и, отеснив ее на север, укрепились на рубеже Дон – Маныч. Эти успехи стали следствием совместных действий всех северокавказцев – убыхов, абхазов, адыгов, осетин, чеченцев, дагестанцев» (80). Когда такое было в истории – неизвестно, но чтобы показать размах действий в 1803г. – и эта цитата сгодится, несмотря на ее антинаучность!

На центральном участке Кавказской линии продолжавшиеся нападения кабардинцев и чеченцев снова подняли вопрос о необходимости

возведения укреплений. 7 марта 1803г. князю П. Д. Цицианову последовал рескрипт Александра 1 о строительстве укреплений при Кислых колодцах. Этот рескрипт был ответом императора на рапорт главноуправляющего на Кавказе и в Грузии князя П. Д. Цицианова, извещавшего о Кислом Колодце, в 30 версиях от Константиногорской крепости (81). Основой для рапорта послужили донесения чиновника канцелярии Цицианова Петра фон Сухтелена, по его распоряжению обследовавшего в 1802г. источник и снова поставившего отвергнутый Павлом 1 вопрос (82). В этой точке Кавказа сталкивались две насущные для России проблемы: охрана границы и охрана здоровья, т. к. Кислый Колодец уже стал известен на всю страну и к центру Кавказской линии потянулись люди за исцелением. Однако они подвергали себя большой опасности, т. к. кабардинцы, даже не совершая крупных набегов, ночами вредили русским постройкам. По словам П. Д. Цицианова, они «из единого недоброжелательства стараются закидывать его камнями и препятствовать заведению тамо строений для пристанища приезжающих» (83).

Кисловодский участок Линии стал формироваться вместе со строительством крепости в 1803г. В «Словаре географическом Российского государства...» (1804) говорится, что «...вновь устроенный...» «Кисловодский редут» (крепость) предложено включить во выдвинутый вперед кордон, который будет идти от Батал-пашинской переправы, где на Кубани стоит казачий полк, и от Кисловодской крепости «сильными постами и редутами внутри Большой Кабарды на реку Баксан, где Мисостова Родовой Суд, сделать также хорошее укрепление...». Далее кордон предполагалось вести на дорогу из Моздока в Грузию «верстах в 60 от Владикавказского укрепления». Вокруг Кисловодска стала образовываться широкоразветвленная система казачьих пикетов и разъездов (84).

Таким образом, Константиногорская крепость и возникшая позднее Кисловодская линия (включавшая Есентукский редут и Кисловодскую крепость) **разъединяла два основных очага борьбы горцев с российской колонизацией** (Закубанье на западе и Дагестан с Ичкерией на востоке) (85).

Но факт строительства Кисловодской крепости и развитие кордона отрицательно были восприняты представителями кабардинской княжеской верхушки (86) и они продолжили свои набеги, задерживая строительство фортификационных сооружений. О некоторых подробностях отражения этих набегов можно узнать в 3-й главе данной монографии.

На границе с Чечней можно зафиксировать, действительно, только одно событие, запечатленное в литературе: летом 1803г. П. Д. Цицианов приказал генералу Шепелеву, временно исполняющему обязанности командующего войсками на Кавказской линии, наказать аксаевские деревни, через которые чеченцы Бейбулата Таймиева проезжали с плененным ими полковником И.П. Дельпоццо, и отбить весь чеченский скот, пасшийся в долине между Терekom и Сунжей. Две роты пехоты, стоявшие в ст. Щедринской, 50 гребенских казаков и 2 орудия ночью перешли Терек. Казаки быстро отогнали стада и, под прикрытием пехоты, переправили на русскую сторону. Прискакавших чеченцев отогнали в ходе перестрелки и немедленно распродали отбитый скот, выручив за него 10 тыс. рублей, из которых за И. П. Дельпоццо было отдано 8400 руб., чтобы не возникало более никаких вопросов, и тот был отпущен. Это действительно все, что случилось в этом году на восточном участке Кавказской линии. Даже в очень хваленном труде А.А. Айдамирова ничего о собственно чеченских событиях нет, а освобождение Дельпоццо из плена помечено у него почему-то 1804г. (87), хотя общепринятая дата во всех остальных книгах-1803г.

1804г. на границах Черноморского войска начался мирно, но как только листва одела деревья и кустарники, в конце апреля горцы произвели незначительные нападения на кордоны Елинский и Елизаветинский, убив и взяв в плен несколько казаков. В мае носились слухи, что 1000 конных и 1000 пеших черкесов собрались на месте прошлогоднего поражения с целью совершить очередной набег. Но он был совершен только 28 июля на Петровский кордон гораздо меньшими силами. В плен было взято 9 казаков и угнано 28 казачьих коней (88). Но Бурсак в этот раз решил не раздражать закубанцев, отклоняя предложение Г. И. Глазенапа, нового инспектора Кавказской инспекции, совершить ответный набег.

Однако в сентябре начались серьезные столкновения между казаками и горцами. 11 сентября Ф.Я. Бурсак получил от генерала Розенберга, инспектора Крымской инспекции, приказ приготовиться к походу за Кубань, а 16 сентября горцы сами напали на Черноморию. В 8 час. утра против Ольгинского кордона собралось на черкесской стороне Кубани 2000 горцев, разделенных на четыре отряда. Сотник Похитонов прикрыл своими казаками берег, но 500 чел. черкесов все же переправились на русскую сторону. Казаки открыли огонь из орудий и ружей, горцы не выдержали и, потеряв до 20 чел. убитыми и много раненых, ушли в горы.

Через 9 дней произошел новый бой. Ф.Я. Бурсак уже был предупрежден о приготовлениях черкесов и 25 сентября поехал с конвоем в сотню казаков осматривать готовность постов и кордонов. В 8 час. утра 2000 конных черкесов попытались перейти Кубань у подгородных хуторов Екатеринодара. Команда в 180 черноморцев подняла тревогу, не позволяя своим огнем горцам перейти Кубань. Бурсак со своей сотней пришел им на помощь, но 1000 горцев уже переправились и продолжали переправляться остальные. Из Екатеринодара прискакали еще 150 казаков. С этими силами (430 казаков) Бурсак трижды отбрасывал черкесов за Кубань. С той

стороны 500 горцев обстреливали казаков, помогая своим переправляться обратно. Когда же из Екатеринодара были привезены 2 орудия, открывшие огонь, то горцы на том берегу, прикрывавшие отход, потеряли от их стрельбы 40 чел., а переправлявшиеся - еще больше. Черноморцы же потеряли убитыми 4 казака и ранеными 1 сотника и 4 казака (89).

В ноябре 1804г. Бурсак в письме к нутхайским владельцам обвинял их в нарушении присяги, данной в 1803г., т. к. они совершили два набега на Черноморию, взяв в плен нескольких казаков и уведя несколько лошадей. Очередной набег был совершен 17 октября, когда горцы взяли в плен 8 чел. Поэтому 30 ноября и 1 декабря через Кубань переправились под командованием Бурсака 8 конных и 5 пеших черноморских полков, батальон 12-го егерского полка и 6 орудий и двинулись тремя колоннами в землю шапсугов по рр. Шебш и Афипису. 4 декабря русские с четырех сторон начали громить шапсугские владения. Произошел целый ряд стычек и боев. Горцы везде потерпели поражение. Потеряв до 150 чел., шапсуги после этих боев собрались в отряд более 1000 чел. и еще раз атаковали русских, но не смогли выдержать орудийного огня. Бой продолжался до 5 час. вечера. Горцы были окончательно разбиты и рассеяны по горам и тущобам, потеряв более 250 чел. убитыми и массу ранеными. Войска разорили все попавшиеся им по пути аулы, захватив до 1300 голов рогатого скота и до 6000 овец, и расположились на ночь у р. Шебш. 5 декабря русский отряд простоял на месте, посылая отдельные отряды для рекогносцировки в те места шапсугских владений, в которых русские еще не были. Разлив горных речек приостановил эти действия и отряд 6 декабря двинулся обратно в Черноморию (90).

Но возмездие получила только одна часть шапсугов. Другие, жившие по р. Обун, подверглись вторжению 12 декабря, когда от сильных морозов стали реки. Отряд переправился через Обун ночью и весь следующий день и ночь скрывался в лесах и камышах. На следующую ночь, при сильном

снегопаде и буре, отряд двинулся вперед и 14 декабря, в 8 час. утра, подошел к аулам горцев. Те бросились в лес, но казачья конница атаковала их. В ходе боя черкесы потеряли более 500 чел. убитыми и 4-х пленными. Русский отряд захватил до 50 голов рогатого скота и 2000 овец, сжег аулы, хлеб и сено. При уходе отряда шапсуги еще раз стянули до 1000 чел., атаковали русских, но опять были разбиты, потеряв до 100 чел. убитыми.

Общий результат двух экспедиций: убито 650 горцев и столько же ранено, сожжено более 2000 дворов и убито до 20 лошадей. 15 декабря отряд Бурсака перешел на правый берег Кубани. Потери русских в обе экспедиции составили: убитыми 5 офицеров и 57 казаков, ранеными 1 офицер и 40 казаков (91).

Бурными событиями отмечен 1804 г. и на территории абазин, у которых был сменен пристав. Им стал ногаец генерал-майор Султан Менгли-Гирей, подчиненный теперь опять командующему войсками на Кавказской линии Г. И. Глазенапу. Генерал-лейтенант Глазенап проводил весной 1804г. карательную экспедицию в Кабарде. Много кабардинцев бежали за Кубань, положив начало нынешнему черкесскому населению Карачаево-Черкесии. Во время этих событий абазины оставались лояльными к России. В отместку за это кабардинские князья со своими отрядами явились на р. Куму, когда Глазенап уже ушел из Кабарды, и потребовали от абазин уплаты штрафа. Но в период еще нахождения русских в Кабарде произошло событие, повлиявшее на ситуацию во всем Закубанье по Линии от Прочного Окопа до Константиногорска. С самого начала похода Глазенапа в русском отряде находился кабардинский князь Росламбек Мисостов, числившийся полковником Л.-гв. Казачьего полка и принадлежавший к одной из лучших фамилий Кабарды. Но вдруг он бежал из отряда за Кубань вместе с подвластными ему аулами, причиной чему послужила **канла** – кровомщение за смерть родного племянника, убитого

тогда в одном из набегов на Линию. Русские теперь были его кровниками и он им мстил! (92).

Бежавший за Кубань Росламбек поднял тамошние племена. Он собрал большое ополчение горцев (в том числе и закубанских абазин) и с его помощью угнал за Кубань проживавших на р. Куме тапантовцев. Одних только абазин было угнано до 900 семейств. Предприятию Мисостова способствовали, как отмечал И. Л. Дебу, «неспособность их (абазин) пристава, буйство казаков и наущение турков», что заставило их бежать вместе с ногайцами за Кубань. Это событие послужило темой для поэмы М. Ю. Лермонтова «Измаил-бей» (93).

Причем, по сообщению В. А. Потто, дальнейшие события последовали сразу же за бегством Мисостова: «Чтобы воспрепятствовать кабардинским аулам уйти за Кубань, Глазенап тотчас отрядил полк Лихачева в погоню за Росламбеком. Лихачев форсированным маршем дошел до верховьев Кубани и здесь, у Каменного Моста,...узнал, что Росламбек стоит за рекой с большой партией...» (94). По сообщению же Л.И.Лаврова это движение было совершено только в конце 1804г. (95). Эту особенность трудов В.А.Потто отметил еще Н.И.Покровский: «Между тем последний (В.А.Потто) так путает события, так легко относится к фактам, что пользоваться его работами просто нельзя» (96).

Но само событие В.А.Потто изложил добротнo, что касается действий Мисостова среди «мирных» ногайцев и абазин: «Напрасно ногайский пристав генерал-майор Султан Менгли-Гирей пытался остановить движение. Покинутый своим народом, он сам едва ушел от закубанцев, которые гнались за ним по следам и убили 28 человек из его свиты. В Абадзе беглые кабардинцы вырезали казачью команду; Кумский редут два раза был атакован, и все посты, начиная от Прочного Окопа до Константиногорска, были осаждены закубанцами. Блестящее дело полковника Давыдова, который с одним эскадрoном борисоглебских

драгун разбил сильную партию закубанцев, взял в плен родного брата Менгли-Гирея, также не могло поправить обстоятельств...» (97).

Но с хронологией здесь может помочь только Ф.А.Щербина, пишущий: «В июле этого года (1804) они (черкесы) пробрались на р. Калаус и пытались увлечь с собою в горы часть мирных ногойцев и абазинцев за Кубань. Но казаки и драгуны, под командою полковника Давыдова, настигли черкесскую партию близ Барсуков, разбили ее и возвратили часть ногойцев назад»(98)

В случае же с движением отряда Лихачева, который был двинут, по словам В.А.Потто, сразу после бегства Росламбека за ним в погоню, дело, в его изображении выглядит так. Росламбек стоит за Кубанью с большими силами, куда входят не только кабардинцы, но и закубанские черкесы и даже ногойцы (как он смог это сделать, когда Лихачев шел за ним по пятам?). Это не остановило П.Г.Лихачева. Но как только он перешел за Кубань, сразу же был атакован превосходящими силами горцев. В течение трех суток он отбивался, но вынужден был начать отступление. Егеря отбили нападение, но при обратной переправе у Каменного Моста, в ходе боя, одно из русских орудий свалилось в реку и было потеряно. На другой день сам Росламбек предложил заключить перемирие, говоря о своем раскаянии, и просил встречи с П.Г.Лихачевым. Тот поехал к Каменному Мосту и встретился. В ходе беседы Росламбек заявил, что коль скоро кровь отомщена, то он снова готов служить России и выразил готовность помочь достать орудие со дна Кубани. Лихачев поверил и выслал на другой день к месту нахождения пушки роту пехоты и 35 казаков под общей командой майора Пирогова. При них находился и сам Росламбек с двумя узденями и переводчиком. Солдаты и казаки положили оружие и стали разыскивать орудие, а Росламбек подал условный сигнал для горцев, сидевших в засаде. Те бросились на солдат и казаков и перебили их, исключая капитана Волкова и 9 егерей, спрятавшихся в кустах и

несколько часов отбивавшихся. Они были выручены подоспевшей из лагеря Лихачева помощью, хотя все были ранены. Рослаббек остался в горах и с тех пор сделался одним из самых отчаянных абреков (99).

Но далее идет следующее: «Всю зиму егеря Лихачева провели на Кубанской линии. Больших военных действий не было, но шла мелкая война, которая со стороны ее участников требовала не только не меньшего, но, пожалуй, еще большего героизма, чем большие сражения» (100). То есть В.А.Потто, говоря сразу за описанием боя о зиме, намекает на то, что он был осенью, ибо невозможно, ничего не говоря для связи событий, от весны сразу перейти к осени!!! Тогда получается, что прав Л.И.Лавров, но у него события происходят совсем не на Кубани; «В конце 1804г. отряд ген. Лихачева выступил в горы для возвращения тапанта и ногайцев. Встретив на р. Малом Зеленчуке упорное сопротивление, отряд вернулся в Невиный Мыс с большими потерями, не выполнив поставленной задачи» (101).

Здесь на помощь приходит снова Ф.А.Щербина, хотя его трактовка событий отличается от двух предыдущих. Цитата будет большая, но нужно привести ее всю: «Чтобы наказать ушедших еще раньше с кабардинцами ногайцев и увлекших их черкесов, генерал Лихачев с значительным отрядом направился за Кубань. Отряд переправился через Кубань у нынешней Красногорской станицы. Но здесь преградила ему дорогу сильная, в несколько тысяч всадников, партия горцев. Казаки Кубанского, Хоперского и Волгского полков первыми вступили в бой с горцами. Горцы изрубили и изранили много казаков, в том числе сотника Хоперского полка Гречкина и 10 хоперцев. Но когда к месту боя явилась артиллерия, от пушечных выстрелов и усиленной атаки казаков и пехоты горцы смешались и ушли в горы, а русский отряд возвратился обратно на линию.

С целью возвращения из гор ногайцев на прежние места в начале декабря был сформирован из казаков тех же трех полков и регулярных

войск с артиллерией новый отряд. Войска перешли Кубань у Невинного Мыса и двинулись вверх по Зеленчукам, чтобы отрезать от гор этим обходным маневром ногайцев, находившихся в нижних частях Зеленчука. На р. Урупе русский отряд 6 декабря был встречен сильною партией бесленеевцев, абазинцев и башилбаев. После быстрой и решительной атаки в пики и шашки, хоперцы, кубанцы и волжцы оттеснили горцев в сторону нашей пехоты и артиллерии. Сильный огонь из пушек и штыковая атака опрокинули горцев и заставили их отступить. Русские войска шли по пятам горцев и несколько раз вступали в бой. Горцы засели за каменным завалом в ущельи р. Малого Зеленчука, но через два дня завал был взят и горцы, с большими потерями, ушли в свои аулы. Русский отряд также возвратился на линию, не вернувши, однако, ногайцев» (102). Да, это не В.А.Потто. Мы уже увидели подтверждение слов Н.И.Покровского только на примере с операциями по возвращению ногайцев и абазин. Однако все же будем продолжать пользоваться цитатами из произведений «Нестора Кавказской войны», как его называли сослуживцы в конце XIX – начала XX вв., ибо несмотря на его минусы, нельзя забывать и его плюсы.

Однако самыми напряженными районами на Северном Кавказе были в 1804г. Кабарда, Осетия и Военно-Грузинская дорога, особенно в связи с начавшейся в июне 1804г. русско-персидской войной.

Сооружение в 1803г. Кисловодского укрепления и новых казачьих станиц в районе Пятигорья вызвало в 1804г. восстание в Кабарде. Тогда же кабардинцы отказались избрать новых судей в так называемые Народные суды, введенные русской администрацией, но год уже не работавшие. Тогда же занятие русским гарнизоном селения Ларс и начало восстановительных работ на Военно-Грузинской дороге явились причиной мятежа тагаурских алдаров, возглавляемого Ахметом Дударовым (известный уже нам Ахмет Дударук). Перехватив в районе Казбека дорогу

Владикавказ-Тифлис, Дударов на время прервал единственную коммуникацию, связывавшую Грузию с Россией (103).

События в Кабарде начались с подготовки Г.И.Глазенапа в начале апреля к экспедиции, с целью подавить недовольство кабардинцев в зародыше, но те ударили первыми, атаковав строящуюся Кисловодскую крепость и окрестные казачьи посты и кордоны. Нападение было внезапным, вызвало большие потери среди донских казаков, но врага удалось отбить (104).

Г.И.Глазенап не стал дожидаться новых нападений и 9 мая переправился через реку Баксан с отрядом 1750 чел. Эти события детально расписаны в нашей монографии (см. ниже), поэтому мы здесь зафиксируем только боевые столкновения. Сразу отряд атаковало 1500 конных кабардинцев, которые были отброшены. Горцы вступили в переговоры, тем временем подтянув силы и увезя свои семьи в ущелья. 14 мая русские передвинулись за Чегем, вступив в бой с 11000 чел. горского ополчения, оборонявших 12 аулов Куденетовых и 1 Гирея – главных руководителей движения. Сражение шло 7 часов. Аулы были взяты и сожжены, а горцы бежали в ущелья. 19 мая к Глазенапу явились все владельцы Большой Кабарды, обещая выполнить все требования русских и прося пощады, оговаривая, что Народные суды заработают через месяц. Глазенап 22 мая возвратился в крепость Прохладную и распустил свой отряд (105).

К лету 1804г.из Грузии в Осетию бежали царевичи Юлон и Парнаоз, недовольные тем, что по договору 1801г. Россия оставила их «без наследства». Они попали на «благодатную почву», т. к. население Осетии, жившее по Арагве, было непомерно обременено требованиями проходивших по Военно-Грузинской дороге войск, двигавшихся на войну с Персией. Осетин все время гоняли на работы, жестоко с ними обращаясь, и не давали зарплаты. Такое обхождение вызвало то, что те, кто жил в Чартальском, Гудомакарском, Хандовском и Мтиулетском ущельях

отказались повиноваться русской администрации. Восставшие уничтожили все мосты в Дарьяльском ущелье, забросали большими деревьями всю дорогу от Кайшаура до Ананура, убивали всех проезжих и в самом Кайшауре вырезали казачий пост из 17 человек. 1000 осетин появились у Коби, разграбив находившийся там провиант и разные запасы, а 4000 чел. подошли к Анануру и осадили его. Восстание распространилось по ущельям Малой и Большой Лиахвы. Поднялись тагаурцы (106).

Хотя Юлон был схвачен, но Парнаоз сумел «раздуть пламя» восстания. Осетины длительное время осаждали крепость Стефан-Цминде и после упорного боя взяли ее. Этот успех ободрил их и привлек в их ряды еще несколько тысяч окрестных жителей. На волне истерии был разгромлен донской полк Рышкина, двинувшийся в Грузию (107). Подробности этого боя ниже будут рассмотрены в данной монографии.

До 19 сентября правитель Грузии генерал-лейтенант князь Волконский старался удовлетворить требования осетин переговорами, но присутствие среди них царевича Парнаоза свело все его усилия на нет: осетины требовали полной отдачи в их руки Военно-Грузинской дороги. Поняв всю тщету этих переговоров, Волконский даже поспешил на помощь осажденному Анануру с батальоном Севастопольского полка. Но после нескольких стычек с горцами возвратился в Тифлис, не выручив даже гарнизон Ананура. После этого другой батальон Севастопольского полка под командованием майора Мелло самовольно отходит с реки Ломис, оставив горцам 3 орудия (108). Оставление Ломисского поста открыло осетинам доступ в Картли. Их отряды доходили до Гори, опасность угрожала даже Тифлису.

Но находившийся во Владикавказе генерал П.Д.Несветаев собрал отряд из бывших там войск, силами в 6 рот пехоты и 2-х казачьих полков, быстро двинулся в горы, разгромил повстанцев, разрушил многие крепостные башни горцев. П.Д.Цицианов, отступив от Эривани (взять ее не удалось в

связи с перекрытием сообщения по Военно-Грузинской дороге и прекращением поступления снабжения в осадный корпус) тоже двинулся к Военно-Грузинской дороге, занял Джары, жестоко подавляя сопротивление. В октябре, на уровне Осетии, движение по Военно-Грузинской дороге было восстановлено (109). Об участии донцов в боях на Военно-Грузинской дороге в составе отряда П.Д.Несветаева подробнее см. данную монографию (глава 3-я).

Однако нападения на дорогу начались на уровне Кабарды. После разгрома, сделанного генерал-лейтенантом Г.И.Глазенапом в мае 1804г. на реке Чегеме, создавалось впечатление, что здесь тоже прекратили сопротивление, но летом дигорцы, одно из племен осетин, настроенных лояльно к русской администрации, стали подвергаться нападениям кабардинцев. Дигорцы попросили о переселении в пределы России. Посланный с отрядом для этой цели генерал-майор Дехтярев на реке Урухе был отброшен кабардинцами, которые погнали его к реке Малке. Ему на помощь двинулся Г.И.Глазенап, переправившись 20 июня через Малку, затем через Баксан, где окружил селения кабардинских владельцев из рода Бек-Мурзы и Кайтуки. Кабардинцы сразу же вступили в переговоры, но по традиции только тянули время, собирая силы, а сами послали гонцов к Росламбеку Мисостову, который и атаковал линию (см. выше). Глазенап вынужден был довольствоваться обещаниями, прервал переговоры и двинулся против закубанцев Мисостова. Как только он ушел с берегов Баксана, кабардинцы разъехались по домам, выражая антирусскую направленность. После отражения набегов Мисостова на Линию Глазенап вернулся в Кабарду и 30 июня двинулся к Кыз-Бурунскому ущелью. Это опять вызвало «смирение» кабардинцев, обещавших выполнить все русские требования, но Г.И.Глазенап им уже не верил, получив изрядную дозу «кавказского опыта». Русской администрацией в Кабарде было замечено большое количество эмиссаров

Персии и Турции, распространявших воззвания, а главным образом покупавших знать. Деньги разделили кабардинцев на два течения: одно соглашалось выполнить все требования России, другое решило бороться с ней (110). Это было очень опасно, т.к. у Г.И.Глазенапа на всем протяжении Кавказской линии, от Кизляра до земли Черноморского войска, находилось всего 3,5 полка пехоты и 4 драгунских, в которых был весьма большой некомплект в людях. Поэтому, ожидая подкреплений, он вынужден был только отбиваться от кабардинцев, соединившихся с закубанцами. Их теперь было до 10 тыс. чел. и они разъезжали по всей линии, нападая на посты. Стоявшие в них войска каждый раз выходили для боя, но или не догоняли врага, или, преследуя одних, давали возможность другим вторгаться в места, оставшиеся без защиты.

Против кабардинцев, на левом берегу Малки, где чаще всего они переправлялись, стоял генерал-майор А.К. Мейер с 6-ю ротами пехоты и 3-мя казачьими полками, которые и противостояли в течение августа-сентября 1804г. набегам до 10 тыс. кабардинцев. В решающем сражении, происшедшем 19 сентября, соотношение сил было следующим: русских – 360 штыков и 400 донских и линейных казаков, горцев – 6000-7000 чел. (111). Однако, несмотря на подавляющее численное превосходство, горцы были разбиты этим отрядом и отражены от Линии. Опасность набега на Георгиевск была ликвидирована. Подробности участия донцов в этом и других боях на Малке в 1804г. можно узнать ниже (см. главу 3-ю). Горцы были разбиты, но после этого откатились в свои владения, не заключая никаких договоров, что по-прежнему обстановку на Военно-Грузинской дороге, в северной ее части, делало нестабильной.

Но П.Д.Цицианов, прибыв после неудачи под Эриванью наводить «порядок» на дороге, не был уверен, что Осетия не будет больше перекрывать движение на ней. Хотя после ареста царевича Парнаоза в октябре 1804г. осетин вроде бы и некому было подстрекать, но Цицианов

желал привести их к «полной покорности». Сначала он только посланиями требовал возвратить все награбленное в период восстания и всех русских пленных, но видя что осетины не спешат с этим, прибыл в Цхинвал и 13 ноября выступил из него с отрядом в 694 чел. и 2 орудий (112), через два перехода вступив в селение Джавы. Переговоры ни к чему не привели и Цицианов двинулся дальше, по направлению к селу Крожи. В ходе движения приходилось отбивать нападения малых групп осетин. Крожи тоже были взяты (113). Осетины, проживающие в Мчиврийском ущелье, соединились со своими соплеменниками, проживавшими на Большой Лиахве. Цицианов послал туда часть отряда во главе с майором М. Эристовым, который усмирил их выступление, взял аманатов (заложников) и вырвал обещание вернуть все имущество, отбитое у полка Рышкина. Предав огню селение Крожи, Цицианов хотел идти дальше, но жители соседних ущелий попросили пощады. В течение 5 дней шли переговоры, ничего не давшие, и тогда Цицианов снова пошел вперед, громя все, что встречалось по пути и 27 ноября дошел до селения Кошки. Овладев им, главнокомандующий нанес горцам окончательное поражение. После этого осетины стали являться с повинною и возвращать лошадей из полка Рышкина. Однако возвращение имущества этого полка шло вяло и 30 декабря 1804г. Цицианов отправляет в деревни Хеце и Мугути новый отряд, где были обнаружены казачьи кони, которых осетины не желали отдавать, который провел там «сильную репрессаль», набрав столько имущества, что оно целиком покрывало невозвращаемое. После этого осетины уже не сопротивлялись и приняли такое положение, которое им хотел придать П.Д.Цицианов.

В конце ноября прибыли обещанные царем подкрепления и Г.И.Глазенап смог нанести последний удар по Кабарде и закубанцам. Войска были разделены на два отряда. Первый, под командованием самого Глазенапа, стоял у Невинного Мыса, составляя 9 рот пехоты, 4 эскадрона

драгун, 500 волжских и хоперских казаков, 660 донских казаков и 12 орудий. Второй, под командованием генерал-майора Лихачева, стоял у Баталпашинской переправы и состоял из 11 рот пехоты, 1000 донских казаков, 300 кубанских и 12 орудий (114).

Переправившись через Кубань, оба отряда направились к рекам Большому и Малому Зеленчукам. Подойдя к Большому Зеленчуку 4 декабря, П. Г. Лихачев встретил на переправе значительное количество неприятеля, который был разгромлен в упорном сражении. После этого Лихачев двинулся с отрядом на реку Урух, где и ожидал прибытия отряда Г.И.Глазенапа. 5 декабря отряды соединились и на Урухе еще раз разбили горцев, а 8-го нанесли им поражение на Тегене. 10 декабря соединенные отряды за рекой Лабой, в ущелье Черных гор, разбили бесленеевцев. Затем русские на реке Лабое 12-го, 13-го и 16-го декабря дали врагу еще один бой, нанеся объединенным силам горцев решительное поражение (115). Горцы были рассеяны, но сопротивление их продолжалось вплоть до нового года: 22 декабря происходит бой в ущельях Малого Зеленчука, 23-го и 25-го – на Большом Зеленчуке, 29 и 30-го – снова на Малом Зеленчуке. О некоторых, ранее неизвестных, страницах участия донцов в походе генерала Г.И.Глазенапа за Кубань в декабре 1804г. можно будет узнать в данной монографии

Горцы являлись с повинною, заключали письменные условия, повсюду был установлен режим «повиновения». Г.И. Глазенап 8 января возвратился на Баталпашинскую переправу, где и распустил объединенный отряд (116).

Символично то, что последние бои и в Осетии, и в Кабарде, за Кубанью произошли 30 декабря, т.е. начавшись весной, шли вплоть до наступления нового года, перещеголяв по своей напряженности ситуацию на границах Черноморского войска.

В Чечне событий в этот год было мало, но и там отмечена одна операция русских войск, тоже связанная с событиями на Военно-

Грузинской дороге. О ней мы читаем у В.А. Потто в общем перечне операций – и то всего одно упоминание: «одновременно с этим пришлось усмирять осетин на сообщениях с Грузией и держать в повиновении чеченцев за Сунжей. К счастью, победы Несветаева в горах и весьма удачный поиск со стороны Линии подполковника Казанского полка Максимовича к чеченцам скоро восстановили спокойствие в окрестностях Владикавказа» (117). Никаких подробностей об этом поиске не сообщено, хотя в других книгах не сказано и этого.

Может вызвать недоумение то, что в боевых действиях на Кавказской линии и Северном Кавказе не упомянут Дагестан. Это не значит что населяющие его горцы в это время не воевали с Россией, но дело в том, что все свои нападения они осуществляли в это время, в союзе с лезгинами, на Грузию (118) и поэтому в географические рамки нашего исследования не входят.

Обзор событий 1801-1804 гг. на Северном Кавказе дает нам картину того, что боевые действия здесь идут непрерывно, особого накала достигая на границе Черноморского войска по Кубани, а также в Осетии; на территории абазин и в Кабарде они идут с разной интенсивностью, тоже достигая своего пика в 1804г.; слабая интенсивность заметна только в Чечне. Но для нормальной войны и не нужны постоянные боевые действия на всем протяжении фронта: где-то наступает затишье, а где-то накал. Причем когда на Черноморию и Линию нападают отряды горцев по 500-1000-5000-6000-11000 чел. разновременно или одновременно в нескольких пунктах, то называть это немасштабными стычками по меньшей мере некорректно. То что русские сдерживались в своих экспедициях повелениями Павла 1 и Александра 1 не переходить Кубань и Терек и на каждую такую экспедицию нужно было испрашивать разрешение государей, то это только специфика этой войны, что и доказывает в данных условиях для России ее оборонительный характер. Причем войск на

Кавказской линии (исключая Черноморию) было мало, что обуславливалось тем, что они только пребывали из России в это время, что показало их страшную нехватку в Кабарде и Осетии в 1804г. Значительная их часть стала отвлекаться на войну с Персией. Но то, что и в экспедиции ходило мало войск с Линии – тоже ни о чем не говорит. Коль скоро они справлялись с поставленной задачей в таких малых силах – тоже не обозначает, что войны здесь не было. Ведь противники у них исчислялись многотысячными массами! Поэтому мы считаем, что это была нормальная война, которую формально, правда, никто никому не объявлял, а она как-то сама собой оформилась в систематические боевые действия после присоединения Грузии к России в 1801г

Теперь рассмотрим вопрос: что же представляли собой донские казаки, как составная часть русской армии, и горские ополчения или отдельные отряды горцев, как противники, сражавшиеся на местности Северного Кавказа.

Начнем с горцев. основополагающие данные по поводу этнографии и военной организации народов Северного Кавказа сосредоточены в труде И. Ф. Бларамберга «Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа», написанном в 1833г. в 3-х томах. Но, к огорчению автора, рассчитывавшего, что его труд станет печатным изданием и познакомит широкие круги общественности с жизнью народов Кавказа, он был засекречен и, по меткому замечанию историка Генерального Штаба Н.П. Глиноецкого, был «схоронен в архивах военно-топографического депо» (ныне ф. ВУА РГВИА).

Рукопись хранилась под грифом «совершенно секретно» и могла быть использована только офицерами Генерального Штаба. Через 35-40 лет сочинение Бларамберга было использовано военным историком Н. Ф. Дубровиным в числе других архивных источников при написании его известного труда «История войны и владычества русских на Кавказе».

Следы сочинения И.Ф. Бларамберга заметны и на страницах труда о Кавказской войне В.А. Потто (119).

Коль скоро теперь выявлено кто же был автором основополагающего труда по описанию экономического уклада, политического строя и военного дела у горцев Северного Кавказа, то мы будем широко использовать выдержки его сочинения. Хотя Иван Федорович писал его в 30-е годы XIX в., все эти особенности могут быть отнесены и к началу этого века, потому что за 30 лет мало что изменилось

Как и все исследователи XIX в. И. Ф. Бларамберг большую роль отводит природной среде обитания горцев, приходя к выводу о том, что именно она и сформировала их особенности быта и ведения войны: «Как правило, нрав и обычаи народов зависят от климата той территории, которую они занимают, от образа жизни и воспитания; из этого следует, что нравы людей почти диких, населяющих земли, изобилующие скалами и покрытые вечными снегами, должны быть, видимо грубыми. Их просвещение ограничивается следующим: как обороняться и нападать, где можно неожиданно атаковать врагов; как воспитать в себе ненависть к врагам, уметь отомстить в любом случае, и в конце концов, дорожить свободой более, чем жизнью. Все они – очень бедные, либо по ленности, либо от того, что их бесплодная земля не дает им даже того, что необходимо для существования. Хотя они и видят внизу плодородные долины, они редко туда спускаются, зная что это будет им стоить их независимости. Они могут терпеть всяческие лишения, особенно, когда речь идет о том, чтобы защитить их свободу, которая, по их мнению, состоит в свободном выборе каждого заниматься тем что ему нравится. Таким образом, они обладают всеми добродетелями и пороками людей нецивилизованных. Жестокие, мстительные, коварные по отношению к врагам, дома – они добры, гостеприимны, надежны в дружбе, воздержанны, почтительны к старикам и благодарны за благодеяния»(120).

Развивая общие мысли о характере горцев, И. Бларамберг далее пишет: «В общем, горные хребты – это естественные крепости, каменная почва которых дает мало средств к существованию, но которые взамен предоставляют все возможности для сокрытия добычи, и спасают от преследователей, всегда были и будут пристанищем воинственных племен, так же, как степи занимают пастушеские народы, а берега моря – народы торговые, берега рек – рыболовы и хлебопашцы»(121).

Есть даже такая характеристика индивидуальных наклонностей каждого горца, которую можно перенести на каждого жителя гор того времени: «Захват – их единственное занятие, единственный способ добыть одежду и оружие. Почва их гор обеспечивает их лишь скудной пищей, а их стада дают шерсть для грубых тканей, но горец хочет иметь: длинное ружье, украшенное серебром, платье, обшитое галуном, хочет купить красивую девушку, которая станет его женой, и хочет пить водку и бузу. А так как желает этого человек по натуре храбрый, привыкший с колыбели во всем себе отказывать, к тому же, нищий и скупой, то он присваивает себе все то, что может захватить. Горец отправляется в поход как на охоту, и добыча, которую он захватывает с риском для жизни – есть плата за его усилия и является предметом его гордости и стимулом к дальнейшим действиям. Намерение убедить горца – который, наподобие орла, видит в девственной природе лишь добычу и врагов, - что разбой, это постыдный порок, равноценно желанию укунить Луну. До тех пор, пока цивилизация не изменит их образа жизни и нынешние нравы, пока торговля не будет у них под защитой их потребностей, горцы всегда будут теми, кто они сейчас есть» (122).

А вот об экономических основах, вынуждавших горцев совершать свои набеги: «Так как почва давала им лишь скудное пропитание, они стали раздобывать необходимое набегами. Этот образ жизни был причиной того, что каждый род был настороже по отношению к соседним

родам и не доверял им, следовательно, и **торговля - источник богатства и процветания** – **была совершенно неведома этим племенам**, и цивилизация там не смогла развиваться. Земля, которую они занимали, была пригодной лишь для пастбищ, и присмотр за скотиной стал, таким образом, их единственным занятием, в особенности же потому, что скотина не требует особых забот, и, таким образом, они могли предаваться праздности в свое удовольствие. Этот образ жизни сохранился на Кавказе до наших дней, за исключением племен, которые занимают долины и низины, и можно заключить, что именно в этих причинах – корень стольких недостатков, в которых упрекают горцев. Нужда породила склонность к разбою и вследствие этого – взаимную подозрительность, за которой следует: коварство, вероломство, лицемерие, злоба и мстительность... Горец использует малейшую сиюминутную возможность для взятия добычи, рискуя лишиться большей, но которой надо было бы ожидать со временем. Они называют ремесло добывания военной профессией, и те из них, которые являются мастерами своего дела, пользуются наивысшим уважением и создают себе имя, особенно если это князь, дворянин или один из старейшин; даже простолюдины приобретают себе репутацию таким же способом» (123).

Как видим, И.Ф.Бларамберг в этих нескольких вводных характеристиках дал краткие обобщающие изображения внутренних пружин, которые изначально способствовали агрессивному поведению всей массы горцев. Из них становится видным, что они были враждебно настроены не только к тем, кто проживал в долинах, но и к соседним горским племенам. В таких условиях индивидуальный горец становился субъектом, который действовал один против всех, защищая только представителей своего рода. Это породило обычай отмщения за пролитую кровь (кровомщение), который Бларамбергом характеризуется так: «Один из родственников убитого должен был «пролить кровь

убийцы» во искупление его преступления. Этот закон, каким бы грозным он не был, все же является отчасти тормозом жестокости в обществе людей – почти варваров- тем, что дает уверенность в невозможности безнаказанно предаваться всем порывам их безудержных страстей... Почти все горцы Кавказа закрывают лицо, когда они идут на кровомщение; удержать такого человека или попытаться помешать осуществлению его планов выглядело бы как кощунство» (124).

В то же время эти же самые внутренние пружины и особенности взаимоотношений друг с другом породили обычай гостеприимства, «который предписывает хорошо относиться к своему гостю, удовлетворять все его потребности и нести ответственность за его личную безопасность, даже рискуя собственной жизнью. Этот закон раньше тщательно соблюдался горцами, и под защитой имени кунака можно было безопасно пересечь весь Кавказ» (125). Слово «раньше» наводит на мысль, что в 30-е годы XIX в. он уже исполнялся не так рьяно горцами, а вот в начале XIX в. и ранее был еще в чести.

В то же время Иван Федорович очень тонко подмечает такую черту горцев, которая была присуща им на протяжении всей Кавказской войны: «... народами Кавказа можно управлять только силой. Им можно навязать власть только суровостью и жестокостью, а кротость и доброта расценивается ими как слабость. Это подтверждает то уважение, которое они испытывают к тем их князьям или военным предводителям, которые были суровы и даже жестоки, они подчиняются им не просто формально, но – поистине преданно, хранят память о них и превозносят их после смерти. Тех же вождей, кто, наоборот, был добр, презирают и предают забвению» (126).

Эти тонкие черты характера, нравов и обычаев горцев, подмеченные Бларамбергом из личных наблюдений, сделанных в период служебных командировок, а также личного участия в экспедициях 1830-31 гг.,

помогут нам лучше разобраться в причинах Кавказской войны, исходящих от стороны горцев, т. к. все потуги современных горских ученых сделать народы Северного Кавказа страдательной стороной, в свете только что приведенных данных, выглядят не очень убедительно. Конечно, не следует забывать, что Бларамберг был дворянином по происхождению, а по роду служебной деятельности принадлежал к высшим офицерским кругам Российской империи. В силу этого труд его написан с позиций официальной дворянско-монархической историографии, поэтому наряду с ценными фактическими материалами содержит ряд тенденциозных оценок и характеристик. Однако стремление автора правдиво показать действительность определяет общий тон его сочинения и делает его весьма достоверным и заслуживающим внимания историческим источником. Иностранное происхождение автора делает его как бы беспристрастным констататором фактов, что и приводит к мысли о том, что особенности психического склада и быта горцев были одной из причин их нападений на Кавказскую линию и Грузию. М. М. Блиев и В. В. Дегоев, поднявшие этот вопрос на современном этапе разработки истории Кавказской войны (127), поэтому и подвергаются таким рьяным нападкам северокавказских историков (128). В помощь этим двум объективным исследователям можно привести и эти цитаты русского офицера.

Как же расселялись племена Северного Кавказа по территории всего региона? Северо-западную часть Кавказского перешейка, по обоим склонам главного хребта, населяло племя **адыге** (другое название - **черкесы**). Отделившаяся с давних пор часть племен адыге – **кабардинцы**, расположилась углом к центральной части Кавказа, заняв местность большей частью плоскую и открытую. По берегу Черного моря, примыкая к черкесам, жили **убыхи**, а за ними – **абхазы**. Южнее кабардинцев, между верховьями рек Терека и Кубани, жили **балкарцы** и **осетины**. Бассейн реки Сунжи был занят **чеченцами**, а по соседству с

ними, на плоской и открытой полосе земли между низовьями рек Терека и Сулака, поселились **кумыки** (129). Большая часть Дагестана была населена **аварцами**, а на юго-востоке его жили **лезгины**. Как мы уже сказали, территория Грузии со всеми ее племенами, а также аварцы и лезгины в наше исследование попадать не будут, поэтому займемся характеристикой вышеперечисленных народов.

Что можно сказать о племенах, стоящих первыми в приведенном нами списке расселения горских народов на территории Северного Кавказа – **адыгах**, говоря об экономическом и политическом их развитии. В конце ХУ111 – начале Х1Х вв. они по уровню общественного развития составляли две группы племен: **«демократические»** и **«аристократические»**. У «аристократических» племен – **кабардинцев, бесленеевцев, егерукаевцев, махошевцев, темиргоевцев, бжедухов, мамхеговцев** – формально верховным собственником земли считался князь. В вассальной зависимости от него находились все живущие в его владении **дворяне (уорки)**. Основную массу составляли **тфоккли** – **свободные общинники**. На низшей ступени социальной лестницы стояли **рабы (унауты)**. Они пополнялись, главным образом, за счет военнопленных и похищенных людей, обращенных в рабов.

В отличие от «аристократических» племен, у которых сложилась крупная княжеская собственность на землю, «демократические» племена – **шапсуги, абадзехи, натухайцы** – выработали иной тип землевладения. У них отсутствовала княжеская власть, и общинники произвольно занимали участки, превращаясь постепенно в мелких крестьянских собственников.

У «аристократических» племен князя, обладая реальной властью, определяли решения народных собраний. У абадзехов, шапсугов и натухайцев, уничтоживших своих князей, были сильны позиции народных собраний и организация власти носила ярко выраженный демократический характер.

Беглый обзор общественного развития адыгов снова можно дополнить сведениями, позаимствованными из труда И.Ф.Бларамберга, который говорит, правда, не только об адыгах, но о всем Кавказе: «Население Кавказа подразделяется на три сословия: 1) владетельные князья, 2) духовенство, 3) дворянство (знать) и два класса: 1) крестьяне, 2) пленники или рабы (ясыри)» (130). Однако он тут же делает оговорку: «Это деление не относится ко всем горцам; чеченцы, например, все равны между собой и не имеют ни князей, ни дворянства, они проявляют некоторое уважение к духовенству, и уважают тех, кто богат, или тех, кто выделился, благодаря военным подвигам» (131).

В дополнение к нашему очерку разделения общества на Северном Кавказе среди адыгов, И. Ф. Бларамберг характеризует еще и духовенство: «Духовенство различного вероисповедания образует второе сословие среди населения Кавказа. Хотя духовенство мусульманское и языческое пребывает здесь в крайнем невежестве, однако его представители обладают некоторым влиянием и имеют власть, соответственно цивилизованности или предрассудкам жителей. Мы не говорим здесь о духовенстве христианском, которое на Кавказе в собственном смысле слова весьма немногочисленно. Что касается мусульманского духовенства, то его представители (большой частью турки по происхождению), возбуждают фанатизм горцев против христиан вообще, и особенно против русских, что принесло много бедствий этому краю. В отношении жрецов идолопоклонников мы знаем, что таковые существуют под разными наименованиями и что они обладают большой властью в среде горцев-идолопоклонников. Известно также, что они имеют определенные доходы, что предвещают будущее, лечат болезни, заклиная злых духов и т. д...» (132).

Народы Северного Кавказа в конце XV¹¹¹ – начале XIX вв. находились на различных стадиях общественного развития, а такие как

кестины, осетины, абхазы имели как аристократическую форму правления, так и демократическую, несмотря на их относительную малочисленность, не говоря о массе адыгов, различные племена которых имели тоже различные формы правления. На равнине и в предгорьях Кавказа феодализм достиг раннего и среднего уровня; население горных и высокогорных областей переживало переход от родового строя к феодальному. Эти явления сугубо внутреннего характера, казалось не могли влиять на взаимоотношения России с народами Северного Кавказа. Однако, первыми отношения с Россией устанавливали и развивали феодальные районы. Так среди адыгов вопрос о присоединении к России первыми выдвинули кабардинцы, темиргоевцы, бесленеевцы, т.е. «аристократические» племена, добившись этого уже в ХУ111 в. Произошло это прежде всего по инициативе феодализовавшейся знати, стремившейся с помощью сильной власти русского царя укрепить в адыгском обществе свое социальное положение. Ориентировались на Россию и свободные общинники, надеявшиеся, что русские власти защитят их от притязаний верхов. Власть России после Кучук-Кайнарджийского мира 1774г. прибавила адыгской верхушке и политический вес: адыгский язык становился здесь средством национального общения, а «княжеский этикет» - эталоном в общественном быту. К ХУ111 в. у адыгов, особенно равнинных, наметились феодальные процессы перехода от княжеских уделов к образованию единого государства (133).

Что касается «демократических» племен – большей части адыгского этнического массива, то переходный характер их общества фактически лишал прорусскую политическую ориентацию устойчивых побудительных мотивов. Более того, здесь широко практиковалась набеговая система («экспансия горцев») в отношении как соседних народов, так и русской пограничной линии и русских поселений на ней. Сказывалось и другое.

Наиболее интенсивный период набегов (XУ111-первая половина XIX вв.) совпал с активизацией политики России на Кавказе, что вело к серьезным столкновениям интересов участников набеговой системы с интересами России на Северо-Западном Кавказе и вылилось в Кавказскую войну. Отношения между «демократическими» племенами и Россией приняли непримиримый характер (134).

Процесс феодализации общества сыграл определенную роль и в русско-чеченских отношениях. Уже в XУ11 в. чеченские «землицы», занимавшие территорию на равнине Центрального Кавказа, представляли собой феодализировавшиеся сельские общины. Население горной Чечни, стремившееся к переселению на равнинные земли, надеясь получить в этом поддержку русского правительства, политически тяготело к России. В 1781г. по инициативе чеченских представителей Чечня была присоединена к России. Тогда же началось **переселение чеченских тайпов (родов) с гор на равнину**. В новых условиях, благоприятных для хозяйствования, серьезной ломке подверглась тайповая организация общественной жизни. В ней все больше развивались частнособственнические начала. Это в свою очередь вело к тому, что наряду с земледелием и охотой чеченцы неизмеримо шире стали практиковать набеговую систему, являвшуюся для них способом собирания собственности. К 90-м годам XУ111 в. процесс накопления собственности (вначале тайповой, а затем семейной) благодаря набегам набрал такие темпы, которые, естественно, потребовали его идеологического и юридического обеспечения. За короткое время языческое население Чечни (христианство и мусульманство здесь были распространены слабо) активно принимало ислам и вовлекалось в набеги на Россию. Русская граница и русские города превращались в главный объект набегов. В этих условиях наблюдалась тенденция к ослаблению прорусских настроений, прежде всего со стороны организаторов набегов –

старейшин социально выделявшихся тайпов. Это привело основную часть жителей Чечни к разрыву с Россией (135).

У **осетин** мы можем назвать те же причины их активизации в антирусском направлении, но их действия географически ограничивались только Военно-Грузинской дорогой и изредка участием в общегорских набегах на Линию, когда кабардинцы или черкесы собирали ополчения для более крупных набегов. Однако осетины – это «аристократическое» племя, в котором набегами и грабежом на Военно-Грузинской дороге руководили **алдары** (князья) и дворяне, набиравшие отряды из своих крестьян.

Из всего изложенного можно сделать вывод, что процесс классообразования, вызванный внутренними причинами развития каждого народа Северного Кавказа, шел под покровительством России. У некоторых народов он даже закончился вхождением в ее состав. Но под воздействием принятия многими языческими народами мусульманства ориентация на Россию постепенно прекращается, а развитие получает набеговая система, сделавшая большинство северо-кавказских народов противниками России, что и способствовало началу Кавказской войны.

Тактика действий горцев в боях этой войны являлась самобытной, отточенной веками системой ведения боевых действий, характерной для народов, стоящих на фазе общественного развития формирования государственности. Пережитки родового строя сказываются на военной организации этих народов. Обратимся опять к И.Ф.Бларамбергу: «Та война, которую горцы ведут между собой и против наших войск, отличается до такой степени от европейских войн, что мы считаем своим долгом дать разъяснения по этому поводу. Согласно тому, что мы сказали выше о характере, нравах, образе жизни горцев, можно будет заключить, что **они не знают ни стратегии, ни тактики** и что они не имеют средств к существованию их отрядов, чтобы выдержать продолжительный поход. Зато они знают толк в малых войнах, о чем хорошо осведомлены русские;

их войны – не что иное, как вереница засад и внезапных нападений» (136). То есть мы видим в этих словах типичную характеристику партизанской войны, которая и у русских, со времен Отечественной войны 1812г., получила название «малой». К такого рода ведению войны всегда прибегает сторона, которая не располагает достаточной организацией для достижения своих целей в открытом бою, но надеется достичь большего, прибегая к тактике очаговых точечных ударов.

И.Ф.Бларамберг, попробовавший все «прелести» войны с горцами на собственной шкуре в 1830-31 гг., дает и рекомендации как противодействовать традиционным способам горцев в ведении боя: «Война против горцев требует большой осторожности, особенно тогда, когда речь идет о том, чтобы действовать против них в горах, где невозможно применить артиллерию. Однако нельзя слишком увлекаться осторожностью, чтобы они не приняли ее за нерешительность, осторожность должна сопровождаться отвагой в решительный момент. Дерзость в атаке приводит врагов в замешательство, делает их малодушными, тем более, что они ее не ожидают, надеясь на трудности путей сообщения, которые характер местности выдвигает на каждом шагу нападающих. В общем, в победе над ними бывает уверенность лишь тогда, когда можешь предвидеть их нападение, даже если они превосходят в численности в четыре раза» (137).

Хотя И.Ф.Бларамберг и заявил, что они «не знают тактики», но очевидно он имел в виду «классические» ее образцы, ибо то, что он пишет далее, как раз и показывает блестящее знание горцами этой отрасли военной науки. В этом ничего сверхъестественного нет, т.к. этому офицеру Генерального Штаба, в силу его иностранного происхождения, не были известны методы народной войны, которой в совершенстве владели и русские и горцы. Частенько русские использовали эти же методы против горцев и в отражении их атак на Линию, и в экспедициях в глубь горских

земель. Однако горцы находились в более выгодном положении, т.к. и в период набега, и в период отражения экспедиции – они диктовали свою волю и наносили удары по русским тогда, когда это им было выгодно, в то время, когда русские, даже в период ответных экспедиций, выходя за Кавказскую линию, лишались во многом инициативы, что превращало такие экспедиции только в тяжелые марши в обстановке непрерывающегося боя, да еще неизвестно с каким концом! Итак, что же это за тактика? «Они отлично стреляют и берегут патроны, вот почему не надо ввязываться в длительную перестрелку с ними, надо сразу переходить к штыковой атаке. Обычно они прячутся в кустарниках, скалах, каждый выбирает определенную цель и берет на прицел именно этого человека. Они прекрасно стреляют с упора или лежа на земле, никогда не промахиваются, но они долго заряжают, тратя на это много минут. Если они верхом на лошади, они спешиваются, чтобы перезарядить ружье. Перед тем, как выстрелить, ...они тщательно выбирают небольшое убежище, используя его как укрытие. Они очень экономно расходуют боеприпасы, терпеливо поджидая врага, чтобы точнее его поразить. Когда их много, они никогда не стреляют одновременно, чтобы иметь возможность перезарядить ружье. Чтобы обороняться, они располагаются в нескольких шагах друг от друга, и когда отступают, тот, кто впереди, производит выстрел и прячется за последнего, чтобы спокойно перезарядить ружье. Располагаясь таким образом, они используют все преимущества рельефа. Трудные дороги и всевозможные препятствия, которые часто встречаются на Кавказе, не позволяют нам вовсе, или позволяют очень редко, действовать неожиданно, делают невозможными быстрые и неожиданные передвижения. В то же время горцы очень бдительны, при малейшем шуме приближающегося наступления, они покидают свои жилища, которыми они не дорожат, укрывают свои семьи и стада, домашнюю утварь в лесу или в горных ущельях, где их очень

трудно достать. Обычно в такой ситуации они сопротивляются менее стойко и не пытаются противостоять нападению, предпочитая отступить. В последнем случае нужна большая осторожность, прекрасное знание местности, самообладание, чтобы выстоять и не понести больших потерь. Подобно пчелиному рою, который растревожили в улье, горцы окружают отступающего врага со всех сторон, стреляя из ружей, и, если не проявить стойкости, с шашками наголо они нападают не только на колонны, но даже бросаются на пушки. В то же время они не дают врагу возможности отступить, перекрыв дорогу завалами и рвами, которые они успели вырыть, и не дают врагу передышки. Малейший успех их воодушевляет, тогда как от неудач они становятся малодушными; и только когда они видят, что окружены, они сражаются отчаянно, дорого отдавая свою жизнь, и никогда не сдаются в плен. Они остерегаются нападать на нас в долине, где у нас есть пушки, где мы можем выставить один или два батальона, завязать бой, но они умеют использовать малейшую нашу оплошность, неожиданно нападая на наши маленькие подразделения, пытаются выкрасть или убить фуражиров, которые едут без достаточного конвоя, а также – погонщиков лошадей, скота, маленькие группы, которые рубят лес и т.д. В итоге эти мелкие потери по четыре-шесть человек из каждой десятки составляют сотни людей, коих мы недосчитываемся к концу года» (138). Все эти действия были характерны для оборонительных операций горцев. Здесь мы видим и отработанную веками тактику действий одиночного бойца и действия в обороне более крупных групп, вплоть до жителей отдельно взятого аула.

В наступлении, в производстве набегов на русскую территорию горцы придерживались совсем другой тактики. И.Ф. Бларамберг ее характеризует следующим образом: « Народности, которые населяют низменности и владеют тучными пастбищами, имеют прекрасную кавалерию, особенно кубанские черкесы. Их кавалеристы, полагаясь на превосходство своих

коней, не боятся нашей кавалерии, если она не превосходит их числом. Они прекрасно стреляют на ходу, даже скача во весь опор. Неожиданные нападения – вот их излюбленная форма военных действий. Когда их неожиданная вылазка не удается, они стараются заманить часть наших войск, которая их преследует, в засаду. Тогда они неожиданно нападают на них, часто нанося значительные потери, прежде чем к нашим придет помощь. Когда они намереваются вторгнуться на территорию соседей или на территорию русских, они хранят свои планы в секрете как можно дольше, чтобы нападение было неожиданным для врага; они всегда любят нападать превосходящими силами, чтобы быть уверенными в успехе. Обычно они отправляются ночью, с той целью, чтобы застать врага врасплох на заре. Если экспедиция требует много времени, они назначают пункт сбора. Их предводитель должен быть человеком испытанным, выдающегося ума, который умел бы завоевать их доверие. **Они плохо знакомы с дисциплиной**, и почти никогда не составляют плана нападения, во время схватки каждый сражается отдельно, не смешиваясь с другими. Они бросают своего вождя, когда захотят, без малейших укоров совести. Таким образом, их отряды увеличиваются или уменьшаются в зависимости от обстоятельств и доброй воли каждого. Однако, коли они нанимаются на определенное время на службу к военачальнику, то они верно держат данное слово. **Их операции не могут быть длительными, ввиду малого количества провизии**, которую они берут с собой. Запасы продуктов представляют собой обычно кожаный мешок с мукой, небольшое количество сыра, соли и кусок копченой или вяленой баранины. **Этой провизии им хватает на 8-10 дней**, по истечении которых они вынуждены возвращаться к себе, чтобы пополнить запасы, если им не удалось захватить добычу, которую они тут же увозят, чтобы спрятать в надежном месте» (139). Мы снова видим здесь показ сильных и слабых сторон наступательной тактики горцев. С сильными сторонами

русские ничего не могли поделать, приходилось их терпеть, но чтобы бороться с горцами, используя слабые их стороны, у русских выработалась своя тактика. Зная, что запас продовольствия рассчитан на 8-10 дней, русские зачастую к предполагаемому месту прорыва горцев стягивали крупные силы, а горцы, простояв это время в ожидании, пока русские разойдутся, но не увидев этого, вынуждены были отказываться от своих намерений и расходиться по аулам. Однако это случалось тогда, когда казаки на Линии вовремя узнавали о готовящемся ударе или верные лазутчики давали добротную информацию. Когда же этого не происходило – замыслы горцев удавались!

Обрисовывает И.Ф. Бларамберг и тактику горцев для ударов по Кавказской линии, которые наиболее результативны были в первые 30 лет Кавказской войны (наибольший успех вообще в первые ее годы). Система русской обороны проходила только свое становление. Горцы действовали следующим образом: «Они могут проникнуть через наши линии укрепления небольшими группами, ограничиваясь захватом отдельных людей или животных. На Линии им иногда удается, но очень редко, напасть на деревню и ограбить ее, отбить табун лошадей или стадо скота. Их кони просто неоценимы, т.к. они преодолевают по 60 верст в день иноходью, не уставая. Чтобы удачно напасть, они в течение дня прячутся где-нибудь за холмами в тростниках, в лесах, которые окружают реки Кубань, Терек, Сунжу; обычно они используют темноту ночи или туман, чтобы переправиться через эти реки вплавь или через брод. Затем они обходят наши секретные посты, убивая постовых прежде, чем те успевают поднять тревогу. По всему течению рек Кубани и Терека расставлены посты казаков, на определенном расстоянии друг от друга, чтобы охранять границы от нападения горцев. Рано утром горцы нападают на деревню, убивают тех, кто сопротивляется, остальных берут в плен. Быстро разграбив всю деревню, нагруженные трофеями, они также быстро

исчезают. Также они умеют ловко угнать табун: один из них появляется перед табуном, издавая крики, он мчится галопом в том направлении, куда он хочет заманить лошадей; испуганные криками, которые обрушиваются на них, эти животные устремляются за ним, и тогда их угоняют вплоть до Кубани или Терека. Всадник бросается в воду, за ним следом устремляется весь табун. Кони, связанные веревкой таким образом, что на шее каждого из них накинута петля, во время переправы вынуждены держаться вместе, чтобы петля их не удушила... Женщины и дети переправляются через реку на лошадях, а домашние животные вплавь. Когда горцев преследуют, часть из них останавливается и встречает врага или прячется в кустарниках и завязывает перестрелку для того, чтобы остановить врага и дать возможность другим спрятать добычу. Кроме того, они расставляют определенное количество засад на правом берегу Терека, Сунжи и Малки и на левом берегу Кубани, чтобы прикрывать отступление» (140).

Мужская одежда адыгов (черкесов) и кабардинцев состояла из каракулевой папахи, бурки, башлыка, бешмета и черкески. Бурка, которая изготавливалась из войлока и овчинной шерсти, предохраняла горца от дождя и холода и носилась обычно на одном плече. Черкеска представляла собой однобортный суконный кафтан без ворота и с вырезом на груди, в талии со сборками, обычно немного ниже колен. На каждой стороне груди находились газыри – трубочки для хранения пороха, а затем патронов. Черкески и бурки изготавливались, главным образом, черного цвета. На ноги мужчины обували чувяки, сапоги и ноговицы. Неотъемлемой частью мужского костюма были знаменитые черкесские шашки и кинжалы. Шашка, что означает «длинный нож», появилась у адыгов как новый вид холодного оружия в XVII в. Это оружие отличалось от сабли тем, что у него не было крестовины для защиты руки, и клинок был утоплен в ножны по головку рукоятки. Клинок шашки был значительно короче сабельного и менее изогнут. Для шашек использовали западноевропейские клинки,

которые ввозили на Северо-Западный Кавказ через черноморские порты на протяжении нескольких веков. Особой популярностью здесь пользовались генуэзская «гурда», залингеновский «волчок», венгерские «трансильванский узел» и «гусар». Рукоятки шашек делали из рога или серебра. Головки рукоятей имели закругленную форму с клиновидным вырезом сверху.

Черкесские кинжалы не считались, как шашка и сабля, почетным оружием, переходящим от предков. Они были просто личными вещами, которые использовались даже в хозяйстве. Сломанные и испорченные кинжалы переделывались.

Зажиточные адыги и кабардинцы имели шлемы, кольчуги и пластинчатые латы. Русские таких воинов в начале XIX в. называли «панцирниками». На смену луку со стрелами, копью и дротику в XVIII в. пришли ружье и пистолет. Однако это не означает, что лук и стрелы были забыты. Во всяком случае в 1801-1804 гг. они еще применялись, о чем свидетельствуют записи в послужных списках донских офицеров, которые были ранены именно стрелами (см. ниже). Кинжалы и шашки украшались орнаментом, а приклад ружья отделывался золотом, серебром и слоновой костью.

В походе изобилие оружия нисколько не стесняло горца и не выдавало его бряцанием и блеском. Все это было хорошо приспособлено к боевой обстановке. Кинжал носился в деревянных, оклеенных кожей ножнах, такие же ножны делались и для шашки. В нижней половине и снаружи шашечные ножны оклеивались кусками материи, пропитанной воском. Это предохраняло шашку от сырости при переправе через реку вброд. Такая же оклейка имела на рукоятке плети. При необходимости такая восковая клеенка, скрученная длинным жгутом, заменяла факел. Ружье носилось в войлочном косматом чехле через правое плечо, а пистолет или за поясом сзади, или в кожаной кобуре с левой стороны, около шашки. Погонный

ремень на ружье был пригнан таким образом, что после выстрела черкес вешал ружье на левую руку и заряжал на всем скаку. Для более меткой стрельбы из засады горцы возили с собой подсошки – два тонких прута, отделанных по концам костью и связанных на одном конце ремешком, которые приспособлялись вдоль ружейного чехла и не мешали ни конному, ни пешему воину (141).

В результате такого военного быта и состояния войны всех против всех у горцев выделилась прослойка так называемых **абреков**.^{*} Это были горцы, для которых набеги служили основным источником существования, разбойники. В абреки прежде всего поступали обедневшие юноши – сироты, которым грозила настоящая опасность потерять свободу и быть проданными в рабство. Видные места среди абреков занимали изгнанники, исключенные из общин за совершенные ими преступления. Значительную часть в рядах абреков составляли представители горской знати, для которых участие в набегах было источником дальнейшего обогащения (142).

Абреки зачастую зверски поступали не только с живым противником, но и с трупами. Линейные казаки во многом заимствовали методы своих противников: до середины 30-х годов XIX в. у них существовала традиция отсекал убитым горцам головы и привозить их в станицы на показ как трофей. Обычай отсекания голов у трупов связан с домусульманскими представлениями горцев о единстве души и тела, согласно которым «без тела» покойник не сможет предстать на Божий суд (143).

* Некоторые исследователи неправомерно связывают с термином «абрек» термин «хаджирет», появившийся гораздо позднее. Армавирский исследователь К. В. Скиба уточнил этот вопрос. См. Скиба К.В. Абреки, наездники, джигиты. // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир, 2003 – С. 161.

Одежда, быт, обычаи, военная организация других горских народов в основном одинаковы, только имеют небольшие различия. Тактика действий в бою тоже в основном одинакова, но различия зависят от манеры воевать: так чеченцы почти не имели конницы и привыкли сражаться пешими (144). Однако от этого воевать с ними было не легче, а скорее труднее... Подводя итог военной организации горцев, можно сказать, что их родовые или феодальные ополчения были грозной силой, а тактика партизанской войны, которой они придерживались в боях с царскими войсками, во многих случаях делала их неуловимыми и наносила их противнику ощутимые потери. На открытый бой большими войсковыми массами они редко когда решались, т.к. в силу своей родовой организации и феодальных усобиц между собой, такие объединения мало когда давали положительный эффект. Объединялись же они только в том случае в большие массы, когда это им было выгодно.

Что же представляло из себя Войско Донское в первые годы Кавказской войны как составная часть Российской армии. В описываемое время донские казаки все более превращались из суб-этнической группы в замкнутое военное сословие. **Воинская служба казаков носила феодальный характер службы за землю.** Большую роль в отбывании службы играла материальная обеспеченность казака, состоявшая в наделении его земельным паем, с которого он сам себя за свой счет собирал на службу. Казачество находилось в особых условиях, характеризующихся сословной и областной замкнутостью, типичной для чисто феодальных отношений. Во второй половине XV111 – начале X1X вв. широкие слои казачества стали интенсивно разоряться в связи с возросшими расходами на военную службу, расхищением казачьей верхушкой войсковых земель и эксплуатацией станичными богатеями. Многие казаки не могли уже самостоятельно собираться на службу. Им помогало станичное общество, обеспечивая их недостающим вооружением

и снаряжением, но за оказанную помощь казак по возвращении со службы обязан был отработать определенные станичным сходом «службы».

Длительное время Войско Донское не имело упорядоченного отбывания воинской повинности. До 1802г. порядок отбывания службы определялся обычаем, распоряжениями атаманов и Войсковой канцелярии. Число строевых частей, отправляемых с Дона на службу, определялось всякий раз отдельными высочайшими повелениями по мере надобности.

В 1802г. было принято «**Положение о Войске Донском**», где впервые установлен был комплект офицеров, рассчитанный на 80 полков, не считая гвардейских и артиллерийских частей (145). С тех пор на это число всегда ориентировались, считая его максимальным. В полку по Положению должно было числиться 578 чел. (146), которые состояли из 550 казаков, 5 младших и 5 старших урядников, писаря – 1, квартирмистра – 1, хорунжих – 5, сотников – 5, есаулов – 5, командира полка – 1 (147). Однако мало когда это число набиралось.

При комплектовании полков на Дону наблюдались различные злоупотребления. А. К. Денисов, бывший походным атаманом в Итальянском и Швейцарском походах А. В. Суворова и наказным атаманом в 1812-14 гг. и видевший сборы донских полков своими глазами, писал в своих воспоминаниях: «Такова участь казачьих полков: всегда казаки столько употребляются по дежурствам, к волонтерам, по провиантским, комиссариатским комиссиям и разным транспортам, что всегда остается при полку половина, а иногда и того меньше. Так даже случается, что чиновники, отправляясь в отпуск, уводят казаков в свои дома, и уже оттуда дают им способ возвратиться на Дон» (148). Поэтому фактически полк периода 1801-1816 гг. и в дальнейшем, вплоть до выхода Положения 1835г. надо считать в 250-300-350 чел. Это справедливо не только для эпохи начала XIX в., но и для периода Отечественной войны 1812г. (149), и для периода русско-персидской 1826-28 гг. и русско-

турецкой 1828-29 гг. войн, когда даже после прихода пополнений с Дона полки оставались, в среднем, в таком же составе (150). Такая ситуация была хроническим бичом системы отбывания воинской повинности донским казачеством вплоть до 1835г., но она была «освящена» веками, традициями и другими моментами, с которыми казакам было трудно порвать чисто психологически, в силу чего она продолжала существовать даже при осознании основной массой казачества ее минусов!

Для облегчения сформирования полков в военном отношении вся территория Земли Войска Донского по Положению 1802г. была **разделена на 7 округов**, каждый из которых имел свой центр, в котором находилось окружное сыскное начальство, соединявшее в себе всю военную и гражданскую власть данного округа. В эти начальства поступали указы Войсковой канцелярии и ее Воинской экспедиции, на основании которых окружное сыскное начальство и осуществляло свою деятельность. Войсковая канцелярия и местопребывание войскового атамана находились в столице Войска Донского. С ХУ11 в. и до 1805г. это был город Черкасск (ныне станица Старочеркасская), а с 1805г. столицей Дона становится город, основанный М.И. Платовым – Новочеркасск.

В оборонительный период Кавказской войны (1801-1816 гг.) войсковыми атаманами на Дону были: генерал от кавалерии Василий Петрович Орлов (с 1797г.), возглавивший легендарный поход донцов в Индию, известный под названием Оренбургского (1801г.). Скончался 30 июля 1801г. С этого времени на этой должности находился Матвей Иванович Платов, вступивший в нее в чине генерал-майора. Впоследствии - это знаменитый вождь донцов в 1807-1814 гг., прославившийся на всю Европу, граф, генерал от кавалерии, воспетый в казачьих песнях. Недавно Дон и вся Россия отметили 250-летие со дня рождения славного «вихрь-атамана». Скончался он в 1818г., поэтому весь оборонительный период войны с горцами приходится на период именно его атаманства, хотя

основные его личные усилия были направлены на руководство Войском Донским в войнах с Наполеоном и Турцией. Хотя его боевая слава началась именно на Кавказе в ХУ111 в., но непосредственно в Кавказскую войну он был связан с ним только чисто бюрократически: получал приказы Военного министерства и продолжавшей еще функционировать Военной коллегии, начальника войск, расположенных на Кавказской линии, главнокомандующих на Кавказе и формально выполнял то, что в них предписывалось, тем более, что время с 1801 по 1804 гг. он провел в Черкасске, а до осени 1806г. – в Новочеркасске.

На основе этих приказов он издавал распоряжения по Войску, отдавал их в Воинскую экспедицию Войсковой канцелярии, а та уже рассылала их по округам, в сыскные начальства. Округа и их центры были следующие: 1) Черкасский – сыскное начальство в ст. Старочеркаске (бывший г. Черкасск, который до 1805г. был одновременно главным городом Войска, а с закладкой Новочеркаска превратился только в центр начальства); 2) Первый Донской округ – сыскное начальство в ст. Ведерниковской; 3) Второй Донской округ – сыскное начальство в ст. Верхне-Чирской; 4) Усть-Медведицкий округ – сыскное начальство в ст. Усть – Медведицкой; 5) Хоперский округ – сыскное начальство в ст. Алексеевской; 6) Донецкий округ – сыскное начальство в ст. Каменской и 7) Миусский округ – сыскное начальство в слободе Голодаевке, принадлежавшей полковнику Мартынову. Здесь не было ни одной казачьей станицы и находились только слободы и поселки, в которых жили крестьяне, принадлежавшие донским чиновникам. Поэтому Миусское начальство осуществляло только полицейский надзор за ними, не осуществляя функции комплектования донских казачьих полков (151). Такого действия здесь не было произведено даже в эпоху Отечественной войны 1812г., когда на Дону А.К.Денисов по приказу М.И.Платова собирал казачье ополчение (152).

Важнейшей функцией окружных сыскных начальств в военном отношении было комплектование казачьих полков. Наряд казаков на службу и комплектование полков производились следующим образом: офицерские и казачьи дети по достижении 17 лет привлекались к отбыванию земских и станичных повинностей, а с 19 лет записывались в казаки «малолетками». До этого они были предоставлены сами себе, проводя время в играх и домашних заботах. По справедливому замечанию И.И.Краснова, «с самого появления казаков на Дону, т.е. с половины ХУ1 столетия и до конца 1863г. им (казакам), в местах жительства, до времени выхода на полевую службу, не производилось почти никакого обучения...В Донских полевых полках знакомство со служебными обязанностями и все требуемые познания военного дела казаки приобретали на службе; до тех пор служебное приготовление и развитие их зависели некоторым образом только от **домашних игр**, которые, как утверждали старики, в старину существовали по станицам в значительных размерах, а потом, с началом настоящего столетия (Х1Х в.), стали ослабевать и, наконец, совершенно исчезли. Ныне о них ничего уже не слышно» (153). Однако интересующий нас контингент (на начало Х1Х в.),будучи детьми в середине ХУ111 в. и в несколько более позднее время (70-80-е годы ХУ111 в.), подвергался обучению в таких играх даже еще и в 90-х годах. Несколько хуже дело обстояло, судя по цитате из И.И. Краснова, в первые годы Х1Х в., но игры все же существовали по инерции и казачата в них обучались навыкам службы.

Помимо неподготовленности к службе подавляющее большинство казачьих детей было безграмотно и порок этот оставался за ними порой до конца жизни, независимо от того были ли они из дворян, или из простых казаков. Хотя современные историки пытаются показать в своих трудах грамотность казаков, за которую боролся М.И. Платов, открывая гимназию в Новочеркаске в 1805г. (154), но фактически этой грамотности, судя по

формулярным и послужным спискам, в массовом масштабе не было. Графы об этом или пусты, или у некоторых так и написано: «не грамотен», или в графе «чего удостоивается» : « не аттестован, так как неграмотен». Стремление выглядеть лучше конечно хорошо, но правда – лучше! Это явление тяжело давило на донское офицерство, которое в лучшем случае умело, как явствует из послужных списков, - «российской грамоте читать и писать знает, а остальных наук не умеет». Но и этой «науке» обучались они, как правило, у церковного дьячка, который сам еле-еле мог научить их писать и читать. Умели помимо чтения и письма что-либо делать лишь дети генеральского звена, побывавшие в столицах (такие даже выучивались говорить по-французски, как упомянутый уже А.К. Денисов), или же переведенные в Войско Донское из более высоких социальных слоев: воронежских дворян, перешедших на русскую службу поляков, грузинских князей и т. д., которых к началу XIX в. набирается уже внушительная прослойка среди донцов: эти могли и делать четыре действия арифметики, и чертить планы, и знали языки и т.д. Но основная масса донского казачества и поспевавшая к выходу на службу в начале XIX в. масса «малолетков» была неграмотна и поступала на службу «неучами» во всех смыслах. Да и такой «грамотей», как М.И. Платов, бывший в начале своей службы писарем в Войсковой канцелярии, писал даже свою фамилию «Платов» с ошибкой, ставя в ее конце не «в», а «фиту». И делал это до конца своей жизни, будучи уже доктором права Оксфордского университета. И никто от этого не умирал, и такая грамотность считалась достаточной для службы. Да и многие великорусские дворяне, не говоря о донских, лучшими знаниями не обладали. А на таком уровне современные историки донского казачества может быть и правы: донцы были «грамотеями». Причем если горцы Северного Кавказа вообще во многих племенах не имели письменности и какое-то образование имели только муллы (там где было принято

мусульманство), то донские казаки на этом уровне были даже «образованы», а не только грамотны. Это их выделяло в лучшую сторону!

Возвращаясь к сбору казаков на службу и формированию полков нужно отметить что перепись «малолеткам» производилась особо командированными Военской экспедицией офицерами при помощи станичных сборов. Составленные ведомости с отметками о подлежащих освобождению по болезни и другим причинам предоставлялись затем войсковому атаману, передававшему их в Войсковую канцелярию, которая и определяла кому какую службу (внутреннюю или внешнюю) нести.

Сбор казаков на службу и формирование полков описываются следующим образом: «войсковой атаман, получив повеление высшего начальства, дает предписание Военской экспедиции нарядить нужное число полков на такой-то срок. Экспедиция исполняет сие через сыскные начальства, посылая к ним расписания, поскольку из какой станицы надлежит выкомандировать казаков и каких именно офицеров и урядников; вместе с тем назначает число, на которое все сии чины должны явиться на сборное место» (155).

Когда объявлялся очередной наряд на службу, офицеры и казаки собирались на сборные места, назначавшиеся обычно вблизи границ Земли Войска Донского. Многие казаки проходили до сборных мест от 300 до 500 км. (156). На сборное место приезжал специальный чиновник Войсковой канцелярии, так называемый «**переборщик**» и назначенные войсковым атаманом командиры полков, производившие отбор казаков и распределение их по полкам. Офицеры и урядники назначались заранее. Казачий полк, выступив с Дона, находился на службе 3-4 года, после чего сменялся и шел на отдых. На границах Донского Войска войсковой атаман или его доверенное лицо делал смотр возвращавшимся казакам, после чего полк расформировывался и казаки разъезжались по домам до новой очереди (157).

Каждый полк формировался заново и, таким образом, казак за 25 лет полевой службы мог служить в 5-6 полках. На службу отправлялись по очереди, установленной в каждой станице. Но очередность службы часто нарушалась из-за злоупотреблений и взяточничества казачьей верхушки. При комплектовании полков пытались сделать так, чтобы поступившие из «малолетков» составляли не более трети или четверти полка, главную же силу полка составляли старослужилые казаки самых разнообразных возрастов, т.к. отставку до самого конца ХУ111 в., разрешалось давать только уже не способным к службе. Павел разрешил давать отставку казакам, выслужившим 30 или 25 лет, но с тем, что в случае надобности, они могут быть вновь призваны на службу; это было подтверждено и в 1802г. (158).

От наряда на службу освобождались, т.е. пользовались «льготой», следующие лица: 1) торговцы, которые по распоряжению М.И. Платова, с 1804г. могли уплатить 100 руб. на сборы бедных казаков, что освобождало их от службы; 2) ремесленники, изготовлявшие снаряжение для офицеров и казаков, что засчитывалось за службу; 3) один из 4-х совместно живущих братьев, если трое других на службе; 4) раненые на войне, потерпевшие разорение от пожара и вообще имевшие расстроенное хозяйство, а также больную жену при малых детях (159). На льготе находились также казаки, отслужившие свой срок – «термин» – и дожидавшиеся очередного выхода на службу. Такая «льгота» длилась обычно 1 год, но если казак мог представить аргументированные причины, она растягивалась на 4-5 лет. Такие «льготы» вносили большую путаницу в очередность отбывания воинской повинности, хотя именно они, как ни странно, ее и обеспечивали. В результате иногда стоял вопрос о новом направлении на службу казака, который все сроки уже выслужил (160).

По назначении полкового командира ему передавались именные списки офицеров и казаков, знамена и инструкции Войсковой канцелярии

об управлении полком и о порядке похода. **По фамилии командира полка назывался и полк.** Полк немедленно выступал на службу. Управление полком и порядок полкового хозяйства определялись инструкцией, дававшейся полковому командиру. Во всем, что не было особо оговорено в этой инструкции, предписывалось руководствоваться общевоинскими уставами. Должностные чины пользовались той же дисциплинарной властью, что и в регулярных войсках (161).

Кроме армейских казачьих полков, Войско Донское в указанное время выставляло на службу 1 гвардейский полк (Л.- гв. Казачий) и конно-артиллерийские роты.

Л. – гв. Казачий полк состоял из 5 эскадронов, в каждом из которых с 1804г. служило по 128 казаков (162). Подразделения полка назывались не сотнями, как во всех казачьих полках, а эскадронами, потому что полк входил в гвардию. Чины здесь тоже назывались не по казачьему, а как в регулярной кавалерии: поручик, ротмистр и т.д.

Две донские конно – арт. роты были сформированы в 1797г. Каждая рота состояла из 12 орудий, которые, как равно и снаряды, отпускались из казны, прочее же имущество заводилось на войсковые средства.

Л. – гв. Казачий полк и арт. роты находились на службе постоянно и сменялись по частям, а не всем составом, как сменялись армейские казачьи полки (163).

Офицеры в артиллерию длительное время направлялись из полков Войска, а затем начали производить урядников, состоявших в ротах, за боевые отличия. Но они, в большинстве, были неграмотны (164).

Как в Лейб – Казачий полк, так и в артиллерию люди назначались по выбору из наиболее рослых, ловких, здоровых и, притом, из людей достаточного состояния; в общей очереди они уже не участвовали.

Довольствие войск в гвардии и арт. ротах было иное, чем в армейских казачьих полках. По общему правилу казачьи полки получали казенное

довольствие лишь при отдалении их от жилищ далее 100 км., правда с 1803г. было оговорено, что довольствие начинается со времени выступления полков со сборных пунктов. Казаки Л.- гв. Казачьего полка получали казенную аммуницию. Льготные эскадроны, находившиеся на Дону, должны были собираться два раза в год на 3 недели для осмотра и учения, причем получали от Войска провиант и фураж. Жалование производилось по гвардейским окладам. В арт. ротах производилось то же довольствие, что и в регулярных частях и, сверх того, фуражная сумма на вьючных лошадей (165).

Совсем на особом положении для того времени находился Атаманский полк. С 1802г. он имел 10 сотен. В Черкасске, а затем и в Новочеркасске были расквартированы 2 или 1 сотня, остальные жили по станицам и собирались только на время учений (166). Гвардейским он в это время не был, а составлял личный полк атамана.

На учение полк собирался весной, в Красный Яр. Зимой же небольшая часть чередовалась на караулах при доме атамана и при знаменах. Сами учения производились редко, да и то, когда их хотелось провести М.И. Платову с Атаманским полком и бывшими под рукою армейскими казачьими частями. Артиллерийские роты учились относительно систематично. Лейб-казаки также, находясь в столице, принимали участие в учениях гвардии, причем во времена Павла Петровича и Александра Павловича почти постоянно в составе всего гвардейского корпуса. Но дело в том, что, начиная со времен Екатерины, Россия постоянно воевала то с Турцией, то с Персией, то со Швецией, то с Францией, то с горцами Северного Кавказа, что давало богатую практику для казаков непосредственно в боевой обстановке. Войны были фактически непрерывны и для обучения молодых казаков участия в них вполне хватало, тем более, что если мы вспомним цитату из статьи И.И. Краснова, посвященной обучению молодых казаков, то в начале XIX в., вплоть до

середины 10-х годов, дети в станицах еще «играли» в военные игры, что давало необходимую военную подготовку перед выходом на службу, т.к. игры происходили под наблюдением «стариков». Выходя на службу, молодые казаки попадали под воспитание ветеранов суворовских походов, которых в войсках было еще достаточно много. Сам А.В. Суворов умер только в 1800г. и воспоминания о замечательном генералиссимусе еще не успели потухнуть в русской армии. Поэтому можно сказать, что в период 1801-1816 гг., хотя бы до конца заграничных походов 1813-15 гг., боевая подготовка донского казачества, пусть несколько своеобразно, не систематически, но проводилась методами, освященными веками, «азы» которой получались в военных станичных играх, а непосредственное знакомство со службой – уже в бою.

Если же армейскому начальству или М.И. Платову приходила мысль провести учения, то для казаков Дона это было сложным делом, причем как в гвардии, так и в армейских казачьих полках... В казачьих частях трубачей тогда не было. Поэтому командиру приходилось кричать, отдавая команду, а «большая часть командовала по – старому: «трогай!» или «ну, с богом, пошел!». Повернуть полк направо или налево было весьма затруднительно; всякий полковой командир, отдавая об этом приказание, должен был прежде растолковать, как его исполнить, а казаки посмышленнее других кричали на своих товарищей и толкали их. Такое самоуправление, конечно, не могло обходиться без путаницы, но во время сражения казаками распоряжался, так сказать, сам неприятель, потому что им нужно было сообразовываться с его движениями, а когда неприятель был опрокинут, то остановить казаков и возвратить на свое место не было уже никакой возможности: казаки гнали его до тех пор, пока не встречали на пути какого-либо непреодолимого препятствия и возвращались нередко на другой, даже на третий день. Иногда же случалось, что в таких погонях они насккивали на новые неприятельские силы или на нарочно

устроенную засаду: тогда казаки выпутывались из беды как сами знали» (167). Несмотря на то, что в бою донцы пытались снизить эти огрехи своей храбростью, напористостью, такое своеобразное состояние боевой подготовки налагало свой отпечаток на их действия.

Необходимо отметить, что основная масса элитных донских частей: и Лейб-Казачий полк, и Атаманский, и артиллерия, за исключением 1-й роты в период 1804-1805 гг., участвовали в основном в боевых действиях против Швеции, Франции и Турции, а на Кавказе их не было, т.к. горцы на то время не считались сильным противником. Весь цвет как русской армии, так и Войска Донского был направлен в Европу, что привело к тому, что даже походные атаманы донцов на Кавказе в 1801-1804 гг. могли быть и в чине полковника (см. главы 2 и 3), в то время как это была генерал-майорская должность. А коль скоро качество людского материала и боевой подготовки на Кавказе было хуже, то и боевые действия донцов с горцами не всегда отличались успехами.

Тактика действий донцов отличалась большой маневренностью, дававшей в боях с европейскими армиями почти всегда успех. Хотя приемы ведения боя на полковых учениях отрабатывались очень редко, но из «станичных игр» молодые казаки приносили с собой в полки определенные знания хотя бы общего порядка, о том как надо воевать. Все эти приемы были «дедовскими». Те же «вентери», заключающиеся в искусном наведении противника на засаду по типу действия старинной казачьей рыбацкой снасти, те же атаки «лавой», дававшие охват флангов противника, движение по «сакмам» – следам, оставленным противником, рассыпание по полю в случае неудачи атаки и т.д. Для европейских армий: шведов, поляков, немцев, французов, турок эти «сюрпризы» донской тактики были страшны и непредсказуемы, но дело в том, что для горцев Северного Кавказа весь этот набор «хитростей» не действовал, т.к. их тактика действий была такой же. Поэтому все засады, отходы, завлечения

тут не срабатывали, и схватки между казаками и горцами сводились к лобовым столкновениям, или же горцы, являясь аборигенами Кавказа, навязывали и регулярным русским войскам, и донским казакам, как составной их части, бои в тех местах, какие сами для себя считали выгодными – и тогда исход их не всегда был в пользу русских.

Вооружены казаки тоже были различно: были и шашки с эфесом без дужки, казачьего или восточного образца, французские сабли, турецкие ятаганы. Ружья кремневые, 7-линейные и нарезные штуцера, или карабины. Каждый казак имел по 1-2 пистоleta и пику с древком темно-красного цвета.

С восшествием на престол Александра 1 был изменен внешний вид казачьей формы. Изменения начались в гвардии. В 1801г. вместо полукафтана введена куртка (длиной до талии или чуть ниже) со стоячим скошенным воротником. Воротники и обшлага офицерских курток украшаются фигурным серебряным шитьем, а в дополнение к кушакам офицеры начинают носить серебряные пояса-шарфы с кистями. Одновременно вводится новая форма и в казачьих армейских частях (за основу были взяты костюмы лейб-казаков): черные барашковые шапки с красным свисающим верхом и коротким, но толстым волосяным белым султаном с черно-оранжевым цветом на верху - у урядников, но без султанов – у рядовых казаков; темно-синие куртки, чекмени (так стали называться прежние кафтаны), шаровары с лампасами, разноцветные кушаки и черные кожаные сапоги, в холодное время – бурки, полушубки, позже – шинели. В 1804г. на воротники и обшлага форменной одежды офицеров и генералов Донского казачьего войска вводится особое фигурное серебряное шитье (у генералов оно через пять лет заменяется общегенеральским армейским шитьем). В том же году всем казачьим офицерам присвоили серебряные витые жгуты на плечи, а позже серебряные пояса-шарфы. Офицерским отличием стали и серебряные

украшения на шапках, волосяные белые султаны черно-оранжевого цвета у основания (в отличие от урядников - вверху) и шпоры (168).

Но стоит иметь в виду, что на Кавказе в 1801г. продолжали служить еще полки, прибывшие с Дона в 1799-1800 гг., которые носили еще старую форму времен Павла 1. Полки, прибывшие в 1801г. тоже прибыли в старой форме, т.к. новая была введена указом 18 августа 1801г. (169), а они явились на Кавказскую линию в мае. На введение ее в толщу Войска требовалось время – 1-2 года, т.к. казаки все покупали за свой счет: одним указом ничего само собой не делалось. Поэтому и полки, прибывшие в 1802г. вполне могли прибыть в старой форме. Это и навело нас на мысль, что на акварели Е.М. Корнеева, написанной в 1803г., изображены не линейные, а донские казаки полка Данилова 1-го (см. главу 3-ю).

Вся форма и вооружение, как уже сказано, приобретались самими казаками, помимо 2-х строевых коней, которых должен был привести выходящий на службу казак за свой счет. Не всякое казачье хозяйство могло справиться с этим. Многие казаки разорялись, что также влияло на укомплектование полков.

В целом же можно сказать, что донские казачьи части в 1801-1816 гг. (а также в 1801-1804 гг.) могли удовлетворительно противостоять ополчениям горских народов Северного Кавказа. У них были свои минусы и свои плюсы, что является объективным процессом исторического развития. Это же мы видим и в военной организации горских народов. Чего-то идеального, снабженного одними плюсами, вообще не возможно встретить. Из этого и надо исходить в оценке исторических явлений.

Что же касается роли донского казачества в боях с горцами в 1801-1804 гг., то она была достаточно веской. Это видно хотя бы из сравнения количества всех казачьих войск, находившихся в это время на Кавказской линии. Вот подсчеты: Ф.А.Щербина дает следующую численность Кизлярского, Терского и Гребенского войск и Моздокского, Волгского,

Хоперского и Кубанского полков на 1800г. – 248 старшин и 4246 казаков (170). С переселением на Кубань бывших казаков Екатеринославского войска в 1803г. был образован Кавказский полк (518 чел.) (171). Это вместе дает **5012 чел.** В то же время в 1801-1802 гг. на Кавказской линии и Военно – Грузинской дороге находилось в составе 14 полков **5365 донцов** (результат подсчета в данной монографии), что на 1802г. составляло более половины числа всех казаков в этом регионе, а в 1803-1804 гг. – уже $\frac{3}{4}$. Простое количественное сравнение показывает, что донские части составляли весомую составляющую вооруженных сил России в борьбе с горцами, прикрывая важнейшее геополитическое направление интересов страны.

В дореволюционной историографии Кавказской войны их действия получили некоторое освещение. Пусть даже оно носит фрагментарный, не последовательный характер, но тогда не было «табу», наложенного на изучение данного вопроса советской исторической наукой и был накоплен известный фактический материал.

Первым, кого здесь следует отметить – это Платон Павлович Зубов (1796 –после 1857 гг.). Он был человек разносторонних талантов: беллетрист, стихотворец, автор исторических сочинений. Происходил из дворян Владимирской губернии, сын генерала П.П.Зубова и баронессы фон дер Остен – Сакен. Прожил кипучую, полную афер жизнь, хотя как патриот участвовал во всех войнах России первой трети XIX в. В июле 1812 г. вступил юнкером во Владимирское ополчение, возглавляемое его отцом. В октябре 1813г. был произведен за отличие в прапорщики, в 1814г. – уволен. Дальнейшую судьбу П.П.Зубова определил неистощимый авантюризм его натуры, толкавший его на использование сомнительных средств, не исключавший, однако, благородных помыслов. В 1824г. он принял участие в финансовых махинациях отца, пытавшегося таким образом разрешить свои материальные трудности. За составление

фальшивых ломбардных билетов разжалован в 1828г. из прапорщиков, лишен дворянства и определен рядовым в 40-й Егерский полк. Отец его, П.П.Зубов был лишен генеральского звания и орденов, сослан в Тобольск. Сам же будущий писатель участвовал рядовым в русско-персидской войне 1826-28 гг. В начале русско-турецкой войны 1828-29 гг. за храбрость и мужество, проявленные при взятии Карса, произведен в 1828г. в унтер-офицеры. В 1832г. П.П.Зубов по его просьбе, т.к. он хотел поддержать ссыльного отца, был переведен в Сибирский линейный батальон в Тобольск, но через год вернулся в Тифлис, где женился. Но о нем была уже сложена у окружающих скверная репутация, что не давало ему возможности «войти в общество». Это вынудило П.П. Зубова уехать. Живя в Москве, а потом в Петербурге, он издавал по несколько томов своих сочинений в год. Безвкусица, скверное владение литературным слогом, фактические и грамматические ошибки наложили на большинство сочинений П.П. Зубова «печать...сопротивления глазу читающего». Мы не будем здесь освещать его деятельность как поэта и сочинителя романов, которые в критике заслужили только иронические рецензии, а остановимся только на тех его трудах, которые посвящены военным событиям на Кавказе в 1-й трети XIX в. Это самое крупное его произведение: «Подвиги русских воинов в странах Кавказских с 1800 по 1834 гг.» (чч. 1-4, СПб, 1835-36 гг). Однако П.П. Зубов не довел свой труд до конечной даты, остановив его на событиях, связанных с подписанием Туркманчайского мира в 1828г. В альманахе «Молва» № 51/52 за 11 декабря 1835г. В.Г. Белинский дал рецензию на этот труд, отмечая, что хотя «цель этого сочинения гораздо... выше ее исполнения» и слог «обличает руку... не литературную», однако книга «читается с большим удовольствием», автор заслужил благодарности, т.к. проложил дорогу другим (172). Выход книги дал П.П. Зубову в его положении дополнительные средства на жизнь.

Несмотря на свою некоторую аляповатость, книга «Подвиги русских воинов в странах Кавказских с 1800 по 1834 гг.» заслуживает еще одного лестного отзыва за то, что хотя, как и все произведения П.П. Зубова, она компилятивна и в основном раскавычивает официальные документы, в ней сохранились некоторые сведения, касающиеся участия донских казаков в боях с горцами, которые длительное время мы затем не встретим на страницах исторических произведений даже таких маститых авторов, как Н.Ф.Дубровин. В частности, это описание атаки донских полков Персиянова и Крюкова в 1804г. в сражении с кабардинцами на р. Малке (173). В изложении же В.А. Потто мы находим тот же материал, но в сильно урезанном виде. Только у П.П. Зубова можно найти такое, чего мы не встретим уже нигде. Очевидно этот документ уже в подлиннике утерян или погиб, т.к. в период работы в фондах РГВИА при просмотре документов за период 1801-1815 гг. (174) этого донесения генерала Глазенапа найти не удалось. Довольно темное прошлое П.П. Зубова, его стремление подчищать документы, участвовать в махинациях и аферах наводит на мысль о том, что не тон ли своровал это донесение из архива Главного Штаба, т.к. следы других сведений, содержащихся в работах Н.Ф. Дубровина и др. авторов там рельефно просматриваются, а об этом нет и намека. Тем более, что у П.П. Зубова излагается наиболее полная версия этого боя. Сейчас нельзя этого утверждать достоверно (и этого уже никогда не выяснить), но факты его биографии наводят на возможность такого хода событий... Во всяком случае теперь труды П.П. Зубова можно использовать не как предмет изучения историографии, а как источники, в которых запечатлены утерянные уже для исследователей документы. Есть у П.П. Зубова и еще ряд упоминаний о подвигах донцов на Кавказе, в частности описание действий донских полков Быхалова 1-го и Аханова 1-го в период разгрома осетин в 1804г. (175) и ряд других. Каким бы человеком он не был, мы должны быть ему благодарны за сохранение этих

редких сведений по истории участия донского казачества в Кавказской войне в 1801-1804 гг... Что же касается того как он закончил жизненный путь, то здесь опять сработали его «родимые пятна» : в 1857г. П.П. Зубов был обвинен в подчистке билетов Московской сохранной казны. Это повлияло на его здоровье и после этого случая мы упоминаний о нем не встречаем – по всему, вероятно, он вскоре умер. Такова печальная судьба первого историка Кавказской войны, внесшего определенный вклад в изучение вопроса участия донского казачества в боях с горцами в 1801-1804 гг.

Следующими по времени, кто внес более менее крупный вклад в изучение поставленной проблемы, были офицеры – участники самой войны в 40-50-е годы XIX в., которые объединились в творческий коллектив под руководством полковника С.К. Новоселова, героя обороны крепости Ахты в 1848г. В основном все они остались неизвестны. Занимая должность плац – майора Петропавловской крепости, С.К. Новоселов с 1857г. под своей редакцией выпускает, вместе с сослуживцами, отдельными изданиями периодический альманах под названием «Кавказцы», где печатались биографии героев Кавказской войны, причем как генералов, так и офицеров и нижних чинов, описания некоторых военных действий, портреты, картины и планы сражений. Всего было выпущено 60 номеров (176). Не все удалось опубликовать, т.к. печатали они его на своем иждивении, но к нашей теме относится малоизвестный материал о донцах, в частности прямое продолжение событий, связанных с сентябрьским боем 1804г. на р. Малке и заключающийся в описании удачных действий донских артиллеристов в экспедиции генерала Г.И. Глазенапа в Кабарду зимой 1804-1805 гг. (177).

А вот в 60-е годы XIX в. начинает свою деятельность Николай Федорович Дубровин. Об этом человеке стоит поговорить особо, т.к. его труды займут особое место в нашем исследовании. Он родился в

родовитой дворянской семье 26 ноября 1837г. в селе Кориново Великолукского уезда Псковской губернии. Окончил Полоцкий кадетский корпус (1853г.), Константиновское военное училище (1859г.) и Михайловскую артиллерийскую академию (по одним данным в 1862г., по другим – в 1866г.). Также до конца остается не выясненным вопрос о его действительной службе, т.к. по одним данным он служил в строевом составе Л. – гв. 1-й артиллерийской бригады в должности командира взвода (очевидно, после окончания Константиновского училища), а затем , с 1862г. – старшим адъютантом в штабе артиллерии Отдельного Гвардейского корпуса. Очевидно, А.М. Агеев не прав, утверждая, что он закончил Михайловскую артиллерийскую академию в 1862г. Вероятнее всего, он смог, находясь на этой должности, только в нее поступить в этом году, что более соответствует утверждению, что он ее закончил в 1866г. Состоя слушателем Академии, он, одновременно, двигался по служебной лестнице, с 1864г. проходя службу в Петербургском окружном артиллерийском управлении. В период учебы в Михайловской академии он проявил свой интерес к военной истории, что и сыграло известную роль в том, что в 1869г. Н.Ф. Дубровин был прикомандирован к Главному Штабу для военно – исторической работы. По высочайшему повелению ему для этой цели был открыт свободный доступ в архивы, где он использовал обширные документальные материалы. Им были составлены многотомные сборники документов по военно-политической истории России XV111 – X1X вв. Параллельно с этим, Н.Ф. Дубровин писал и свои научные труды, в которых впервые в отечественной историографии широко использовал архивные данные и излагал большой фактический материал. Для нас имеет большое значение его труд «История войны и владычества русских на Кавказе» (тт. 1 – У1, СПб, 1871-88), где кроме детального обзора военных действий содержится ценный материал по внутреннему строю жизни и быта народов Кавказа. Для освещения участия

донского казачества в начальной фазе оборонительного периода Кавказской войны (1801-1804 г.) он сделал столько, что его роль трудно переоценить. Этому, очевидно, способствовали условия его службы, о которой можно сказать следующее: с 1882г. он был избран членом Военно-ученого комитета, одновременно – член Императорского русского исторического общества (с 1884г.). В 1888г. Н.Ф. Дубровин был произведен в генерал-лейтенанты, в 1890г. избран академиком Петербургской Академии наук. В 1893г. избирается неперменным секретарем Академии наук, хотя вел отчеты о ее деятельности еще с 1890г. В том же 1893г. Н.Ф. Дубровин был произведен в генералы от артиллерии, хотя об этом у А.М. Агеева сведений нет. В 1895г. он избирается членом Совета Императорского русского исторического общества и его казначеем. С 1896г. становится редактором журнала «Русская старина». Был сотрудником «Энциклопедии военных и морских наук». Умер 12 июня 1904г. в Петербурге (178).

Первый же беглый взгляд на изложение фактов биографии Н.Ф. Дубровина дает возможность сделать следующие выводы: на строевой должности командира взвода гвардейской батареи он находился всего немногим более 2-х лет. Затем около 7 лет на штабных должностях, перемежая их с учебой в Михайловской артиллерийской академии. Вся же остальная его жизнь связана с научной деятельностью, вплоть до последних дней жизни. Это привело к тому, что порох он нюхал только на учебных стрельбах Царскосельского полигона, да и то незначительное время своей службы, все же остальное время он посвятил исследовательской работе в залежах исторических документов. Она ему была поднесена на «блюдечке с голубой каемочкой». Даже все свои генеральские чины, вплоть до генерала от артиллерии, он получил за свою научную работу, а не за боевые отличия, т.к. ему не довелось участвовать ни в одной военной кампании, ни в одной перестрелке. Это мы говорим

отнюдь не с той целью, чтобы как-то принизить его, очернить светлое имя замечательного русского ученого, а просто для того, чтобы показать, что созданные для него правительством исключительные условия не пропали даром.

Он оказался очень плодовит, работая иногда над 2-3-мя книгами в год параллельно. И это не мешало ему каждую из них делать «шедевром в своем роде». Пусть сам текст их отдает некоторым академизмом и сухостью документов, в них попавших, но в этом, по нашему мнению, как раз заключается достоинство его трудов, а не недостаток. Если мы хотим увидеть весь объем событий, вплоть до мельчайших деталей, то надо смотреть именно в его сочинения, с «летописной» скупулесностью запечатлевшие чуть ли не поденную запись вошедших в него «мелочей», которые на самом деле, при более детальном рассмотрении, играли большую роль в данных событиях. Внешне его жизнь кажется безынтересной, т.к. его можно сравнить с «книжным» и «архивным червем», который всю жизнь грыз «гранит науки». Это и привело к тому, что не нашлось еще исследователя, который бы написал о нем добротную монографию, хотя бы такую, какую он сам написал о Н.М. Пржевальском, ибо те сведения, которые содержатся в статье В.Е. Рудакова «Ученно-литературная деятельность Н.Ф. Дубровина» («Исторический вестник» 1904, № 8), в труде Л. Г. Бескровного «Очерки военной историографии России» М., 1962г. и ряде других – на такой размах не претендуют. А Н.Ф. Дубровин этого стоит!

Из-под пера его вышел замечательный труд о Кавказской войне, над которым ученый работал в течение 17 лет, но вследствие обилия материала хронологически доведенного только до начала войны с Персией 1826-28 гг. (179). Причины того, что Н.Ф.Дубровин оборвал изложение своего труда слишком рано (ему оставалось прожить еще 16 лет!) неизвестны, но необходимо заметить, что это, пожалуй, единственное его сочинение, не

доведенное до конца, хотя для хронологических рамок нашего исследования общий дубровинский «конец» не столь уж важен...

К научным заслугам Н.Ф. Дубровина в плане освещения событий Кавказской войны стоит отнести прежде всего широкую панораму предыстории войны, уходящей в глубь веков, показывающую вековые причины противоборства, историю взаимоотношений русского населения с горцами и др. моменты, причем составляет эта часть сочинения почти 3 тома (180). К явным достижениям автора можно отнести и описание первых двух лет войны (1801-1802 г) (181), т.к. у предыдущих и последующих авторов эти два года вообще выходят из поля зрения и они начинают рассмотрение событий с осени 1802г., когда на смену К.Ф. Кноррингу прибыл более деятельный и целенаправленный главнокомандующий на Кавказе П.Д. Цицианов. Если отечественные историки предыдущего и последующего после Н.Ф.Дубровина периода ничего интересного в этих двух годах не увидели, то он нашел и в этом периоде «изюминку». Мало того, только у него встречаются данные за это время о деятельности донских казачьих частей, их расположении на Линии и в Грузии и даже переписке кавказского командования с войсковым атаманом М.И. Платовым о направлении очередных донских полков на Кавказ. Опять же, именно его указание на то, что К.Ф. Кнорринг, уезжая в Грузию, набрал для своего конвоя казаков из «разных» полков, стоявших на Линии (182), помогло нам исправить небольшую историческую неточность, вкравшуюся в историографию Кавказской войны с легкой руки академика П.Г.Буткова, касающуюся взятия аула Чим (183). Причем на характеристику событий всего двух лет (1801-1802 гг.) у Н.Ф. Дубровина уходит 164 страницы текста, т.е. 1/3 111-го тома, что показывает нам скупность его исследования.

У1 том исследования охватывает период с 1803 по май 1805 гг. – всего 536 страниц. И это на изложение событий всего 2,5 лет! Подробнейшим

образом здесь рассмотрены причины восстания осетин летом 1804г., избиение донцов на постах по Военно-Грузинской дороге, ход восстания, а также подавление его и участие в этой операции донских полков, причем опять достаточно полно (184). Также полно описаны события в Кабарде 1804-1805 гг. и участие в них донцов, но здесь они уже называются в общей массе казачьей конницы только обобщающим названием, не конкретизируя названия полков, исключая полк Селиванова (185). Однако именно в этом томе, так подробно обрисовывающем обстановку, нет и намека на атаку казачьих донских полков Персиянова 1-го и Крюкова 1-го на реке Малке в сентябре 1804г. (см. материал о Зубове П.П.). Нет здесь также и описания действий донских артиллеристов в период Закубанской экспедиции Г. И. Глазенапа зимой 1804-1805 гг., хотя есть само упоминание о появлении 12 донских казачьих орудий в составе отряда Г.И. Глазенапа (186).

Однако, несмотря на отдельные огрехи, необходимо отметить выдающуюся заслугу Н.Ф. Дубровина в деле освещения нашей проблемы, причем его указания оказываются важными и в наше время, что мы испытали даже в работе над этой книгой.

Примерно в это же время начинает свою деятельность и другой замечательный русский военный историк Василий Александрович Потто, которого в последней трети XIX – начале XX вв. в научном мире России называли «Нестором Кавказской войны». Происходил он из потомственных дворян Тульской губернии. Родился 1 января 1836г. Как мы видим, даже на один год раньше, чем Н.Ф. Дубровин, но ему пришлось пройти часть своего жизненного пути на строевых должностях в различных частях русской армии, стоявших и географически в разных регионах России. Возможность же непосредственно заниматься наукой, исполняя свои прямые служебные обязанности, у него сложилась только в последние 20 лет его жизни. Разница в положении этих двух замечательных ученых

видна даже в том, что Н. Ф. Дубровин стал в конце концов генералом от артиллерии, а В. А. Потто был произведен в генерал-лейтенанты только в 1907г., за 4 года до смерти. В связи с этим, имея такой тернистый путь в науку, он вызывал и вызывает к себе больше уважения как человек. Причем ему без конца приходилось «нюхать порох» не на Царскосельском плацу, а в реальных сражениях с реальными врагами России. Все ордена, которые были им получены – с «мечами», т.е. за реально проявленную воинскую доблесть. Мы еще раз повторяем, что этим нисколько не хотели оскорбить память Н.Ф. Дубровина, но жизненный путь В.А. Потто вызывает к себе больше сочувствия и симпатии. С этим, наверное, связан тот момент, что в отличие от первого, о втором вышло довольно много работ, пусть не монографий, но создающих определенный интерес вокруг его имени. Мало того, такие работы продолжают выходить и сейчас (187).

Воспитывался В.А. Потто сначала в Тульском Александровском, затем в Орловском Бахтина кадетском корпусах и, наконец, в Дворянском полку. 11 июня 1855г. В. А. Потто, произведенный в прапорщики, был направлен в Новороссийский драгунский полк. Прямо со школьной скамьи он попадает на Кавказ, участвует в Крымской войне, штурмуя Карс. Это вылилось в конце его жизни в мемуары «Воспоминание о Закавказском походе 1855 года». После войны В.А. Потто совершил служебную командировку по Кавказу, давшую богатый материал для статей «Несколько дней на Кубани», «Чир-Юрт в рассказах старых Нижегородцев», «Рассказ о смерти майора Золотухина», «Хаджи-Мурат» и др. Участие с полком в подавлении восстания в Польше дало Потто новые впечатления, породив «Походные записки о кампании 1863 года против польских мятежников» и «Стычка у деревни Грузовой 25-го июля 1863 года». В это время, пользуясь уже известностью в военной среде, он выступает в роли историографа, написав «Историю Новороссийского драгунского полка», охватывающую время с 1803 по 1865 гг. Облегчило

работу то, что в 1866г. капитан В.А. Потто стал полковым адъютантом. В том же году В.А. Потто был прикомандирован к Николаевскому кавалерийскому училищу в Петербурге, где его деятельность в отношении нравственного воспитания юнкеров была замечена военным министром Д.А. Милютиним и в октябре 1870г.он был назначен начальником Оренбургского казачьего юнкерского училища, с производством в майоры. Этим училищем, состоявшим тогда из роты пехоты и сотни казаков Оренбургского, Уральского, Амурского и Астраханского войск, он руководил 11 лет. Здесь он выпустил руководящее наставление для юнкеров, готовившихся к службе в степи, «Записки о степной войне». Из всех описанных выше событий жизни В.А. Потто просматривается следующая закономерность: сначала он участвует в боевых действиях или командировках, получает награды, а затем обобщает свои личные впечатления, обогащая их служебными документами, в результате чего появляются его частные воспоминания, как участника событий, или же военно-исторические монографии, которые во многих случаях имели практическое значение. Это показывает нам еще одно отличие Н.Ф. Дубровина и В.А. Потто: первый – теоретик, а второй-практик.

В 1873г., уже в чине подполковника, В.А. Потто, как опытный историограф, был вызван в Петербург, где ему поручено было составление, ко дню 50-летнего юбилея, «Истории Николаевского кавалерийского училища», с чем он блестяще справился. В феврале 1877г. В.А. Потто за отличие по службе был произведен в полковники, а в декабре 1881 г. сдал Оренбургское училище и был зачислен состоять по армейской кавалерии. В феврале 1887г.был назначен штатным штаб-офицером в штаб Кавказского военного округа (188).

С этого времени вся литературная деятельность его посвящается исключительно одному Кавказу. Он пишет свой капитальный труд «Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и

биографиях», изданный в 20-ти отдельных выпусках. Затем эти выпуски были объединены в окончательном варианте в 5 томов, изданных двумя изданиями (189). В связи с развязавшейся в 1994г. войной в Чечне, в Ставрополе этот труд замечательного русского историка был переиздан в издательстве газеты «Кавказский край» в том же году (все пять томов) (190).

Необходимо отметить, что хотя Н.Ф. Дубровин начал издавать свой труд на 14 лет раньше, но события 1801-1802 гг. они писали почти синхронно, ибо если у первого освещение предыстории Кавказской войны заняло почти 3 полновесных тома, то второй сумел их сгруппировать в 1-м выпуске, занявшем $\frac{1}{4}$ первого тома. Своеобразие труда Потто состоит в том, что он избрал достаточно оригинальный способ изложения событий войны, т.к. понимал, что после такого подробного и хронологически выдержанного описания, которое подал Н.Ф. Дубровин, ему в плане освещения Кавказской войны и делать вроде бы нечего! Поэтому своеобразие труда В.А. Потто состоит в том, что история войны в нем подается через призму биографий главных участников событий. Поэтому многие события, выходящие за пределы биографий, не вошли в описание В.А. Потто. В этом плане во многих случаях не повезло донскому казачеству, т.к. многие его подвиги не вошли в материал биографий, отобранный историком, ибо не были тесно связаны с теми людьми, о которых В.А. Потто собирался написать. Зато получилось так, что описаны были многие негативные моменты участия донцов в боях с горцами, их неумение воевать на Кавказе. В то же время, к чести В.А. Потто, необходимо отметить, что он «реанимировал» из забвения подвиг казаков донских полков Персиянова и Крюкова в 1804г. на р. Малке в бою с кабардинцами (191), который описан был только П.П. Зубовым, а ни на страницах альманаха «Кавказцы», ни в труде Н.Ф. Дубровина упомянут не был (см. выше). Причем странно здесь то, что в изображении В.А. Потто

казачья атака на Малке выглядит как-то «обрезано», многие события, упомянутые в книге П.П. Зубова у него не указываются, в результате чего честь завершающего удара отдается линейцам... Располагая редкими документами, В.А. Потто восстанавливает еще ряд забытых и малоизвестных подвигов донцов, но основная масса событий, описываемых историком, подает сынов Тихого Дона не в очень приглядном виде.

События в своем труде В.А. Потто доводит до 1831г., но нас интересует только 1-й том его труда. Как и всякая работа, многотомник В.А. Потто не лишен недостатков, но может быть, он не ставил перед собою те задачи, разрешение которых мы хотим увидеть у него, однако при использовании его труда надо **помнить очень большой минус**, касающийся неточной хронологии и сказочности описываемых событий, отмеченный еще Н.И. Покровским (см. выше).

Возвращаясь же к дальнейшей деятельности В.А. Потто, необходимо отметить, что в 80-е годы XIX в. появляются в печати из-под его пера подробные жизнеописания кавказских героев. Первой здесь стоит назвать книгу о Якове Петровиче Бакланове, выдержавшую два издания (192) и оставшуюся до сегодняшних дней лучшей биографией этого человека. Однако эту книгу мы не можем использовать в своем труде, т.к. исследуем события, происходившие даже еще до его рождения. В этот же период выходят и другие его работы, но касающиеся более поздних событий войны на Кавказе. Всего один раз он упоминает донцов за период 1801-1802 гг. во 2-м томе своего фундаментального труда по истории Нижегородского драгунского полка (193), что мы не преминули отметить в этой монографии (см. главу 2-ю). Причем это упоминание, как ни странно, носит положительный характер, в отличие от основного рефрена «Кавказской войны».

18 февраля 1899г. генерал-майор В.А. Потто был назначен начальником Военно-исторического отдела при штабе Кавказского военного округа с оставлением состоять по армейской кавалерии. На этой должности он становится главным редактором «Кавказского сборника», выпуская 12 томов (XX-XXXI) вплоть до своей смерти в 1911г. Под его редакцией выходит многотомное, и выходявшее после его смерти, но прервавшееся в связи с 1-й мировой войной, издание: «Утверждение русского владычества на Кавказе» (194). Однако, руководя авторским коллективом этого труда, В.А.Потто отступил от объективного взгляда на участие донцов в боях с горцами. Здесь он даже «промолчал» про атаку на р. Малке в 1804г., словно бы отрекаясь от того, что сам ее реанимировал в 80-е годы XIX в., когда ее «пропустил» Н.Ф. Дубровин! В этом труде только жирными красками расписывается неумение донских казаков, причем еще сильнее, чем в «Кавказской войне в отдельных очерках...» С чем связано такое изменение взгляда маститого русского историка на участие в боях донских казаков – сказать трудно, но то что это так – ярко бросается в глаза! С большой похвалой он начинает описывать их подвиги только со времени войны с Персией 1826-28 гг., подавая даже такие материалы, которые были опущены в «Кавказской войне...» Здесь прямо прослеживается какая-то грань между его антипатией и симпатией к ним! Приходится удивляться тому, почему в этом последнем крупном произведении, вышедшем под его руководством и редакцией так преувеличено одно и умалено другое?! Может тут сыграло свою роль то, что с 1903г. он, по просьбе наказного атамана Терского войска генерал-лейтенанта Толстова и начальника штаба терцев генерал-майора Миткевича-Желток начал писать историю Терского казачьего войска. Работа по составлению этих двух трудов велась **параллельно**, и это может повлияло на негативный показ в «Утверждении русского владычества на Кавказе» донцов, т.к. В.А. Потто был уже направлен на отыскание

документов о терцах и в его сознании стояли только они! Все может быть, т.к. в «Утверждении...» именно линейцам и приписываются все заслуги. Заканчивая материал о деятельности В.А. Потто, нужно отметить, что он явился последним ярким представителем русской исторической мысли общерусского масштаба, оставившим крупный след в изучении Кавказской войны в дореволюционный период. Негативный же его взгляд на участие донцов в боях с горцами – это его субъективное мнение. Ведь Н.Ф. Дубровин такого о них не писал!

Все прочие дореволюционные историки, писавшие об участии донских казаков в боях на Северном Кавказе в 1801-1804 гг. перефразировали только этих двух «столпов» отечественного кавказоведения, поэтому мы здесь не будем останавливаться на их творчестве: ссылки на них и оценки будут даны в тексте 2-й и 3-й глав. Не списывал и шел сам в своем творчестве только М.С. Жиров, создавший добротный труд о донской артиллерии, но как раз события 1804- 1805 гг. у него поданы только перечислением мест, где сражались донские артиллеристы, не вдаваясь в подробности. Ссылки на него тоже будут даны в своем месте (глава 3-я).

В советский период идеологическое «табу» запрещало писать об участии донского казачества в Кавказской войне, поэтому и назвать здесь некого как разработчика этой проблемы. В постсоветское время мы серьезно занялись ей, вначале размахнувшись на весь период 1801-1864 гг., но обилие материала свело наши усилия к исследованию оборонительного периода 1801-1816 гг. Были достигнуты определенные результаты (см. сноску № 46). Данной работой мы попытаемся закрыть «лауну», образовавшуюся в отечественной историографии в этом вопросе, т.к. даже в работах Н.Ф. Дубровина и В.А. Потто в ходе разработки проблемы были замечены и ошибки, и «шероховатости», которые новый материал позволит исправить и создать более связную

картину участия донских казаков в боевых действиях в 1801-1804 годы на данном театре войны.

Глава 2: Донское казачество в обороне Кавказской линии и Военно-Грузинской дороги в 1801-1802 годах.

Прежде чем описывать участие донских казаков в обороне Кавказской линии на первой фазе оборонительного периода Кавказской войны XIX в. нужно ответить на вопрос: что же она представляла собой к началу описываемых событий? Это была целая сеть крепостей, малых укреплений, казачьих станиц, сплетенная в единый узел, и созданная для того, чтобы не давать горцам совершать их грабительские набеги в пределы России. Как писал И.Ф. Блаرامберг, «до тех пор, пока не была учреждена Кавказская линия, черкесы проникали вплоть до берегов Волги и Дона и пресекали всякие отношения между Азовом, Грузией и Персией. Эти набеги давно прекратились, войска оттеснили черкесов в глубь гор...» (1).

Это было потом, а Линию пришлось возводить на протяжении всего XVIII в. и начала XIX в., чтобы прикрыться от набегов горцев, заселить ее казаками, обеспечить регулярными войсками – одним словом, чтобы она стала стратегической опорой политики России на всем Северном Кавказе и плацдармом решения ее геополитических задач.

Еще в 1735г., в царствование императрицы Анны Иоанновны, правительство России добровольно вернуло Персии завоевания Петра 1 по западному и южному побережью Каспийского моря до крепости Астрабада, взамен некоторых выгод для русской торговли на Каспии. Граница передвинулась на Терек, где возникла крепость Кизляр, положившая вместе с укрепленными станицами терских казаков

основание пограничной линии. В конце царствования Елизаветы Петровны на левом берегу Терека, в 200 км. от Кизляра, образовалось селение Моздок, населенное осетинами и кашинцами, принявшими православие. По сути дела это был осетинский аул. Вначале он был окружен слабыми земляными укреплениями и засекой, но во время русско-турецкой войны 1768-1774 гг., в 1769г., ограда была усилена новыми укреплениями мощного профиля и в нее введен гарнизон в 1 батальон пехоты и 40 орудий.

Одновременно, для связи с Кизляром, образовали 5 новых укрепленных станиц (Калиновская, Мекенская, Наурская, Ищорская и Голюнгаевская), в которые переселили 517 семей Волжского казачьего войска, составивших Моздокский казачий полк. Промежутки между станицами были усилены двумя редутами. В период боевых действий в Крыму в 1771г. был занят полуостров Тамань с примыкающей к нему Кубанской степью и здесь устроены укрепленные посты для защиты от набегов закубанских горцев. Остались сведения о следующих укреплениях на этом участке: ретраншамент близ Тамани с гарнизоном из Курского пехотного полка с полковыми орудиями, 50 гусарами и 50 казаками; редут у устья Кубани на 100 человек мушкетеров и 1 орудие; укрепление у Некрасовского селения с гарнизоном из Тамбовского пехотного полка, казачьего полка и 5 орудий; в Темрюке – 2 роты Тамбовского и 1 батальон Азовского пехотных полков и 2 орудия и ряд других, вплоть до редутов на реках Бейсюг и Ее на 100 человек и 1-3 орудия. В гарнизонах состояло по несколько рот до батальона, и кое-где находились казачьи полки.

В 1774г., после окончания войны с Турцией, русские оставили укрепления, но вскоре князь Г.А. Потемкин в своем докладе Екатерине 11 заявил, что линия от Моздока до Азова совсем не прикрыта от нападений. Вследствие этого приступили к постройке линии от Моздока по направлению на северо-запад на протяжении около 250 км. Линия шла

через реки Куру, Цалугу, Куму, по истокам рек Карамыки, Томузловки, Калауса, вдоль Черного леса и верховьев реки Егорлык и почти параллельно с границами Астраханской губернии и Земли Войска Донского. На этой линии было расположено 10 крепостей: Екатерининская (Екатериноград), Павловская, Мариинская, Георгиевская, Андреевская, Александровская, Северная, Ставрополь, Московская и Донская. Дальше, до Земли Войска Донского, охрана границы производилась линией форпостов, занятой донскими казаками и кочевниками-калмыками.

Одновременно с возведением степной Кубанской линии, правительство в 1778г. послало экспедицию под руководством генерал-аншефа А.В. Суворова, чтобы обеспечить землю Прикубанья от набегов закубанцев. А. В. Суворов решил возобновить прежде возведенные укрепления от устья Кубани до Ставрополя. На работу были наряжены 3000 человек, и через 6 недель укрепления были окончены и набеги горцев прекратились. Этот участок Новой линии состоял из 8 крепостей и 19 фельдшанцев. Укрепления эти состояли из рвов шириной и глубиной более 2-х м., брустверы были укреплены турами и мешками с песком. Ворота заграждены рогатками; перед ними прорыты рвы и устроены подъемные мосты.

К 1783г. Кавказская линия, по официальным документам того времени, делилась на две части: а) **Моздокскую** – по левому берегу Терека (3 крепости и 9 станиц) и по Кубанской степи (9 крепостей) и б) **Кубанскую** – по правому берегу Кубани (8 крепостей и 19 фельдшанцев). С присоединением в 1783г. Крыма к России выявилась еще большая необходимость иметь хорошо укрепленную линию по всему течению Кубани, т.к. наскоро построенные А.В. Суворовым укрепления были слабы и к этому времени пришли в разрушение. Поэтому генерал-поручику Потемкину Павлу Сергеевичу было поручено построить новую линию от Екатериноградской на реке Малке до реки Лабы, впадающей в Кубань. На

реке Малке, против Большой Кабарды, были построены 3 станицы и 2 форпоста, а между Малкой и Кубанью, против Малой Абазы, Константиногорская крепость, 4 форпоста и 1 штерншанец. По правому берегу Кубани - 3 малые крепости (Прочный Окоп, Григориполисская, Кавказская), 9 редутов и 1 станица. Время постройки этих укреплений – 1783-1791 годы.

Одновременно с этим, в 1784г. было преступлено к прокладке Военно-Грузинской дороги. По заключению с Турцией Ясского мира в 1791г., для обороны новой части границы, в 1792г. на полуостров Тамань и на земли, прилегающие к южному берегу Азовского моря, около устья Кубани, были переселены запорожские казаки, получившие теперь название Черноморского казачьего войска. Была образована Земля Черноморских казаков и новый, Черноморско-Кубанский, участок линии. С этого времени частные пограничные линии слились в одну большую линию под названием Кавказской.

Черноморско-Кубанский участок шел от устья Кубани до Воронежского редута и состоял из 24 укрепленных постов, представлявших в большинстве сомкнутые четырехугольники с бастионами и полубастионами в исходящих углах. Между ними Екатеринодарский пост считался главным населенным пунктом. В это же время генерал И. В. Гудович составил проект усиления Кавказской линии постройкой 8 новых крепостей на 1 батальон пехоты каждая (некоторые взамен существовавших) и перестройкой 6 редутов. Из этого числа к 1801г. были построены 4 крепости (Шелковская, Константиногорская, Кавказская, Усть-Лабинская), 5 редутов (Ладогский, Тифлисский, Казанский, у укрепления Сухой Дуб и у Воровского леса) и 1 штерншанец при урочище Песчаный брод. В 1798г. на пространстве от Солдатской слободы вверх по реке Малке, по сухой границе, был возведен участок

кордонной линии с 4 редутами и тогда же построена новая кордоная линия от крепости Константиногорской до станицы Темнолесской с 5 редутами.

Таким образом, в собственно Кавказскую линию, к 1801г., входили опорные пункты, лежавшие на Тереке (1) и Малке (5), на сухой границе, вверх по Малке (10), на Кубани (24), по Кубанской степной линии (9) и на пространстве между ней и Кубанью (7) (2).

Именно на эту линию и направлялись донские казачьи части, которым по жребию выпадало служить на Кавказе, для защиты ее от нападений кавказских горцев. По традиции, пошедшей еще с 80-х годов ХУ111 в. Дон выставлял на нее 5 полков, чего по мнению командования вполне хватало для оказания помощи линейным и терским казакам по охране линии (3).

В 1799 г. производилась очередная смена донских казачьих полков. Обычно в ХУ111 в., вплоть до 1820г. служба полка в действующей армии или в гарнизонах крепостей и городов по территории Российской империи длилась **три года** (4). Поэтому непонятно заявление автора одной из статей «Военного сборника» за 1861г. № 9, принятое за непреложную истину современным ставропольским историком В. А. Колесниковым: «Первоначально служба донских казаков на Кавказе длилась 10 лет, но затем ее срок был сокращен до 3-х лет» (5).

Как вообще понимать словечко «первоначально»? Имеются в виду вообще боевые действия на Кавказе еще в ХУ111 в., или же идет речь о начале Кавказской войны??? Смеем заверить В.А. Колесникова, что и «первоначально», и «затем» было по закону только 3 года. Он сильно доверился статье «Военного сборника» за 1861г.

Откуда могло взяться 10 лет? Такое могло происходить в виде исключения, когда полки неким было заменить, что произошло, например, с полками, прибывшими с Дона в 1807г., которые затем, в связи с начавшимися в 1807г. войнами с Францией и Турцией, а с 1808г. и со Швецией, не могли быть заменены и вынуждены были пробывать на

Кавказе, чтобы не понижать обороноспособности Кавказской линии и Грузии, вплоть до 1817г.! (6). Но это исключение из правила, а не правило. Это исключение просматривается по послужным спискам донских офицеров; то что они служили 3-4 года тоже видно по этим же спискам. Были и в дальнейшем случаи переслуживания нормального «термина» (срок службы), но из этого правила делать не следует...

Это не единственная неточность, свившая себе теплое гнездышко и прижившаяся в отечественной историографии, касающаяся участия донских казаков в Кавказской войне XIX в.

Так, длительное время считалось, что походным атаманом донских полков на Кавказе в период 1799-1802 гг. (нормальный трехгодичный «термин») был будущий герой Отечественной войны 1812г. генерал-лейтенант Николай Васильевич Иловайский 5-й. Об этом твердили такие солидные издания, как например, «Военная Энциклопедия» издательства И.Д.Сытина, в которой сказано: «произведенный в 1799г. в генерал-майоры, И. был сперва походным атаманом Донских казач. п.п. на Кавказской линии, а с 1802 по 1805 – походным атаманом 3-х казачьих п.п, на зап. границе» (7).

В свою очередь автор этой статьи в списке рекомендуемой литературы ссылается на труд, вышедший в Санкт-Петербурге в 1912г., под редакцией Его Имп. Высочества Великого Князя Николая Михайловича « Военная галерея 1812 года». Буквальное восприятие этой информации в том плане, что весь период с 1799 по 1802 гг. Николай Васильевич находился на Кавказе в должности походного атамана, привело к тому, что в самом последнем серьезном издании, вышедшем в наши дни, сообщается: «Николай Васильевич И(ловайский) 5-й (1772-1828), генерал-лейтенант (1818), в 1778 записан в службу казаком, в 1783 произведен в есаулы. Во время рус.-тур. войны 1787-91 отличился при взятии Хаджибея, Бендер, Измаила, в Мачинском сражении. В 1792-94 участвовал в военных

действиях в Польше, в 1796 – в Персидском походе. С 1799 походный атаман Донских казачьих полков на Кавказской казачьей линии. В 1802-05 походный атаман 4 казачьих полков на зап.границе» (8).

Здесь мы видим даже что Кавказская линия превращается из кордонной в «казачью», а количество полков на западной границе возросло с 3-х до 4-х! Из всего этого можно сделать вывод, что сведения о походном атаманстве Н.В. Иловайского 5-го на Кавказе в 1799-1802 гг. уже подаются в научной литературе как аксиома.

Однако не все авторы соглашались с подобной точкой зрения. В том же Петербурге, в 1914г., вышла книга, автор которой остался неизвестен, но который более внимательно вчитывался в архивные документы, где о Николае Васильевиче сообщается следующее: «В 1796г. он с конвойною командою находился в Персии. В 1799 году мы видим его уже походным атаманом на Кавказской границе и генерал-майором. Но в этом же году 26-летний генерал-майор выходит в отставку. В отставке ему, впрочем, не долго пришлось быть. В июне 1801г. он уже снова на службе, а на следующий год судьба снова перебрасывает его с полком его имени на западную границу России. Здесь, в Литовско-Виленской губернии, он несет пограничную службу, состоя походным атаманом трех казачьих полков» (9).

Разрешить этот спор помог только послужной список генерал-майора Иловайского 5-го, составленный 1 декабря 1803г. (10). Опираясь на него, мы выявили, что походным атаманом на Кавказской линии Николай Васильевич стал с 16 мая 1799г., а по прошению уволен в отставку 5 октября 1799г., т.е. в данной должности он находился только 2,5 месяца и его атаманство не входит в хронологические рамки Кавказской войны (11). Нами же выявлен и тот человек, который с 19 декабря 1799г. занимал должность походного атамана донских казаков на Кавказской линии. Это был генерал-майор Николай Петрович Кульбаков, что явствует из

послужного списка последнего за 1802г. (12). В это время ему было 30 лет, был уроженцем г. Черкаска. Несмотря на молодость, участвовал в войнах с Турцией в 1787-91 гг. и Польшей в 1792-94 гг. Был женат, но детей не имел. Образование было «классическое» – умел по-русски писать и читать, «а других наук не знал» (13).

Любопытный факт из его биографии, не отмеченный в его послужных списках ни за 1802, ни за 1803 г. (14) – это то, что 18 января 1789г. Кульбаков Н.П. в чине полковника Войска Донского... за отличную храбрость, оказанную в одержании поверхности над неприятелем» был награжден орденом св. Георгия 4-й степени (15).

Странность этого заявления, сделанная в работе Н. Полякова и М. Жирова, состоит в том, что помимо того, что это отличие не отмечено в послужных списках, но еще и в том, что Н.П. Кульбаков в их сообщении – полковник, в то время как, согласно послужному списку, он 7 сентября 1789г. произведен только в секунд-майоры за отличие в бою на речке Салте, а в полковники – 7 марта 1798г. за участие в работах по разграничению земли по Высочайше подтвержденной карте между Войском Донским и Екатеринославской губернией (16).

Это ставит под сомнение сообщение двух донских дореволюционных историков, т.к. послужные списки самого Н.П. Кульбакова его опровергают! Скорее всего речь у них шла о его отце, Петре Кульбакове, бывшем в период войны с Турцией 1787-91 гг. походным атаманом Украинской армии и полковником (17), действительно отличившимся в боях с турками. Но у Полякова Н. и Жирова М. обозначены инициалы героя « Н.П.», т.е. как у сына, а не отца. Это одна из многочисленных описок этой, в общем-то, хорошей книги, которые повлияли, да еще и сейчас влияют, на генеалогические исследования ученых, занимающихся проблемами донского дворянства!

О службе на Кавказе в послужном списке Н.П. Кульбакова сказано следующее: « 799-го декабря 19-го был командирован на Кавказскую линию походным атаманом над пятью казачьими полками, расположенными на границе, где и находился до смены полков» (18), т.е. до 1802 г., а еще, точнее, записано в правой боковой графе: «При Войске на Дону 1802 года июля с 17-го числа» (19).

В результате проделанной работы удалось выяснить, что после ухода в отставку Н.В. Иловайского 5-го с 5-го октября 1799г. должность походного атамана донских казаков на Кавказе оставалась вакантной, а с 19 декабря того же года по июль 1802г.ее занимал **генерал-майор Н.П. Кульбаков** – первый из неизвестных нам ранее походных атаманов Кавказской войны. Несмотря на то, что он ранее был заслуженным офицером, к 1801г. он неудовлетворительно руководил пятью казачьими полками, находившимися в его командовании, т.к. в основном болел и находился в домовых отпусках по состоянию здоровья (20).

Если портрет Н.В. Иловайского 5-го, благодаря Военной галерее Зимнего дворца, созданной Д.Доу и его учениками, известен на всю Россию, то портретов походных атаманов донцов, следовавших на Кавказе после него, пока еще не обнаружено. И в Новочеркасском музее истории донского казачества и в Старочеркасском музее-заповеднике есть много портретов людей с надписями «Портрет неизвестного». Многие из них в полковничьем чине, многие уроженцы ст. Старочеркасской (а первые походные атаманы донских полков в рассматриваемый период были все уроженцами ст. Старочеркасской – до 1805г. города Черкаска), но пока усилия искусствоведов, реставраторов и историков не в силах разгадать – кто на них изображен. Может это связано с тем, что длительное время кавказская тема не вызывала особого интереса в советский период ни в отечественной историографии, ни в искусствоведении; если в дореволюционный период в казачьих родах на

Дону и были известны изображения своих предков, отличившихся на Кавказе, то потом, с истреблением их потомков в 20-е годы XX в., исчезла и сама память о том, кто изображен на «парсунах». И теперь перед исследователями стоят в запасниках музеев целые залежи «портретов неизвестных». Поэтому наглядно показать читателям образ каждого донца-героя событий 1801 – начала 1805 гг. у нас нет возможности: четко атрибутированных и выявленных портретов нет.

Возвращаясь к описанию событий, необходимо заметить, что находясь большинство времени в отлучках, Н.П. Кульбаков назначал заместителем вместо себя войскового есаула Василия Ивановича Миллера 2-го, также уроженца г. Черкаска. В 1802г. ему было 29 лет. Вся тяжесть руководства полком, и очевидно 4-мя остальными, легла на него. Об этом читаем в его послужном списке: «С 799 по 802-й – на Кавказской линии, где за отсутствием прежде командовавшего оным полком генерал-майора Иловайского 4-го управлял почасту полком, а на последок, когда означенный генерал-майор всемилостивейше уволен в отставку, оставался я в командовании тем полком, уже настоящим полководцем, - прошлого 799-го ноября с 20-го 1800 год февраля по 4-е число. За всем тем, когда генерал-майор Кульбаков по Всемилоостивейшему повелению уволен был на четыре месяца в домовый отпуск, я остался за отсутствием его, по старшинству, полковым начальником» (21).

Этот послужной список помогает нам уяснить кто же был настоящим руководителем донцов на Кавказе в период с 16 мая 1799г. по июль 1802г., но вносит новую сумятицу в вопросе о персоне номинального походного атамана. Здесь упоминается уже не Иловайский 5-й, а Иловайский 4-й. Так как Иван Дмитриевич Иловайский 4-й также является известным всей России героем Отечественной войны 1812г., то в этой связи стоит выяснить – связано ли его имя с Кавказом или нет в период 1799-1802 гг.? Дело в том, что такое сообщение содержится не только в послужном

списке В.И. Миллера, но и целого ряда офицеров среднего и младшего звена, служивших в полку походного атамана. Но сам послужной список И.Д. Иловайского 4-го, составленный 15 ноября 1803г. дает на это отрицательный ответ, т.к. в 1799-1806 гг. он находился при Войске Донском и в действующих войсках не был (22). Так что сообщение о его атаманстве в послужных списках В.И. Миллера и других офицеров полка – явная описка, коль скоро он сам об этом не пишет. Удивление вызывает только довольно многочисленное ее дублирование в послужных списках!!!

Вопрос вызывает также то, что в левой боковой графе послужного списка, содержащей перечень полков, в которых служил, В.И. Миллер хотя и пишет дату выхода с полком Иловайского 5-го на Кавказ (или по его – 4-го, что обозначено в основном тексте описания службы) – 16 мая 1799г., - но в названии полка сразу ставит «в полку генерал-майора Кульбакова» (23). Как и его непосредственный командир, он также умел читать и писать по-русски, был женат, но детей не имел (24).

Несмотря на такую текучесть кадров в полку, донцы исполняли в нем свой долг как могли. Так , в январе 1802г. часть полка во главе с хорунжим С.В. Бородиным участвовала в «репресалии» за Кубанью в землях бесленеевцев (25). Есть еще одно сообщение об отличии казаков полка Кульбакова в охране государственной границы. Оно почерпнуто из послужного списка хорунжего Максима Моисеевича Моисеева, тогда еще урядника. Служа с 16 мая 1799г. в полку сначала генерал-майора Иловайского, а затем генерал-майора Кульбакова, он находился « 799,800, 801, 802 июля по 15-е на Кавказской линии у содержания от набегов горских и кабардинских хищников передовых кордонов, отколь 12 апреля 802 года командирован для преследования злодеев, учинивших у тамошних поселенцев лошадям отгон, с казачьею командою до реки Малка, где многим оных количеством был содержим в атаке до половины дня, из коей, однако же, освободился без всякого урона» (26).

Известно, что Кульбаков направлялся на Кавказ атаманствовать над пятью полками. Один из них – это его. Какие же были остальные? Их список обозначен в приложении к лекциям полковника Романовского, заключающем в себе расписание всех полков русских войск на Кавказской линии в 1799г. Это полк Иловайского 4-го (по всей видимости, полковник также пользовался неверной информацией, т.к. это, как мы установили, полк Иловайского 5-го), который занимал кордон при Константиногорской крепости между Кубанью и Малкою, от поста Беломечетского до Кумского штерншанца (позднее им стал командовать Кульбаков); полк Быхалова занимал пост Танцвеецкий и на 40 км. вперед к земле абадзехов; полк Горбикова занимал посты на Кубани от реки Невинки до Недреманного ретраншаменты, где находился его штаб; полк Грекова 9-го стоял по Кубани от редута Державного до крепости Кавказской, где находился его штаб; полк Рябинина – при Усть-Лабинской крепости и по Кубани от Романова брода до Изрядного источника (27).

Удалось уточнить, что в этом списке есть еще одна неточность, т.к. поименованный здесь полк Грекова 9-го на самом деле был полком Грекова 13-го, о чем говорят как ростовские (28), так и московские(29) источники.

Какие сведения имеются о состоянии каждого из этих полков? Начнем с полка походного атамана. В полку генерал-майора Кульбакова на лицо в ноябре 1800г. числилось: штаб-офицеров – 1, обер-офицеров – 8, урядников – 10, полковой писарь – 1, пятидесятников – 10 и казаков 470. Из них больных было 25 казаков (30). В отпуске никого не было, арестованных тоже. При штаб-квартире полка находилось 245 казаков (31). На постах же, расположенных по кордону, офицеры, урядники (пятидесятники) и казаки на 1 декабря 1800г. находились следующим образом: на Стальском редуте числилось 1 офицер и 43 казака, при Кумском штерншанце – 1 офицер, 1 пятидесятник и 39 казаков, при карантине – 1 пятидесятник и 14 казаков, при Понаровском штерншанце –

1 офицер, 1 пятидесятник и 20 казаков, при Киркирном – 1 урядник и 29 казаков, при Этоцком – 1 офицер, 1 пятидесятник и 29 казаков, при отгонном конном полковом табунае – 1 урядник и 20 казаков, на Кадоховском посту – 1 урядник и 20 казаков. Находились разъезды полка и в селениях: Государственном – 1 урядник и 10 казаков, Приближном – 1 пятидесятник и 10 казаков и в Нурской слободе – 11 казаков. На Бабуковом броде тоже находился пост из 1 пятидесятника и 14 казаков. В крепости Константиногорской ординарцами у генерал-майора Лихачева числилось 2 казака и в залогах в Кабарде находилось 6 казаков (32). Если всех их перечислить, то получается 281 чел. Прибавляем 245 чел., оставшихся в Константиногорской крепости и получаем 526 чел. Не учтенными у нас остались еще 1 штаб-офицер и 4 офицера, которые в общем счете дают 531 чел. Если исходить из штатов полка 1802г. в 578 чел., то реально недостает всего 47 чел. плюс 25 чел. больных, т.е. в строю отсутствует 72 чел. Это и есть, помимо больных, те, кто смог откупиться еще в станице или был взят офицерами в денщики, и т.д. Двух казаков мы видели уже в ординарцах у генерал-майора Лихачева. Это не денщики, но они тоже уже не в строю полка. Это уже 74 чел. И так понемногу набиралось вычитание из списочного состава полка. Причем полк Кульбакова, в силу того, что он – полк походного атамана, состоит еще в относительно крупном числе.

Командный состав полка выглядел следующим образом: 1-й сотней командовал сам генерал-майор Н.П. Кульбаков, 2-й – войсковой есаул В.И. Миллер 2-й (официальный заместитель командира полка), 3-й – капитан Дмитрий Кузнецов 2-й, 4-й – сотник Василий Егоров и 5-й – поручик Лукьян Попов (33).

Однако такими подробными сведениями мы располагаем только об этом полку (в силу того, что он – походного атамана и должен был быть на виду). От других полков в нашем распоряжении остались только

строевые рапорты, которые помогают установить только командный их состав и общее число строевых казаков в каждом полку.

В полку подполковника Горбикова командиром 1-й сотни был он сам, 2-й – капитан Тришкин, 3-й – есаул Егоров, 4-й – есаул Фомин, 5-й – сотник Никонов (34). По списку в нем числилось 1 штаб-офицер, 16 офицеров и урядников и 478 казаков (35). Таким он вышел на службу с Дона, имея в строю 495 чел. Уже сразу на Дону недоставало 83 чел.?! Командированных по различным полковым нуждам, кроме содержащих посты по своей дистанции, числилось 68 чел. (36). Недостающими во всех сотнях полка были еще 6 чел. Поэтому налицо в полку находилось 11 офицеров и урядников и 403 казака (37). Дело дошло до того, что подполковник Горбиков и квартирмейстер полка Греков состояли с 17 сентября 1800г. под военным судом в Усть-Лабинской крепости, а урядник Семиколенов с 10 ноября был арестован за неисправность по службе (38). В силу чего строевой рапорт теперь подписал капитан Тришкин, как исполняющий обязанности командира полка.

Причина осуждения командира полка и его квартирмейстера пока не выяснена. Конечно, оставшиеся в строю 414 чел. из полка Горбикова явно чувствовали себя неуверенно. Причем все это случилось с полком всего за год. Страшный некомплект в 164 чел. больно сказывался на боевой службе полка.

Следующий полк – Грекова 13-го. Командирами сотен в этом полку были: 1-й – сам подполковник Греков, 2-й – есаул Попов, 3-й – есаул Фролов, 4-й – есаул Меркулов, 5-й – сотник Мельников (39). Списочного состава в нем значилось: 1 штаб-офицер, 9 обер-офицеров, 7 урядников, 1 писарь и 481 казак (40). В этом полку даже числилась такая потеря, которая нигде у донцов в других частях не была: за период с 1 ноября по 1 декабря 1800г. бежал к горцам 11 ноября 1 казак и увел с собой двух своих коней (41). Числились арестованными в полку с 18 октября урядник

Шумков и 1 казак и есаул Меркулов с 17 казаками был с 22 ноября командирован в крепость св. Дмитрия Ростовского для получения на полк третнего денежного жалования. Недоставало в сотнях 2 казаков (42). Все это довело действительный строевой состав полка на 1 декабря 1800г. до 1 штаб-офицера, 8 обер-офицеров, 6 урядников, 1 писаря и 463 казаков (43), что вместе давало 479 чел. или штатной недостачи в 99 чел.

Полк майора Рябина, стоявший в Усть-Лабинской крепости, имел следующих командиров сотен: 1-й – самого командира, 2-й – капитана Навагина, 3-й – капитана Ежова, 4-й – есаула Данилова и 5-й – сотника Семиколенова (44). Списочного состава он имел: 1 штаб-офицер, 10 обер-офицеров, 6 урядников, 1 писарь и 479 казаков (45). Всего 496 чел. Из них командированных по нуждам полка, кроме стоящих на постах своей дистанции, числилось 1 обер-офицер и 30 казаков (46), а больных – урядников 1 и казаков 29 чел. (47). Вместе с недостающими в сотнях 4-мя казаками это составляло 65 чел., но , очевидно, майор Рябинин или больных, или командированных не включил в этот счет, т.к. на поверку на лицо на 1 декабря 1800г. у него значится: 1 штаб-офицер, 9 обер-офицеров (т.к. один хорунжий болен), 6 урядников, 1 писарь и 459 казаков (48). Реально же казаков должно числиться 414 чел. И если сложим действительные цифры, то получится, что в строю состояло 431 чел., т.е. реально доставало до штатной цифры 147 чел.

К сожалению, у нас нет строевого рапорта о состоянии полка Быхалова 1-го, поэтому мы вынуждены исчислить его состав на основании средней цифры, которую помогают нам уточнить воспоминания А.К. Денисова и цифры, составляющие численность полков в 1812-1815 гг. (49). Если исчислять их даже по большему варианту, то это будет составлять 350 казаков.

Чтобы выяснить, сколько донских казаков реально вступило в Кавказскую войну в 1801г., т.к. строевые рапорты, рассмотренные нами,

составлены были 1 декабря 1800г., т.е. в преддверии начала войны, мы должны сложить полученные цифры численности каждого из 5 полков. Получаем: полк Кульбакова – 531 чел., полк Горбикова – 414 чел., полк Грекова 13-го – 479 чел., полк Рябинина – 414 чел. и полк Быхалова 1-го – 350 чел. Всего 2188 чел. Это одна из немногих реальных цифр, которую можно получить путем подсчета более или менее точных цифр, но таких данных очень мало, поэтому, там, где их не будет обозначено, придется при подсчетах употреблять среднестатистические 350 чел., как мы поступили в случае с полком Быхалова 1-го. Но так мы будем действовать не всегда, ибо открылись новые нюансы сбора донских казаков в «термин» на Кавказ, рассмотренные в последних наших статьях (50).

Командиры полков тоже стоят того чтобы с ними познакомиться подробнее. Полковнику Василию Андреевичу Быхалову 1-му в 1802г. было 46 лет от роду. Происходил из казачьих детей станицы Средней г. Черкаска (51). Более подробные сведения о нем уже публиковались (52).

Он участвовал в войне с Турцией 1787-1791 гг., держал посты на границе с Польшей в 1792-93 гг., а в 1794г. участвовал в подавлении Есауловского восстания на Дону, когда пять станиц не пожелали переселяться на Кавказскую линию. 22 апреля 1799г. был произведен в полковники и с полком направлен на Кавказскую линию. Владел «классическим» казачьим образованием: по-русски читал и писал, был женат и имел сына.

В период службы на Кавказе Василий Андреевич 28 января 1800г. за случившиеся в полку беспорядки был исключен из службы и осужден в Санкт-Петербургском ордонанс-гаузе военным судом. По окончании суда 22 декабря 1800г. император Павел Петрович поднесенное ему на конфирмацию дело высочайше повелеть соизволил оставить, а 21 марта 1801г., уже в царствование Александра 1, по высочайшему приказу Василий Андреевич «принят паки в службу» (53). Что это были за

«беспорядки», повлекшие за собой отдачу Быхалова 1-го под суд, и почему Павел Петрович оставил дело без последствий, а Александр Павлович вернул его на службу – неизвестно, но из 3 лет «термина» он почти год провел в тюрьме! Для него эта «отсидка» закончилась, слава богу, «легким испугом».

Из его послужного списка за 1807г. мы узнаем, что он « 799-го года командирован с полком на Кавказскую линию, где пробыл 802-го июля по 5-е число. И во время того нахождения, не давая закубанским хищническим партиям внутрь российской стороны впадать, много раз прогонял с потерей с их стороны, а 802-го года в мае месяце из закубанских хищников, покушавшихся на пост казачий, перейдя реку Кубань, разбивши ту неприятельскую партию, поймал живьем 4-х человек и представил главному начальству» (54). Мы видим, что Василий Андреевич Быхалов 1-й был человеком неординарным, очень нужным для Кавказа, а то, что один год из его жизни был вычеркнут по желанию высшего начальства - это не его вина, тем более, что решили оставить дело «без последствий».

Несмотря на такую «полнокровную» жизнь, в отечественной историографии о Василии Андреевиче уже сложился ряд неверных сведений, касающихся даже его имени и отчества. Началось опять все с труда Н.Полякова и М. Жирова о донцах – Георгиевских кавалерах, где они сообщают о награждении Быхалова 1-го 26 марта 1813г. орденом св. Георгия 4-й степени, но нарекают его не Василием Андреевичем, а Андреем Ивановичем (55), (хотя так звали войскового старшину Быхалова 2-го, умершего в 1804г.). В силу того, что из этих авторов М.С. Жиров пользовался славой точного исследователя, писавшего только на основе архивных данных (да и сейчас эта слава идет за ним заслужено), все историки, занимавшиеся историей донского казачества, восприняли это сообщение вполне доверчиво и пользовались им в советский период (56), и

продолжают пользоваться и поныне (57). Возможно, в этой ошибке виноват не сам М.С. Жиров, а его соавтор – Н. Поляков, но от этого легче не становится! Мы ничего не имеем против авторов, называвших донского героя Андреем Ивановичем, а не Василием Андреевичем, но такое «перекрещивание» имени живого человека именем уже мертвого к 1812г., делает традицию нашего достославного Отечества производить мертвых в «вечно живых» достаточно живучей. Дело в том, что Андрей Иванович до полковника так никогда и не дослужился, ушедши в мир иной в 1804г. в чине войскового старшины! В силу этого он и был Быхаловым 2-м, в отличие от полковника Быхалова 1-го. Более доказательно мы выразили свой взгляд на это дело в следующей главе, посвященной участию донцов в боях с горцами в 1803-1804 гг., а сейчас нужно заметить, что пора вернуть человеку, давно уже умершему, но прославившему Войско Донское и на Кавказе, и в войне с Наполеоном, его настоящее имя – **Василий Андреевич Быхалов 1-й**. Особенно это следует указать В.И. Лесину, являющемуся современным адептом наименования Быхалова 1-го Андреем Ивановичем (58).

Майор Петр Иванович Рябинин был единственный, кто провел свой «термин» на Кавказе с 1799 по 1802 г. не уронив своей чести. Это получилось, видимо, в связи с тем, что он происходил из дворян Воронежской губернии. Такой «шлейф» заставлял его беречь свою честь, о чем он весьма заботился. Как не потомственный казак, Петр Иванович был приписан к станице Средней г. Черкаска (59). Хотя в боевом походе до этого он участвовал только один раз – в 1790г. за Кубань и Лабу, а остальная его служба состояла в основном из административной работы, он, несмотря на малый боевой опыт, «неоднократно отражал набеги горских хищников и, преследуя их за Кубань, все их зловерные намерения уничтожал»(60). Как дворянин, образования имел несколько

поболее: помимо того, что умел по-русски читать и писать, знал еще и арифметику. Был женат и имел двух дочерей (61).

В послужном списке Петра Ивановича за 1812г. сказано о пребывании его на Кавказе: «799-го, 800-го, 801-го и 802-го с полком на Кавказской линии для содержания пограничной стражи, где многократно был у дела с закубанскими хищниками, преследовал их за Кубань и Лабу, выполняя в точности предписания главного начальства, засвидетельствованные командовавшими мною генералами, от коих неоднократно поручаема была в мое командование и вся Усть-Лабинская дистанция; а при взятии по Высочайшему повелению четырех сот черноморских мятежников из Екатеринодара, удостоен был командования и отрядом из баталиона пехоты, двух сот драгун и четырех сот казаков состоящего...» (62). Из изложенного можно сделать вывод, что донцы использовались командованием не только для борьбы с горцами, но и для подавления выступлений недовольных черноморских казаков, с чем одинаково хорошо справлялись. Но это можно сказать только про казаков майора П.И. Рябинина, ничем не запятнавшего свою репутацию за период «термина» 1799-1802 гг.

Учитывая прекрасные качества казаков и офицеров полка Рябинина, командование использовало их не только для военных, но и для дипломатических акций. Так хорунжий Андрей Иванович Кисляков сообщает в своем послужном списке: « 799 мая 16-го – 802-го июня по 16-е на Кавказской линии и находясь по повелению господина генерал-лейтенанта Кавказской инспекции инспектора и кавалера Кнорринга 2-го с господином генерал-майором и кавалером Лихачевым, находившимся при Усть – Лабинской крепостим, отправлен был с прибывшим от Анапского паши чиновником Нурадим – Беем за Кубанскую границу, в пределы Оттоманской Порты, для отобрания у черкесских народов похищенных ими в России людей, скота и прочего неудовлетворения Российской

претензии...» (63). Следы потомков этого героя Кавказа зафиксированы сегодня: по признанию заведующего кафедрой Отечественной истории советского периода РГУ, доктора исторических наук, профессора А.В.Венкова, А.И. Кисляков – его предок по материнской линии...

Совсем по иному сложилась судьба у следующего командира полка, подполковника Ивана Ивановича Горбикова. Нам уже известно, что он находился под судом. В силу этого послужной список за 1802г. этого офицера найти не удалось, т.к. в отличие от полковника В.А. Быхалова 1-го, суд для него окончился неудачно (64). Это документально подтверждается на основе «Списка именного состоящим в Войске Донском генералитету и штаб-офицерам с показанием – кто из них где находится за 1802 год». О судьбе И.И.Горбикова там сказано: «подполковник Иван Иванович Горбиков. Год вступления в службу 777, в настоящем чине с 2 марта 799 года». Все это затем зачеркнуто и написано: «разжалован в рядовые по конфирмации октября месяца в 10-й день сего 1802 года» (65). О том, что с ним происходило в период нахождения в рядовых казаках – нам не известно, т.к. история в архивах сохранила нам послужные списки только офицеров.

Но современные историки РГУ решили «попереберать грязное белье» несостоявшегося подполковника. Авторский коллектив во главе с упомянутым уже профессором А.В. Венковым выпустил в мае 2001г. учебное пособие «История донского казачества», в котором бедного Ивана Ивановича, еще тогда не осужденного, понижают до войскового старшины (66). За что же такая немилость осенью 1801г., когда человек еще наслаждался своим подполковничеством, хотя и был уже под судом? Поэтому мы заявили в рецензии на эту книгу: «говоря об отгоне у казаков полка Горбикова лошадей, оставшемся безнаказанным, автор (А.И. Агафонов, как удалось выяснить из беседы с А.В. Венковым) называет командира полка войсковым старшиной, в то время как он был

подполковником (правда, для самого И.И. Горбикова это вскоре стало неважным, т.к. он был предан суду, по решению которого был разжалован в рядовые казаки). Для истории же донского казачества даже такая мелочь может иметь большое значение!» (67).

Как нам известно, нахождение командира полка под судом вызвало то, что руководство полком осуществлял командир 2-й сотни капитан Тришкин, но очевидно, его руководство было слабым и с 13 февраля 1801г. в эту должность вступает командир 3-й сотни – есаул Семен Яковлевич Егоров. Несмотря на смену фактического командования полка, он по - прежнему продолжал называться первоначально – полк подполковника Горбикова, чтобы не внести путаницу в служебную документацию, переписку с Военной Коллегией и очередные списки выхода казаков на службу: так было привычной.

За 36 лет своей жизни С.Я.Егоров успел повоевать и с горцами, и с турками, и с поляками, напросившись добровольно 16 мая 1799г. еще раз послужить на Кавказской линии. Он являлся грозой для закубанцев, т.к. с казаками всегда наносил им достойный отпор, встречая и отбивая у горцев все награбленное.

Исполнял он должность командира полка попеременно с есаулом Василием Фирсовичем Антоновым, уроженцем станицы Пятиизбянской (сам С.Я. Егоров – уроженец станицы Черкасской) (68). Однако для Егорова его «кавказская слава» закончилась неожиданно: уже окончив свой «термин» в полку Горбикова, он добровольно в 1802г. перешел служить в полк Данилова 1-го, только что прибывший с Дона. Этот поступок можно назвать предтечей поступка Я.П. Бакланова в 40-50-е годы XIX в. Но неожиданно Семен Яковлевич был арестован по делу своего бывшего командира, подполковника И.И. Горбикова и находился под судом, имея и собственную вину, т.к. в период исполнения обязанностей командира полка отпустил казака домой, на Дон. Так что

отводить полк по окончании «термина» на Дон пришлось уже В.Ф. Антонову (69). Чем же закончился суд над С.Я. Егоровым – осталось невыясненным.

Длительное время ничего невозможно было сказать по поводу информации о командире последнего из пяти полков – Грекове 13-м, т.к. во всех послужных списках его подчиненных полк называется «бывший Грекова 13-го». Неизвестны были даже его имя и отчество. Мы об этом упоминали во всех предыдущих своих работах, посвященных событиям 1801-1802 гг. (70). Но недавно нами, но в другом фонде ГАРО (341) был обнаружен формулярный список о службе и достоинстве Войска Донского подполковника Грекова 13-го, написанный 1 сентября 1800г. (71). Этот документ устанавливает, что звали его Федор Петрович, в 1800г. ему было уже 56 лет, что делает вполне возможной версию о его смерти в 1801-1802 гг., т.к. далее его послужных списков уже не встречается (72).

Место его рождения или приписки не указано (проблема остается на дальнейшее изучение). Происходил из старшинских детей Войска Донского. Образовательный уровень традиционен: «Грамоте по-русски читать и писать знает». Женат был на бригадирской дочери Прасковье Серебряковой. От нее имел 9 детей (5 сыновей и 4 дочери), старший из которых, Петр, 26 лет, был уже капитаном, а младшая дочь, Пелагея, достигла одного года возраста (73). Последнее, правда, ставит под вопрос предположение о том, что это был дряхлеющий человек...

Его действительная служба насыщена событиями и что особенно важно – значительная ее часть прошла на Кавказе. В службу вступил казаком 20 августа 1761г., но только 20 августа 1765г. в составе полка Марка Грекова попадает в Кизляр, являясь в 1766-69 гг. зауряд-есаулом, где охраняет границу от нападений горцев. 20 мая 1769г. производится в есаулы и переводится тогда же в полк Колпакова, с которым участвует в боях за Крым, отличившись под Перекопом. В 1771г., с 10 августа, переведен в

полк Ефима Кутейникова и в его составе штурмует Перекоп, переходит Сиваш, участвует во взятии Кафы и преследует бежавших в горы татар. В этот период из-за ранения полковника Колпакова выполнял обязанности командира его полка. В 1774г., 20 июля, за отличия в боях, произведен в войсковые старшины. С 15 марта 1775г. с вверенным ему полком охранял границы России на Оренбургской линии вплоть до 1778г. До 1783г. находился на Дону, а в декабре 1783г. участвует в походе А.В. Суворова против ногайцев за Кубань и Лабу. В 1785-1788 г. с полком находился на Кавказской линии, где оборонял от набегов горцев Западный ретраншамент и три редута. В этом период, в 1786г. он участвует в экспедиции под Абазу, где был взят в плен руководитель черкесов Сарала; в 1787г. участвовал в экспедиции за Кубань вместе с полком пехоты генерал-майора Василия Елагина, а в сентябре-октябре – в экспедиции вверх по Уруп, а затем по Тегени, ежедневно сражаясь с горцами, откуда возвращаясь, попал в состав войск генерал-аншефа Петра Текелли, командовавшего правым флангом Кубанского корпуса. В ноябре с этими войсками его казаки еще раз прошли до «снеговых гор». На Кавказской линии с полком оставался вплоть до 1795г. По возвращении на Дон, 17 сентября этого года, за отличие в боях с горцами, был произведен в майоры, После «льготы», 16 мая 1799г., снова был направлен с командуемым им полком на Кавказскую линию, где 5 ноября 1799г. был произведен в подполковники (74).

Но о том, что произошло потом, архивные документы не сохранили сведений. Умер он или нет (что понимать под словами «бывший Грекова полк», встречающимися в списках младших офицеров полка, без дополнительных изысканий сказать трудно), - неизвестно.

Из всех послужных списков офицеров полка Грекова 13-го хоть какой-то свет о службе подполковника дают косвенные данные, помещенные в послужном списке есаула Алексея Никифоровича Попова, командира 2-й

сотни этого полка, штатного заместителя Федора Петровича. Вот они: «799-го мая с 16-го 802-го июня по 10-е на Кавказской линии, где был с горскими народами в сражениях и неоднократно за небытностью полкового командира правил полком...» (75). Причина «неоднократной небытности», очевидно, состояла в том, что будучи человеком преклонных лет, Ф.П. Греков 13-й часто болел и для поправки здоровья отлучался домой, на Дон. Это документально не подтверждено, но наиболее логично именно такое объяснение. Ну а в возрасте 57 лет в 1801г. он мог вполне и умереть, болея, что частенько случалось с донцами, при перемене привычного им климата и условий обитания, на Кавказе. Эта версия все же вызывает доверие.

Сам же есаул А.Н. Попов, принимая полк в отсутствие командира, «не срывал звезд с небес», т.к. вся предыдущая его служба прошла в основном на административном поприще и в охране границ Земли Войска Донского (76), хотя в 1802г. ему было уже 59 лет. Можно сказать – старее Грекова 13-го, но он сохранился лучше из-за относительно спокойной жизни: по сути дела, это была его первая боевая служба.

Поэтому, выполняя обязанности командира полка, есаул Попов не всегда достойно справлялся с этой ролью: в боевой обстановке он мало «блистал».

На основе сделанных характеристик командного состава донских полков получается интересная картина: все старшие начальники – походные атаманы (Н.В. Иловайский 5-й, Н. П. Кульбаков) постоянно находятся в разъездах и домовых отпусках, оставляя свой полк и вверенные им начальству еще четыре на войскового есаула В.И. Миллера 2-го. Командир полка полковник В.А. Быхалов 1-й из 3-х лет «термина» один год провел под судом, подполковник И.И. Горбиков тоже под судом, и если для Быхалова его арест прошел как «испуг», то Горбиков в результате суда был разжалован в рядовые казаки. Заместитель его есаул С.Я. Егоров,

храбро сражавшийся с горцами, в конце концов, тоже оказался под судом. Подполковник Ф.П. Греков 13-й, на которого командование возлагало большие надежды, думая опереться на его богатый опыт боев на Кавказе, тоже «частенько» отсутствует (по болезни или как?) и его функции, не всегда добросовестно, выполняет есаул А.Н. Попов. Нахождение под судом – это просто какая-то патология, которой следуют командиры донских полков! На высоте положения оказался только майор П.И. Рябинин, ничем не запятнавший своей репутации.

Однако война продолжалась и требовала новых пополнений. 6 марта 1800г. на Кавказ прибыл полк подполковника Петра Васильевича Янова 2-го (77). Сведений о прибытии других полков с Дона не дали как изыскания в РГВИА, так и в ГАРО (78). Очевидно, в 1800г. этот полк на Кавказ был отправлен только один.

Жизненный и боевой путь П.В. Янова уже был освещен (79). Он участвовал в боях с горцами в 1785г. на Кубани, в войне со Швецией 1788-90 гг., в 1792г. был приставом дербетовских калмыков. Умел по-русски читать и писать, был женат и имел двух сыновей.

Документы ГАРО позволяют утверждать что вышеозначенная патология для командиров донских полков на Кавказе – нахождение под судом – была продолжена и П.В. Яновым 2-м. Это произошло в 1802г., причем в послужных списках за этот год (их два) причины ареста не сообщаются (80). Их мы можем выявить только из его послужного списка за 1803г., где сказано: «Был судим, будучи на службе с казачьим полком на Кавказской линии 1802 года с 11-го февраля по 20-е мая 1803 года, по всеподданнейшему государю императору представлению бывшего там главнокомандующего генерал-лейтенанта Кнорринга 2-го, якобы за неисполнение его, Кнорринга, начальничьих повелений, но в том оправдан и по высочайшей конфирмации того дела, состоявшейся в 5-й день апреля месяца, велено употребить на службу к тому полку, коим командовал и

был до отдачи под суд от командования отказан» (81). То, что П.В. Янову удалось оправдаться по суду – отрадное явление! Что это было за приказание К.Ф. Кнорринга 2-го, которое он, якобы, не выполнил – теперь мы сказать не можем, но если он оправдался, то значит, и вины на нем никакой не было, а весь шум происходил от человека с репутацией кляузника, которому волею судеб довелось в 1799-1802 гг. руководить боевыми действиями русских войск на Кавказской линии и в Грузии. Получилось так, что и у П.В. Янова 2-го более 1-го года из его «термина» было проведено под судом!

Строевого рапорта от этого полка, так же как и от полка Быхалова 1-го, не осталось. Поэтому его тоже придется исчислять в среднестатистические 350 чел. (82). Вместе с уже подсчитанными 2188 чел. это составит 2538 казаков. По отсутствию строевого рапорта нельзя охарактеризовать и служебную соподчиненность командного состава в полку, хотя фамилии офицеров, служивших в нем известны. Это : есаул Кумшацков, есаул Ларионов, капитан Волошиновский, сотник Паниотов, сотник Коршунов, подпоручик Бобриков, прапорщик Миневрин, хорунжий Беляков (83). Перечисление этих офицеров мало что дает, т.к. в их послужных списках, хранящихся в РГВИА, не обозначено какими подразделениями полка они командовали и в какой иерархической последовательности. Очевидно только то, что 1-й сотней полка командовал сам П.В. Янов 2-й; остальными – есаулы и капитан, но в какой последовательности – сказать трудно, а кто командовал 5-й сотней – вообще остается только гадать! О полках, которые появятся на Кавказе в 1801-1804 гг. мы не сможем сказать и этого, т.к. не располагаем более такими данными.

Естественно, в период нахождения под судом П.В. Янова 2-го его должность замещали. Одним из таких заместителей был войсковой есаул Степан Аверьянович Кумшацков. В московских послужных списках он просто есаул (84), в ростовских – войсковой есаул (85), что сразу говорит о

том, что командиром 2-й сотни в этом полку был именно он, как в свое время В.И. Миллер 2-й в полку Кульбакова.

В 1805г. ему было 49 лет, уроженец ст. Кривянской. Происходил из обер-офицерских детей Войска Донского. Умел читать и писать, был женат и имел трех сыновей, два из которых уже служили. Вступил в службу казаком 1 января 1767г. и в полку Сулина принял участие в войне с Турцией, а с 1 мая 1776 по 1780г. в полку Грекова служит в Таврической губернии. После «льготы», 30 июня 1785г. С.А. Кумшацков в составе полка Кульбакова (отца походного атамана донцов на Кавказе в 1799-1802 гг.) участвует в походе донцов за Кубанью и Лабой для нанесения удара по бежавшим туда едисанским татарам. 30 мая 1785г. был произведен в есаулы, сражаясь в Закубанье до 1786г. После «льготы», 15 мая 1788г. в составе полка походного атамана Якима Барабанщикова находился на Кавказской линии. После смерти походного атамана исполнял обязанности командира его полка и в 1788-89 гг. был с ним в двух экспедициях под Анапу, под командованием генерал-аншефа П.А. Текелли и генерал-поручика Ю.Б. Бибикова, окончившихся неудачей. После очередного года «льготы», с 1 мая 1791г. по 1792г. с вверенной командой казаков содержал кордоны на Задонской стороне. В период этой службы, находясь в подчинении у полковника Петра Иловайского с 21 мая 1792г., он был выбран 21 октября 1792г. войсковым есаулом. В этой должности в 1793-95 гг. находился в С.- Петербурге в разъездной команде донцов, а затем в Выборгской губернии в распоряжении губернатора князя Щербатова. С 1799г., с 21 мая, находился на Кавказской линии, когда 6 марта 1800г. на линию прибывает полк П.В. Янова 2-го, он служит там (86).

Однако, в списке С. А. Кумшацкого обозначено, что он служил в этом полку с 21 мая 1799г. Этого не могло быть в реальности. Далее в списке значится: «По взятии подполковника Янова по Высочайшему Его

Императорского Величества повелению под суд, командовал 5 месяцев полком» (87).

Это, очевидно, надо понимать так: командовать полком С.А. Кумшацкий начал сразу после ареста П.В. Янова 2-го, т.е. с 11 февраля, а далее в послужном списке Степана Аверьяновича сказано, что он находился на линии по 12 июля (88), т.е. это и составляет 5 месяцев. Но, очевидно, командовал полком он вяло, т.к. в «списке именном состоящим в Войске Донском обер-офицеров на 1802 год» говорится о том, что он не аттестован за нерасторопность (89). Коль скоро в послужном списке сказано, что находился на Линии он в полку Янова 2-го по 12 июля 1802г., то надо сделать вывод, что он мог быть отозван на Дон, а прибыл снова на Кавказ уже осенью 1802г., т.к. указывается, что он уже числился в полку Кутейникова 6-го... Но это только сведения о первом исполняющем обязанности командира полка, его штатном заместителе, т.к. известно, что П.В. Янов 2-й находился под судом до 20 мая 1803г. Кто его замещал дальше и насколько успешно – пока неизвестно!

Стоит заметить, что несмотря на фактическое отсутствие при полках в указанное время их штатных командиров, они по обычаю продолжали называться по их фамилиям: Грекова 13-го и Янова 2-го в силу указанных выше причин, объясненных в связи с аналогичной ситуацией в полку Горбикова.

В силу того, что в 1800г. прибыл на Линию только один полк, в 1801г. их прибыло не 5, как полагалось, а только 4. Это были полки Табунщикова, Егорова, Попова 3-го и Щедрова 2-го (90). 20 апреля 1801г. они были расположены следующим образом: Табунщикова – за Константиногорской крепостью, Егорова – по Кубани, Попова 3-го – в Моздоке и Щедрова 2-го должен был быть отправлен в Грузию (91), что он и выполнил 15-16 мая (92).

Командир первого полка – войсковой старшина Яков Яковлевич Табунщиков. В октябре 1802г. ему было 35 лет. Места рождения пока определить не удалось. Сын полковника, затем генерал-майора, Якова Табунщикова, который способствовал его быстрому производству в есаулы и войсковые старшины в 1787-88 гг. Умел по-русски читать и писать, был женат, имел 2-х дочерей и 2-х сыновей. Участвовал в 1787-88 гг., прикрывая границы России, в войне с Турцией. В 1795г. со своим полком был направлен на Кавказскую линию, где находился до 1799г., будучи сменив одним из тех полков, которые пришли туда с походным атаманом Н.В. Иловайским 5-м. После годовой «льготы», с 1 марта 1801г. он также находился с новым полком на Кавказской линии (93).

Следующий командир – войсковой старшина Афанасий Егорович Егоров. В 1802г. ему было 38 лет. Выходец из греческих переселенцев, приписан был к г. Черкасску. По своему культурному и образовательному уровню он превосходил всех вышеописанных командиров и даже походных атаманов в генеральском чине, в чем повинно, очевидно, его греческое происхождение: « Российской и греческой грамоте читать и писать, арифметике и по-турецки говорить знает» (94). В отличие от всех, он был вдовец, но имел 2-х сыновей и 3-х дочерей от 2 до 8 лет возрастом. Участвовал в русско-турецкой войне 1787-91 гг., в экспедициях за Кубань, а далее занимал административные должности внутри Войска Донского, в 1795-97 гг. – войсковой есаул. 7 сентября 1797г. был произведен в войсковые старшины и с 1 марта 1801г. состоял со вверенным ему казачьим полком на Кавказской линии, содержа передовую кордонную стражу (95).

Третий командир полка – подполковник Павел Петрович Попов 3-й. В 1803г. ему было 44 года. Места рождения пока установить не удалось. Происходил из семьи духовенства. Умел читать и писать, был женат и имел одного сына, бывшего уже офицером в полку Фролова. Участвовал в

1788г. в походе донских казаков за Кубань и Лабу, в русско-турецкой войне с 1787г. до ее конца, в боях с польскими конфедератами в 1794г. После возвращения из Польши в 1795г. занимает ряд административных должностей на Дону. С 1 марта 1801г. с вверенным ему полком находится на Кавказской линии, где «был неоднократно для отражения покушавшихся на российские селения хищников-чеченцев в партиях» (96). Мы видим, что казаки отряжаются против чеченцев «неоднократно» и этого вполне хватает, чтобы понять накал борьбы и оборонительный характер боев со стороны России. В изображении же А.В. Бирюкова, поддерживающего взгляд об оборонительности войны с горцами со стороны России в доермоловский период, хотя он «оборонительный» берет в кавычки, это выглядит несколько вымученно: « Но уже в самом конце ХУ111 в. сообщения о незначительных взаимных набегах, а затем и более крупных экспедициях служат свидетельством того, что затишье объяснялось временными причинами. В 1799г. в наказание за набеги отряд казаков во главе с майором Гребенского казачьего войска Зачотовым отогнал скот, принадлежавший жителям селения Горячевского, а также «поймал... двух человек чеченцев с бывшими при них лошадьми...» (97).

Неужели только один этот факт и есть показатель «оборонительности»??? Их было куда больше и куда показательнее, о чем мы попытаемся сообщить, давая общую хронику происшествий и боев на Кавказской линии и Военно-Грузинской дороге в 1801-1802 гг., несколько ниже.

Полк Щедрова 2-го, упоминаемый в общем списке частей, прибывших на Кавказскую линию в 1801г., предназначался для отправки в Грузию для боев с лезгинами. Поэтому мы не включаем его в общий подсчет донских казаков, участвовавших в боях на Северном Кавказе, ибо Грузия – уже Закавказье и в географический ареол темы нашего исследования не входит. О полках же, прибывших на Северный Кавказ в 1801г. тоже не удалось

обнаружить строевых рапортов. Поэтому за исходную точку отсчета их численности мы также возьмем усредненную цифру личного состава в 350 чел., что даст нам на 3 полка 1050 чел. (98), а всего числившихся на Кавказской линии на 1801г. составит 3588 казаков, прибывших с Тихого Дона.

С командирами этих полков историй, аналогичных тем, которые происходили со штаб-офицерами предыдущих, не совершалось. Эти полки отличались хорошей службой и им пришлось в 1801-1802 гг. взять на себя более бдительную охрану Кавказской линии и Военно- Грузинской дороги.

В мае 1802г. на смену полкам, прибывшим в 1799г., с Дона пришли новые части, но о них и их командном составе информация будет дана в конце главы, т.к. прибыв на Кавказскую линию, они обживались на новом месте, исподволь вступая в бои с горцами, а вся тяжесть обороны границы легла на старослужилые полки.

Здесь целесообразно дать обещанную хронологическую запись участия в обороне Кавказской линии частей, прибывших с Дона в 1799-1802 гг., причем описать не только успешные стычки с горцами, но и поражения, постигшие донцов в этот отрезок времени, чтобы картина событий оказалась более объективной.

Начнем с упомянутого нами выше героя боев 1801-1802 гг. на Кубани есаула Семена Яковлевича Егорова, который с 16 мая 1799г. по собственному желанию был определен на Кавказскую линию в полк бывшего подполковника Горбикова и стал держать с отведенною ему командой пост у Береговой балки на Кубани. 26 августа 1800г. закубанские горцы отогнали из-под Воровсколесской станицы казенных лошадей и стали переправлять их за Кубань. Есаул Егоров со своей командой бросился их преследовать и уже за рекою отбил весь табун и двух горцев с их конями взял в плен. 30 сентября горцы снова прокрались внутрь нашей территории и отогнали большое стадо крупного рогатого скота у урочища

Еман- Джелги. Егоров снова со своими казаками его отбил и представил командованию (99). Это события, предворяющие 1801г., но они знаковые и требуют своего фиксирования, чтобы «открыть счет».

Хронологически же к нашему исследованию подходит дата 25 января 1801г., когда команда казаков полка подполковника Янова 2-го, стоявшая в абадзинском ауле в верховьях Кубани, близ урочища Каменный Мост, заметила переправившихся через Кубань 10 человек горцев. Хорунжий Косоротов отправил вслед за ними 15 человек казаков, чтобы они узнали, что это за люди и для чего тайным образом переехали. Когда казаки приблизились, горцы, не дав на вопрос ожидаемого ответа, приготовились к бою. Донцы, видя, что это очередная партия «хищников», как их называли в русских документах (горцы, направлявшиеся в набег на русскую территорию), послали предупредить о том хорунжего Косоротова, который тотчас и прибыл к ним еще с 12 казаками. Горцы, видя это, открыли по казакам огонь. В перестрелке донцы убили трех горцев и отбили у них 4 лошадей. Из казаков 1 был убит и 1 легко ранен. Когда в этот день были схвачены на других участках кордона еще несколько горцев, то удалось выяснить, что нападали на пост Косоротова кабардинцы, и что из семи оставшихся в живых четверо получили тяжелые ранения (100).

Горцы весной 1801г. участвовали свои нападения. Так, 4 мая 1801г. закубанцы атаковали пост, содержавшийся казаками Донского полка бывшего Грекова 13-го и из-за халатного отношения к службе есаула Попова и урядников Попкова и Шумкова им удалось убить трех казаков и ранить капитана Ежова и 2-х казаков и убить и уйти безнаказанными (101).

22 мая 1801г. казачья команда Донского полка Табунщикова настигла партию закубанских горцев и в бою, начавшемся с перестрелки, один горец был убит. Затем донцы атаковали врага «в дротики» и отбили 10 арб с волами, на которых оказалось награбленное в станицах добро (102).

15 июня 1801г. команда из 15 казаков полка Янова 2-го во главе с хорунжим Беликовым помогла задержать еще одну партию горцев, а затем, совместно с 5 казаками Волгского полка, у слободы Прохладной по дороге к Моздоку, при переправе через реку Малку, отбила огнем из засады попытку крупного отряда врага вторгнуться в пределы России (103). Все эти нападения горцы производили для разорения станиц линейных казаков и заслуга донцов состоит в том, что они не позволили своим мужеством совершить это.

Летом 1801г. усилились нападения осетин на проезжающих по Военно-Грузинской дороге, что сводило на нет попытки доставить в Грузию припасы для находящихся там русских войск. Так как эти нападения производились с целью добычи, то осетины грабили всех проезжающих, не разбирая ни имени, ни чина, причем не только едущих в Грузию, но и в обратном направлении. Такому нападению подвергся армянский архиепископ, двигавшийся из Грузии в Россию. Знаменитый в те поры осетинский князь Дударук, возглавлявший Дигорское общество осетин, напал на обоз архиепископа, ограбил его и, что самое главное, захватил его сундук, в котором хранились необходимые для служб предметы и документы, по поводу которых он ехал в Россию. Добравшись до Моздока и попав под охрану русских штыков, архиепископ пожаловался местному начальству. В результате этого, 15 сентября 1801г. по приказу командующего Кавказской дивизией генерала от кавалерии Обрезкова 1-го, подполковник Попов 3-й был направлен по Военно-Грузинской дороге во владения Дигорского князя Дударука для изъятия у последнего этого сундука. Павел Петрович Попов 3-й лично с 2-мя сотнями своих казаков провел эту экспедицию, выйдя из Моздока. Прибыв к родовому аулу князя под названием Чим, атаковал его и не потеряв ни одного из своих казаков, отбил сундук и представил его по команде, создав возможность армянскому архиепископу продолжить свою миссию. За этот подвиг он

получил от царя Александра 1 « со всемилостивейшим благоволением Высочайший за собственным подписанием рескрипт» (104).

Летом 1801г. продолжает свои отличия по охране государственной границы есаул С.Я Егоров. В 1801г., с 13 февраля по 25 августа, по приказанию высшего командования, находясь на месте пребывания бывшего подполковника Горбикова полка в Недреманном ретраншаменте, он командовал этим полком. С 25 августа, сдав свою должность есаулу В.Ф. Антонову, есаул Егоров снова состоял у содержания кордонной стражи по Кубани, где не допускал группы закубанцев к проникновению на русскую территорию (105).

1 октября 1801г. казаки полка полковника Быхалова 1-го, во главе со своим командиром, отбросили полчища закубанцев, напавших на спящих в поле крестьян и отбили у горцев награбленную ими добычу (106). Казаки и офицеры этого полка, пожалуй, были наиболее результативными в охране границы. Об этом свидетельствуют послужные списки, в частности хорунжего К.Н. Абрамова 3-го: « 1800-го года августа с 30 1802-го года июня по 12-е, был на Кавказской линии у содержания пограничной стражи, где и находился неоднократно в командированиях с партией за Кубаном и поступал противу горских народов неустрашимо» (107).

Однако не всегда донцы при охране границы проявляли должную бдительность. По халатности хорунжего Полякова 27 октября у ст. Державной на Кубани закубанцам удалось отбить у казаков полка Горбикова 24 лошади. Казаки стали преследовать врага за Кубанью и настигли горцев за рекой Урупом, но те, после перестрелки, ушли от казаков вместе с отбитыми лошадьми. В перестрелке были ранены сам хорунжий Поляков и 2 казака, у горцев ранено тоже 3 человека. За свою халатность, несмотря на полученные раны, хорунжий Поляков был отдан под суд, т.к. по его вине 24 казака остались без лошадей (108).

Осенью – зимой 1801-1802 гг. на Кубани, от Усть-Лабинской крепости до Баталпашинска, устанавливается тревожное затишье со стороны горцев, причины которого русскими были выяснены много позже. Хотя они сталкивались с горцами и в ХУ1, и в ХУ11, и в ХУ111 вв., но тогда это было не систематично, от случая к случаю. Поэтому манера горцев активизироваться поздней весной – летом, когда после набега можно скрыться в лесах и кустарниках, в «зеленке», как выражаются сейчас, не была понята русскими как основной метод ведения войны. На зиму и осень, когда «зеленка» пропадала, горцы отсиживались в своих аулах, понимая, что в это время лучше тихо «сидеть». Как ни странно, в ходе боевых действий в Чечне в 1994-96 гг. федеральные войска, не использовав исторический опыт русской армии XIX в., вынуждены были приходиться к такому же выводу ценой потоков солдатской крови. Только узнав это на собственном опыте, федералы в 1999-2000 гг. действовали более успешно. Используют они свои знания и сейчас...

Ситуация затишья со стороны закубанцев была использована русскими. В зиму 1802г., когда операции было выгодно проводить им (аулы были как на ладони), в январе был сформирован отряд для совершения ответной экспедиции за Кубань. В него вошла часть казаков полка генерал-майора Кульбакова. Командование решило взять казаков из этого полка, хотя он прикрывал не Кубань, а Малку, и предлагаемое направление не являлось основным театром его действий. О том, что к этой «репресали» был привлечен еще какой-нибудь из донских полков, указаний в послужных списках донских офицеров нет. Очевидно, это была незначительная операция, заключающаяся в поджоге нескольких приграничных аулов, поэтому и сил для нее выделялось немного (109). Бесленевцы были «наказаны», что в общий ход войны не внесло ничего нового...

Ранней весной, когда еще и «зеленки» нормальной нет, горцы решили по Линии «забросить несколько пробных шаров». Один из них отразил хорошо нам известный есаул С.Я. Егоров. 8 марта 1802г. закубанские горцы угнали у ногайцев, кочующих на русской стороне Кубани и являвшихся подданными царя, волов и переправили их на свой берег. Егоров со своими казаками нагнал врага и отбил животных, представив их к возвращению кому следует по начальству (110).

7 апреля 1802г. хорунжий Иван Михайлович Солдатов, тоже служивший в полку Горбикова и охранявший со своими казаками Убежный редан, в течение нескольких часов оборонял его от нападения многочисленных сил закубанцев. В ходе боя не потерял ни одного из своих подчиненных, нанес врагу большой урон и выстоял до прибытия подкреплений, отогнавших горцев (111).

С 25 апреля 1802г., по повелению высшего начальства, есаул С.Я. Егоров снова стал командовать бывшим полком Горбикова, что исполнял до прибытия с Дона ему на смену полка войскового старшины Данилова 1-го, в состав которого перешел по собственному желанию (112). Располагая таким исполняющим обязанности командира полка и такими его подчиненными, как И.М. Солдатов, казаки этого полка в конце своего «термина» стали надежным щитом Линии от набегов закубанцев. Глядя на такой боевой путь С.Я. Егорова, невольно к нему возникает уважение, что окончив один «термин», он по собственному желанию остается служить еще на один срок, хотя нам уже известен печальный конец этого служебного рвения для нашего героя...

12 апреля 1802г. отличаются и казаки полка Кульбакова при отражении набега кабардинцев, попытавшихся отогнать у линейных казаков коней. После того, как горцы были отбиты, донцы преследовали их до реки Малки (113).

И как последний аккорд пребывания старослужилых полков на Кубани можно назвать успешное отражение на своей дистанции казаками полка Быхалова 1-го отряда закубанцев в начале мая (114).

В актив же полка Рябина можно записать в продолжение периода 1801-1802 гг. многократные отражения отрядов закубанцев и преследования их за Кубань и Лабу на всем протяжении Усть-Лабинской дистанции (115), но каких-либо конкретных дней и боев из послужных списков офицеров этого полка извлечь невозможно: все говорят о «многократности» этих действий.

Так, в боевой страде, где хорошо, где плохо, полки, служившие на Кавказе с 1799г., подошли в конце весны 1802г. к окончанию своего «термина» в 3 года и отправились на Дон, на «льготу». Одни из них на Дону были уже 12-16 июня, другие пришли в начале июля. Следовательно, выступили они с Кавказа где-то в середине мая или июня, пока сдавали участки пограничных кордонов вновь прибывшим полкам. Ушли 5 полков: генерал-майора Н.П. Кульбакова, полковника В.А. Быхалова 1-го, подполковника И.И. Горбикова, подполковника Ф.П. Грекова 13-го и майора П. И. Рябина (116).

По возвращении же на Дон походному атаману генерал майору Н.П. Кульбакову «воздалось» за его многочисленные отлучки и «болезни»: против него было заведено судебное следствие. Причем обвинили его даже не в слабом руководстве порученными ему пятью полками и его отлучках на Дон под благовидными предлогами, а за экономические махинации, которые он чинил на Дону в свои приезды, хотя началось все с претензии полка на сборном месте о том, что Кульбаков не выплатил своим казакам в положенный срок положенного жалования.

Экономические же махинации стало возможным совершать на Дону с легкой руки главнокомандующего русскими войсками на Кавказской линии и в Грузии в 1799-1802 гг. генерал-лейтенанта К.Ф. Кнорринга 2-го.

Мы с ним уже несколько раз сталкивались в упоминаниях о нем в цитированных выше послужных списках. Из этих упоминаний можно было вынести только один негатив о образе этого человека, что, в принципе, соответствует действительности.

Кто такой был Карл Федорович Кнорринг 2-й, перепортивший столько много русской и донской крови? Он происходил из немецкого баронского рода, переселившегося в Курляндию. Ранее Кнорринги служили королям Швеции, распространившись по трем областям: Лифляндии, Эстляндии и Курляндии. После присоединения Прибалтики к России перешли на русскую службу. Известны на русской службе несколько Кноррингов. Один из них, Карл Генрих (в России – Карл Федорович). В течение жизни (22.05. 1746 – 12.02.1820 гг.) достиг чина генерал-лейтенанта (1799г.). С этого года он был назначен инспектором кавказской пехоты, а затем был назначен командующим войсками Кавказской линии (117). В этот период новороссийские дворяне, военный и гражданский губернаторы края засыпали императора Павла Петровича жалобами на донских офицеров, укрывавших их беглых крестьян. В ответ на это государь подчинил Войсковую канцелярию Сенату и определил в нее прокурором А. Миклашевича. Но принятые меры не остановили приток новороссийских крестьян на Дон. Поэтому Павел 1 назначил в Войсковую канцелярию «присутствующим по старшинству» генерала И. Репнина, предписав ему раз и навсегда положить преграду приему беглых донскими чиновниками.

Дон бурлил. Весной 1800г. Павел 1 направил туда генерал-лейтенанта К. Ф. Кнорринга 2-го для «исследования беспорядков» и изучения настроений казачества. Проехав по станицам, он «всюду нашел тишину и спокойствие». Вывод инспектора подтвердил знаменитый петербургский детектив Ю.Николаев. Это, однако, не успокоило подозрительного самодержца. Он собирался направить на Дон даже войска, но потом решил не посылать, а ограничился репрессиями над старшинами. Тысячу беглых

крестьян вернули помещикам. В Войске Донском создалась обстановка подозрительности и всеобщего страха (118).

Возникает вопрос – почему К.Ф. Кнорринг 2-й «всюду нашел тишину и спокойствие» и не заметил никаких сбежавших крепостных. Очевидно, зная его «страстишку к мздоимству», старшины смогли ему дать столько, сколько было нужно для того, чтобы он увидел то, что было нужно донской старшине, а не то, что было на самом деле. На такие размышления наводят факты из его дальнейшей биографии, связанные с его поведением в Грузии.

Но «донские подвиги» Карла Федоровича остались незамеченными Павлом Петровичем и он остался в своей должности инспектора войск Кавказской линии. В 1801г. по личному поручению императора Александра 1 он ездил в Грузию с целью определить, соответствует ли проект присоединения к России, разработанный еще при Павле 1, настроениям местного населения и насколько это выгодно России. После пребывания в Тифлисе и других местах Кнорринг дал положительный ответ. С 12 сентября 1801г. он был назначен главноуправляющим в Грузии (119).

С его именем связано и присоединение Грузии к России в 1801г., и развал властных структур в регионе, оплетенных взяточничеством и казнокрадством, приведшем в 1802г. чуть ли не к восстанию в Грузии, направленному уже против России. Его удалось избежать, только сместив самого К.Ф. Кнорринга за злоупотребления осенью 1802г. (120). Поэтому не совсем понятно стремление А.Г. Терещенко подать его в «возвышенных тонах» (121). Взятки К. Ф. Кнорринг брал со своим «подельником» П.И. Коваленским, они именно этим прославились на всю Россию в 1802г.

Может, именно этой склонностью Карла Федоровича и воспользовался Николай Петрович Кульбаков, «озолачивая ручку» у командующего войсками, когда тот сквозь пальцы смотрел на отсутствие походного

атамана на Линии. Может быть поэтому и в послужных списках Н.П. Кульбакова не отражены его отлучки и «болезнь»: здесь никто еще не знал, что Павел скоро будет умерщвлен – все казалось незыблемым. Павел доверял Кноррингу, а Кнорринг был «пупом земли на Кавказе» и за определенную мзду давал послабления по службе. Поэтому все так спокойно и сходило с рук. А приезжая на Дон, Н.П. Кульбаков вместе с отцом «растил свои животы». Так было до тех пор, пока К.Ф. Кнорринг был высшей властью на Кавказской линии и в Грузии. Это и дало первому походному атаману донцов в Кавказской войне 1801-1864 гг. возможность спокойно отбыть «термин» в 3 года и 17 июля 1802г. вернуться на Дон с пятью полками, которые были поручены его ведению в 1799г. Атаманство прошло, правда, не очень блестяще, без особых подвигов, но теперь Н.П. Кульбаков был представитель новой элиты на Дону и мог себе позволить расслабиться, спокойно проживая в г. Черкасске до марта 1803г. А это «убаюкивание» самого себя было совершенно напрасным (122).

Напрасным потому, что пока К.Ф. Кнорринг 2-й был силен на Кавказе, то все огрехи, допускавшиеся его сослуживцами (теми, кто «давал»), сходили им с рук. И Кульбаков, возвращаясь с Кавказа и не выдав своим казакам жалования за последнюю треть службы, думал что все «шито-крыто». Когда был убит Павел 1, на Кавказе был переполох в плане ожидания перемен, но Александр 1 остался благосклонным к К.Ф. Кноррингу и смотрел на жалобы из Грузии сквозь пальцы: лишь бы на юге было «тихо». А «тихо», в принципе, было. Все, в том числе и донская старшина, вздохнули спокойно, продолжая обогащаться кто как мог. Поэтому и казаки его полка, хотя и предъявили претензии за невыплату жалования по приходе с Кавказа, но не особо настаивали, видя что с таким покровителем, как у их командира, денег им не видеть еще долго. Но положение изменилось после того, как К.Ф. Кнорринг был смещен с

должности 8 сентября 1802г. Пошли разбирательства, т.к. «крыши» уже не было.

Казачи снова подали ко взысканию, что дало себя знать в упомянутом 1803г. уже в марте месяце. Выяснилось, что Н.П. Кульбаков задолжал им 19587 руб. 50 коп. (123), да за отцом его 48 тыс.руб. (долг не был выплачен еще с екатерининских времен). Потом выяснилось, что рост имения Кульбаковых произошел как раз в период атаманства Николая Петровича на Кавказе, что породило мысль о том, что невыплаченное жалование ушло на приобретение новых крепостных и селений (124). Нами была привлечена к разработке экономической стороны этого вопроса студентка факультета РГБ Ростовского института (филиала) Российского Государственного торгово- экономического университета Золотухина А.В., с чем она довольно хорошо справилась, посчитав все доходы клана Кульбаковых, а затем и процесс их разорения, направляемый рукой войскового атамана М.И. Платова. Однако, в данном случае, вся эта «экономика» нас мало интересует, а важен политологический аспект данной проблемы.

Он же заключается в том, что в конце ХУ111 – начале Х1Х вв. на Дону происходит борьба элиты и контр-элиты. Те, кто возвысился в эпоху Екатерины 11, при Павле потеряли свое значение. Павел создает здесь слой войсковой старшины, на который бы он смог положиться (125), ибо за период с 10 апреля 1797г. по 8 февраля 1800г. на Дону было произведено в генералы 45 человек. Те, кто получил генеральский чин при Екатерине 11, сходят на вторые роли, в их числе и М.И. Платов, попавший за участие в Персидском походе 1796г. даже под суд. Поводом к нему послужила такая же невыплата жалования казакам 1-го Чугуевского полка, а просидел он в тюрьме и ссылке 5 лет, потеряв всякий вес и при дворе и на Дону. В это время зато идут в гору Кульбаковы, Денисовы, Орловы. Их капиталы, имения и движимое имущество растет. М.И. Платов, сидя в

Петропавловской крепости, с ужасом наблюдает, как люди, в его время ничего на Дону не значащие, становятся хозяевами положения. И только непредсказуемость Павла Петровича, выразившаяся в его Индийском походе, вырывает Платова из заключения. Ну а после гибели императора его сын, провозгласивший, что «теперь будет все, как при бабке», снова возводит М.И. Платова в члены правящей элиты: 12 августа 1801г. генерал-майор Матвей Иванович был назначен войсковым атаманом Войска Донского. В этом же году он был произведен в генерал-лейтенанты, что возвысило его над всеми генералами Войска Донского. Те же, кто возвысился при Павле 1, в его атаманство сходят на нет. Отсюда и такое пристрастие к делу Кульбакова, запущенному в производство в марте 1803 г., тем более, что до 1806г. атаман находился на Дону и лично направлял дело. Теперь было на ком отыграться. Известно, что М.И. Платов обладал злопамятным характером, что и проявилось в случае с Н.П. Кульбаковым. Еще более яркий пример в этом плане – затирание Платовым на вторые роли еще одного героя Павловского времени, походного атамана донских полков в Итальянском и Швейцарском походах 1799г. под руководством А.В. Суворова А.К. Денисова, которого «вихрь-атаман» не выпускал с Дона и в 1807г., боясь, что его полководческий талант отнимет у него славу.

Возвращаясь к противоборству с Н.П. Кульбаковым, который во время следствия отвечал М.И.Платову «обидными для него изречениями» (126), можно заметить, что на вычеркивание из своей жизни 5 лет, атаман ответил тем, что из жизни Кульбакова забрал 12 лет, не дав ему возможности возвыситься и прославиться в период войн с Наполеоном, Швецией, Турцией и Персией в начале XIX в. Дворянский род Платовых укреплялся на Донской земле вплоть до 1917г., а Кульбаковы исчезают после Николая Петровича, т.к. детей он так и не заимел, и род пресекался. Богатство его тоже пошло в уплату той суммы, что он оказался должен по

суду 1803-1814 гг. Харизма же Платова достигла того, что он по популярности среди героев Дона достиг славы Ермака Тимофеевича и Стеньки Разина: о нем в фольклоре донцов сложился целый ряд сказаний и песен. У его противников в элитном споре, Н.П. Кульбакова и А.К. Денисова, и харизмы-то никакой не было! Это надо было так уметь сделать, и Матвей Иванович это сумел, благодаря своим личностным качествам, организовав своей деятельностью себе бессмертие на Дону. О Матвее Ивановиче Платове теперь помнит вся Россия и вся Европа, а о Николае Петровиче Кульбакове узнают теперь только специалисты, а до сих пор на него не обращали внимания даже такие столпы русского кавказоведения, как П.Г. Бутков, Н.Ф. Дубровин, В.А. Потто. Это пример политической борьбы между элитой и контр-элитой, когда сила, более экономически могущественная, стирает память в народе о своих противниках. Может мы несколько «соскоблили хрестоматийный глянец» с образа прославленного донского атамана времен Отечественной войны 1812г., которому в 2003г. исполнился 250-летний юбилей со дня рождения, но это сделано только ради науки, т.к. «правде и смерти надо всегда глядеть в глаза» (А.В. Суворов) (127).

В связи со всем вышеизложенным можно теперь по иному взглянуть и на суд над полковником П. В. Яновым 2-м. Коль скоро суд над ним был закончен 20 мая 1803г., то это наводит на мысль, что оправдание ему нашли в связи с тем, что главный его обвинитель уже не был в прежней силе и смещен со своей должности, а походный атаман сам попал под суд! То есть, поддерживать обвинение было некому, приказы К.Ф. Кнорринга оказались, в угоду случаю, «дурацкими», а за невыполнение «дурацких» приказов и спроса нет. Кавказ с облегчением мог вздохнуть, вспоминая мелкие придирки Кнорринга 2-го к командирам частей в плане служебной рутины, его немецкий педантизм и пунктуальность, непривычные для русского сердца.

Но перед смещением с должности К.Ф. Кнорринг все же запечатлел свое пребывание на Кавказе хоть одним «добрым» делом, зафиксированным в истории войны с горцами. Каким бы человеком он не был, а все же должен был выполнять свои прямые обязанности и руководить защитой Кавказской линии и Грузии. На его ответственности была и охрана Военно-Грузинской дороги, единственной нити, связывающей Грузию с Россией. В 1801г. на ней бесчинствовали осетины (см. выше). Их подстрекали к тому грузинские царевичи Александр и Теймураз, оставшиеся за переходом Грузии к России без наследства (а тем, что им давала Россия взамен – недовольными).

Полк Попова 3-го, по прибытии своем на Линию в 1801г., занял штаб-квартиру в Моздоке. В связи с этим его задачей стала не только оборона этого участка Линии, но и охрана движения по Военно-Грузинской дороге. Именно казаки этого полка в количестве 150 чел., во главе с есаулом Федором Никитьевичем Чирковым, сопровождали К.Ф. Кнорринга 2-го в его знаменитой поездке в Грузию с 10 июня по 6 июля 1801г., когда тот исследовал желание грузинского народа присоединиться к России. Причем, проезжая Владикавказ, генерал-лейтенант оставил донцов есаула Чиркова там, чтобы они сопровождали курьеров, посылаемых им в Россию и едущих обратно. А затем эти 150 казаков эскортировали Кнорринга 2-го назад, на Кавказскую линию (128). Такое эскортирование стало для полка Попова 3-го привычным делом, причем во многих случаях командир полка лично сопровождал главнокомандующего, едущего в Грузию.

После того, как К.Ф. Кнорринг 2-й, возвращаясь из Грузии, вывел группу есаула Ф.Н. Чиркова из Владикавказа и вернул ее в распоряжение полка, горцы снова активизировались, но теперь это были даже не осетины, а кабардинцы, которые стали притеснять первых. Это привело к тому, что Ф.Н. Чирков «августа с 1-го октября по 1-е от полку откомандирован с командою со ста казаками в Осетию Дигорскую для

охранения осетинских народов от набегов кабардинских и других хищников» (129).

Это была не единственная часть полка Попова 3-го, направленная на охрану Военно-Грузинской дороги и осетин, проживающих на ее протяжении. Хорунжий Ефим Васильевич Попов с Кавказской линии 1 июня был тоже с 80-ю казаками направлен в Осетию Дигорскую «для охранения осетинских народов от набегов кабардинских и других хищников», где находился с ними до 1 декабря 1801г. (130).

Сложившаяся ситуация вынудила генерал-лейтенанта К.Ф. Кнорринга 2-го уделить внимание как положению на Военно-Грузинской дороге, так и в Грузии, ибо, помимо набегов горцев, весной 1802г. стала реальной угрозой нападения на Грузию персидских войск. Шах Персии Баба-хан вступил в конфликт со своим вассалом – эриванским ханом – и собирался ворваться в его владения, а затем, если повезет, ударить по Грузии и Кавказской линии.

В этой обстановке К.Ф. Кнорринг 2-й требовал увеличения войск в подвластном ему регионе. В связи с этим, в Грузию, помимо полка Щедрова 2-го, был направлен еще и донской полк Тарасова 2-го. Но действия в Грузии, даже против лезгин, не входят в географический ареол нашего исследования, поэтому мы не будем подсчитывать казаков этого полка к участвующим в боях на Северном Кавказе.

Но в феврале 1802г. сложилась такая ситуация, что осетины, которых защищали донцы от набегов кабардинцев, наплевали на союзнические отношения с русскими войсками и снова нанесли ряд ударов по Военно-Грузинской дороге. Причем казаки полка Попова 3-го чувствовали что-то неладное в поведении осетин и доносили по команде, однако Кнорринг не мог поверить тому, что просящие защиты могут напасть на их защищавших.

И еще получилось так, что теперь это выступление осетин пресекали не войска Кавказской линии, а находившиеся в Грузии: географически так было выгоднее. Экспедицию возглавил подполковник Ф. Ф. Симонович. В состав его отряда входили две роты 16-го егерского и три роты Кавказского гренадерского полков при 2-х орудиях и 77 казаков полка Щедрова 2-го. 19 февраля отряд выступил из с. Цхинавали и, отдохнув в урочище Суерисхеви, занял осетинскую деревню Джавы после незначительного столкновения, в котором со стороны русских участвовали донцы. К осетинам были посланы парламентеры. Горцы, устрашенные неожиданным приходом русских (т.к. со стороны Грузии их никто не ожидал), ответили, что осетины, живущие по рекам Паце и Большой Лиахве, покоряются России. Ф.Ф. Симонович привел их к присяге, взял аманатов (заложников) и оставил на их территории воинскую команду с орудием. Далее он двинулся по территории других обществ и везде, при подходе к их селениям, повторялось тоже (131).

Если в советской историографии Кавказской войны именно это событие называлось восстанием в Осетии 1802г., то по нашему мнению, на восстание оно не тянет! Несколько выстрелов, схватка казаков с желающими горцами – и восстанию конец. Или же здесь была заключена очередная хитрость осетин, для которых появление русских оказалось неожиданным и они не смогли подготовиться к его отражению. Однако приведение к присяге было очередной профанацией, т.к. сколько не принуждали осетин к этому, когда войска уходили, все начиналось сначала. Для нас важно то, что к общему числу участвовавших в боях с горцами в интересующем нас регионе мы сможем прибавить еще 77 казаков, получив в общей сложности 3665 чел.

Напряженность на участке Военно-Грузинской дороги привела к тому, что пришлось выделить отдельный район для ее охраны, обеспечив его специально назначенными для этого войсками. Это обстоятельство

вынудило командование создать отдельный отряд донских казаков и для него назначить еще одного походного атамана. Если в послужном списке Павла Петровича Попова 3-го за 1803г. ничего не говорится об этом, то список за 1805г. провозглашает: «1801-го марта с 1-го по 1805-го апреля по 23-е со вверенным ему казачьим полком на Кавказской линии походным атаманом над четырьмя казачьими полками у содержания при Тереке к Моздоку и заграничных, по лежащей в Грузию дороге, кордонов. Между чем многократно был в партиях за горскими хищниками, покушавшимися сделать злодейское на ввереный мне кордон нападение...» (132). Эта должность не могла возникнуть в 1801г., когда он только прибыл на линию, хотя в отличие от всех других командиров, прибывших с ним и носивших чин войсковых старшин, Попов 3-й был подполковником.

Какие же 4 полка мог он возглавить? По всей видимости это были: Табунщикова, получивший участок линии за крепостью Константиногорской, и его собственный, направленный к Моздоку. Еще два, очевидно, появились из вновь прибывших с Дона осенью 1802г. (133).

Атаманство Попова 3-го, по-видимому, наступило только летом 1802г., когда обстановка на Военно-Грузинской дороге была накалена новыми нападениями осетин. К.Ф. Кнорринг, опасаясь за судьбу Грузии, выезжает туда, беря часть войск с Кавказской линии и готовит ее к обороне. В его конвой входят 700 казаков, набранных с разных полков. Нам пришлось длительное время доказывать, возражая устоявшемуся в отечественной историографии мнению (134), что не все они были линейными, а известную часть из них составляли донские. Сначала было насчитано 200 из 700 (135). Затем, увлекшись, и приняв желаемое за действительное, мы включили в это число и казаков есаула Ф.Н. Чиркова, хотя он сопровождал Кнорринга только в 1801г. Теперь, когда пыл несколько прошел, то их приходится вычесть из общей подсчитанной цифры донцов в 450 чел.

(136). Приходится согласиться с цифрой 300 чел. из 700 (137). Но радует уже то, что удалось, благодаря послужным спискам донцов, хранящимся в фондах ГАРО, «распечатать» цифру 700 и доказать, что в июньском конвое К.Ф. Кнорринга 2-го в 1802г. было из них 300 донцов – немногим меньше половины!

Зато другой вопрос, также неверно освещаемый в отечественной историографии уже в течение 140 лет теми же авторами, что рассматривали и состав конвоя Кнорринга 2-го, получил новое решение. Исследуя его, мы настаивали в нескольких работах на том, что аул осетинского владельца Ахмеда Дударука – Чим – брали донские казаки, а не линейные (138). На основе послужных списков, хранящихся в ГАРО, было доказано, что это были 100 казаков полка Табунщикова и 150 – полка Попова 3-го (139). Получилось даже несколько больше, чем указываемая в литературе цифра в 200 казаков (140), принимавших участие в штурме.

Описываемое событие и есть то одно «доброе» дело К.Ф. Кнорринга, которое зафиксировано в истории войны с горцами, как было замечено выше. Оно развивалось следующим образом. Участник и главный герой этого дела, тогда еще майор и личный адъютант К.Ф. Кнорринга, а в будущем – академик , П.Г. Бутков, своей авторитетной рукой написал, имея в виду конец марта 1802г.: «Между тем генерал-лейтенант Кнорринг приготовил к выступлению в Грузию с линии Кавказской, в подкрепление, 10 эскадронов драгун и семь гренадерских рот и в Моздоке месячную пропорцию сухарей на 7 тыс. человек; и отправлен уже туда второй комплект боевых патронов и артиллерийских припасов, в препровождении донского казачьего полка.

Вслед затем, 30 марта, генерал-лейтенант Кнорринг, отправясь туда (в Грузию) для открытия правления, привел с собой 700 линейных казаков, кои при обозрении им и особенно же к стороне Персии и Эривани границ грузинских, в мае 1802г. повсеместно его сопровождали» (141). В этом

отрывке имеется в виду очередная подготовка к отражению возможного нападения войск персидского шаха Баба-хана на Грузию и Кавказскую линию. Мы уже знаем, что из 700 упомянутых казаков – 300 донские.

Осетины, чувствуя удобный момент, снова приступили к разбоям на Военно-Грузинской дороге, особенно активно в Тагаурском ущелье. Нападения осетин были опасны тем, что в очередной раз прерывали связь между Кавказской линией и Грузией. К.Ф. Кнорринг 2-й решил провести экспедицию во владения одного из главных старшин тагаурского племени Ахмеда Дударука. Из Владикавказа по его приказу вышла рота гренадер, а сам он с 200 казаками из Грузии двинулся к д. Чим – центру владений Дударука, где 20 июня отряды соединились. Начались переговоры, т.к. Кнорринг хотел решить дело миром, но это не удалось. Переговоры были прерваны, гренадеров и казаков бросили в атаку. Горцы открыли огонь, и в результате ожесточенного сражения селение было сожжено. Дударук просил остановить истребление осетин, обещая выполнить все требования. Так развивались события по Н.Ф. Дубровину (142).

Стоит сказать несколько слов о названии аула Ахмеда Дударукова. У Н.Ф. Дубровина он вообще не назван, равно как и у П.Г. Буткова (143). Единственным, кто назвал в своем труде этот аул именем собственным в варианте «Чим» был замечательный русский военный историк, генерал-лейтенант В.А. Потто (144). Есть карты, где аул назван «Чеми», а в период первой Чеченской войны, летом 1996г., в программе «Вести» по телевидению, рассказывая об обстреле машин МВД России боевиками в Дарьяльском ущелье, диктор назвал этот аул «Чми». Разнобой в вариантах названия аула связан, вероятно, с тем, что русские офицеры писали и продолжают писать «восточные» названия населенных пунктов в своих рапортах и исторических трудах так, как они шли и идут им на слух. В связи с этим необходимо теперь знать, что Чим – Чеми – Чми – это

названия одного и того же аула, выпившего за два века борьбы на Кавказе слишком много русской крови!

Последний вопрос, который возникает в плане освещения этой маленькой проблемы, состоит в том, что у Н.Ф. Дубровина сама атака Чима происходит 20 июня, а в послужных списках хорунжего Ефима Васильевича Попова, командовавшего 150 казаками полка Попова 3-го (145), и есаула Фатяя Егоровича Фролова, командовавшего 100 казаками из полка Табунщикова (146), а также многих их подчиненных офицеров и урядников указывается два дня: 17 и 18 июня. На это мы обратили в свое время внимание, разрешив этот вопрос следующим образом: «Агеев (хорунжий в полку Попова 3-го, тоже принимавший участие в этом бое – А.З.), очевидно писал список по памяти, ведь это был уже 1805 год, а Дубровин вчитывался в документы, сопоставлял факты, оттого и разнобой» (147). Однако повторяющаяся уже несколько раз двойная дата боя навела на мысль, что бой у Чима был не один, а два. Первый, когда казаки только подошли к Чиму, на что осетины, очевидно, ответили перестрелкой (17 июня), и второй – уже сам штурм (18 июня). Дата же, приведенная Н.Ф. Дубровиным (20 июня), очевидно, обозначает уже окончательный итог боев, когда Дударук попросил остановить кровопролитие и обещал выполнить все требования (148). Шесть осетинских старейшин поручились и приняли на себя ответственность в том, что Дударук прекратит разбой и вернет все награбленное. Со своей стороны Дударук выдал русскому командованию аманатов (149). На это и ушло 19-20 июня. 20 июня войска двинулись дальше на Кавказскую линию. Н.Ф. Дубровин же, по-видимому, в своем изложении упростил события, сведя все к одной дате (150).

После всесторонне проверенной информации было принято решение с этим материалом обозначиться там, где это могло бы быть злободневнее всего: на Кубани, в Армавире, где ежегодно проходят международные

конференции по истории линейного казачества. Необходимо было восстановить историческую справедливость на месте действия, среди потомков линейного казачества, которые на базе старой историографии приписывали взятие аула Чим на свой счет. Материалы об этом бое (в нашей интерпретации – А.З.) были встречены со вниманием, опубликованы (151) и заслужили высокую оценку руководителя конференции, главы местной кавказоведческой школы, ведущей громадную патриотическую работу на Кубани и вообще, в регионе Северного Кавказа (152), и воспитавшую уже многих замечательных ученых, зав. кафедрой РСИД АГПИ, доктора исторических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ, академика Виталия Борисовича Виноградова. Во всяком случае теперь и потомки линейных казаков будут знать, что Чим брали не их пращурь, а донцы! То есть, в Армавире материалы нашего исследования были встречены с большим пониманием, чем в Краснодаре, где «местечковый» патриотизм кубанского казачества более крепок и не желает пропускать мысли, ставящие под сомнение славу черноморцев...

Почему же главный герой боя за Чим – майор, а затем академик П.Г. Бутков,- называет участвующих в нем казаков линейцами, а не донцами? Ведь это с его «легкой руки» вкралась в нашу историографию эта ошибка, которая многими современными историками воспринимается как устоявшаяся истина! Это можно объяснить следующим образом.

Во-первых, будучи общевойсковым офицером, да еще и адъютантом Кнорринга, и находясь постоянно на Кавказской линии, он видел много казаков, но как и все офицеры-дворяне, мало интересовался – какие они (по географическо-этническому названию). Для них было важно, чтобы казаки выполняли приказы. Находясь на Линии, они всех казаков считали линейными. Сторонник подхваченной у Буткова версии, В.А. Колесников, пишет следующее: «Жизнь на Кавказе в тревожных боевых условиях

накладывала отпечаток на все стороны быта линейных казаков. В первую очередь это коснулось одежды линейцев» (153). Как отмечал А.Д. Ламонов: «Старики и служилые казаки Кубанского полка долгое время носили обмундирование донского покроя, но молодежь обзаводилась одеждой черкесского образца и холодным оружием. А уже в 1824г. служащим казакам официально было приказано носить оубмундирование, тождественное горскому» (154). Вот и выходит, что видя донцов и линейцев в одинаковой форме в 1802г. (ведь после переселения с Дона в 1794-95 гг. прошло у линейцев только 6-7 лет – А.З.), слыша одни и те же песни, видя один и тот же быт, - Бутков всех бывших перед его глазами казаков разумел за линейцев и эту свою точку зрения и изложил в описании поездки К.Ф. Кнорринга и боя за Чим. Вот и объяснение приписывания славы этого боя линейцам (155). Ведь кто же станет оспаривать мнение человека, непосредственно руководившего этим боем и, якобы знавшего – каких казаков он посылает в бой?!!

Многие скажут – ну что это за подвиг – 200 казаков и рота пехоты взяла аул из нескольких сакль?!! Но о том, что на Кавказе не было Бородино или Полтавы мы уже заявили в начале данной монографии. А так как в истории именно Кавказской войны о донцах сложилось мнение, как о неумеющих воевать с горцами, за что им дали презрительную кличку «камыш», то необходимо отмывать от грязи донские подвиги, длительное время приписываемые в этом регионе другим казачьим войскам. Ведь когда более 100 лет писали о подвиге линейцев под аулом Чим – это ни у кого не вызывало вопросов! Восстановление правды о бое при Чиме – это еще один кирпичик в здание восстанавливаемой славы донского казачества на Кавказе...

Возвращаясь к событиям 1802г. можно заметить, что на моменте взятия аула Чим «доброе дело» К.Ф. Кнорринга 2-го закончилось и из его позитивных результатов он извлек не те последствия, какие бы мог.

В июле 1802г. происходила процедура «приведения осетин к покорности». Обеспечение сообщения Кавказской линии с Грузией было так важно, что Кнорринг, несмотря на этот успех, в августе заключил с тагаурцами письменное соглашение, по которому предоставлял им право: 1) представителям десяти тагаурских фамилий, владеющих проходом от Балты до Дарьяла, брать пошлины с проезжающих купцов, грузин и армян; 2) за каждый построенный русскими мост во владениях тагаурцев обязался платить по 10 рублей в год; 3) обещал обеспечение их от притеснений и набегов кабардинцев; 4) дозволил свободный проезд тагаурцам в Моздок и Тифлис, где обещал им покровительство и защиту от притеснений местного населения. Они же обещались только не нападать и давали аманата, которому Кнорринг обещал давать жалование по 120 рублей в год (156).

Необходимо отметить, что всем аманатам, сдаваемых русским горцами в залог их «умиротворения», жилось в «плену» гораздо лучше, чем на воле: там им нужно было самим добывать себе пищу и заботиться о прокорме своих семей, а здесь их кормили, одевали, да еще и платили им жалование, а оставшиеся на их родине соплеменники обязаны были содержать их оставшихся домочадцев (это уже по обычаям горцев, т.к. аманаты выполняли общественно важную функцию в глазах их соплеменников и не могли сами содержать свои семьи – А.З.). О таком пребывании в неволе можно было только мечтать, а русские оказались «рождены, чтоб сказку сделать былью»!

Таким образом, кровь русских солдат и донских казаков оказалась пролитой напрасно, т.к. естественно, обязательство не нападать осетинами не выполнялось, а русская сторона выполняла принятые на себя обязательства в соответствии с буквой соглашения. Вообще необходимо отметить, что генерал К.Ф. Кнорринг 2-й в своих отношениях с горцами отличался скорее стремлением к заигрыванию с ними, нежели к силовым

методам, причем заигрывал даже тогда, когда в военном отношении одерживал верх, думая таким образом приручить горцев к себе. Но это, наоборот, в их глазах, показывало слабость русского командования, и грабежи и налеты вскоре возобновились (157).

После ухода пяти полков во главе с генерал-майором Кульбаковым на Дон на Кавказской линии остались донские казачьи полки: подполковника П.В.Янова 2-го, занимавший кордоны в верховьях Кубани, от урочища Каменный мост и до слободы Прохладной, а также - войскового старшины Я.Я. Табунщикова, войскового старшины А.Е. Егорова, подполковника П.П. Попова 3-го, дислокация которых была очерчена нами ранее. Еще раз хочется напомнить, что после осложнения положения на Военно-Грузинской дороге и взятия аула Чим (Чеми) был выделен особый казачий отряд, пока из полков Табунщикова и Попова 3-го, походным атаманом которого стал **подполковник Павел Петрович Попов 3-й**. Это уже второй походный атаман, выявленный за период 1801-1816 гг. на Кавказе, руководивший донцами в боях с горцами.

На смену ушедшим пяти полкам 4 мая 1802г. прибыли – новый походный атаман – **полковник Иван Иванович Кошкин**, занявший кордон на левом фланге Кавказской линии от Константиногорска до Соленобродского поста, сменив полк генерал-майора Кульбакова. С ним прибыли тоже 4 мая полки: войскового старшины Ивана Дмитриевича Фролова 2-го и войскового старшины Александра Григорьевича Данилова 1-го, сменившего полк Горбикова (158).

Новый атаман донских казаков на Линии был колоритной личностью и заслуженным офицером, отличившимся во многих войнах ХУ111 в. Происходил из обер-офицерских детей Войска Донского. В 1802г. ему было 54 года. Умел читать и писать, был женат. Имел 5 детей в возрасте от 25 до 12 лет: старший Михаил служил уже есаулом, младшая Дарья

входила в девичество (159). Сам Иван Иванович был уроженцем станицы Аксайской (160).

Он участвовал в войне с Турцией 1768-1774 гг., в 1779-1780 гг. содержал кордоны по Бугу, в 1782-1784 гг. на Кавказской линии, в 1785-1787 гг. за Кубанью и Лабой, затем в войне с Турцией 1787-1791 гг., которую после взятия Очакова, получив собственный полк, провел на Кубани в боях с горцами. В 1791г. участвовал в штурме Анапы, в 1794г. – в подавлении Есауловского восстания, а далее служил на административных должностях на Дону. Назначая Кошкина походным атаманом, командование думало поднять боевитость донцов на Линии, т.к. он имел богатую практику боев с горцами: почти 20 лет его службы прошли на Кавказе. От него ждали больших результатов.

Войсковой старшина А.Г. Данилов 1-й в 1802г. имел 47 лет. Какой он станицы – выяснить не удалось. Происходил из казачьих детей. Умел читать и писать. Был женат на казачьей дочери, имел от нее 3-х служилых сыновей от 26 до 20 лет возрастом (161). В 1778-1780 гг. служил на Кубани и Кавказской линии, в 1783-1785 гг. прикрывал Дон от набегов ногайцев и горцев, в 1787-1791 гг. участвовал в войне с Турцией, в 1792-1794 г. – с Польшей. В 1800-1802 гг. занимал административные должности по Войску Донскому. Его богатая кавказская практика (половина полевой службы) тоже заставляла от него ждать многого.

Войсковой старшина И.Д. Фролов 2-й имел в 1802г. 52 года от роду. Какой он станицы – тоже выяснить не удалось. Происходил из казачьих детей. Умел читать и писать, был женат, но детей не имел (162). Участвовал в русско-турецкой войне с 1770 по 1774 гг. В 1774-76 гг. служил на Царицынской линии, в 1776-1781 гг. – в Атаманском полку. В 1782г. содержал посты почты в г. Азове, в 1783-86 гг. на Кавказской линии по Кубани, участвует в экспедициях против горцев, в одной из которых был ранен в правый бок стрелой. В 1786-88 гг. служил в Крыме, охраняя

Екатерину 11 в период ее путешествия по вновь присоединенным провинциям, а затем ловя беглых, которые бросились в Новороссию, надеясь на «царскую милость». В 1787-90 гг. снова на Кавказской линии, а в 1792-95 гг. содержал почты в крепости Дмитрия Ростовского (ныне г. Ростов-на-Дону). В 1795-97 гг. – судья в учрежденном при Войске Донском словесном суде. В 1796-97 гг. участвует в Персидском походе, а вернувшись из него, вплоть до 4 мая 1802г. занимал административные должности в г. Черкасске, вплоть до войскового есаула (1 января 1800г. – 5 января 1801г.). Для оживления службы донцов по Линии И.Д. Фролов 2-й тоже очень подходил, т.к. вся его полевая служба проходила, в основном, на Кавказе или на юге России.

Несколько позднее, 31 октября 1802г., прибыло с Дона еще два полка: войскового старшины Андрея Ивановича Быхалова 2-го (расположился в Усть-Лабинской крепости) и войскового старшины Василия Афанасьевича Кутейникова 6-го (по-видимому, полки Фролова 2-го и Кутейникова 6-го вошли в подчинение походного атамана Попова 3-го) (163).

Это последние полки, которые прибыли на Кавказскую линию в течение 1802г. Так как у нас нет точных данных об их количестве, а выход их с Дона затянулся на целых 6 месяцев, то есть подозрения, что в эти полки не могли набрать положенного числа казаков, пытались это сделать до последней возможности, но так и не достигнув поставленной задачи, вынуждены были выпустить их с Дона в том виде, в каком они были.

Сделаем последний в этой главе подсчет казаков, принявших участие в боях с горцами на Северном Кавказе в 1801-1802 гг. В связи с тем, что количество казаков в полках Кошкина, Фролова 2-го и Данилова 1-го нам неизвестно, но известно, что полк походного атамана был более полнокровным, то можно принять его тоже за 500 чел. ориентировочно, исходя из количества полка первого атамана Кульбакова, а остальные два считать средними цифрами по 350 чел. Все это в итоге дает нам число

казаков Дона, участвовавших в боях с горцами на лето 1802г.: $3665+500+700$ чел.= 4865 казаков. Полки Быхалова 2-го и Кутейникова 6-го начали собираться на Дону вместе с теми, которые пришли на Кавказ 4 мая 1802г. Так как это осенние «поскребыши» после окончательного комплектования полков, начавшегося еще весной на сборных местах, то вполне вероятно, что они вышли с Дона с наименьшим числом возможных казаков и их можно считать в 250 чел. каждый, что дает вместе только 500 казаков (164). Итого к концу года на Северном Кавказе можно насчитать: $4865+500=5365$ донцов.

Это можно сказать, более точная цифра участвовавших в боях с горцами на Северном Кавказе донских казаков, подведенная за первые два года оборонительного периода Кавказской войны.

Рассмотрим теперь личности двух последних командиров полков. Первый – войсковой старшина Андрей Иванович Быхалов 2-й (тот самый, который в течение длительного времени путался с Василием Андреевичем Быхаловым 1-м в трудах отечественных историков). Место рождения его не установлено. В 1802г.ему было 29 лет. Происходил из штаб-офицерских детей. Умел читать и писать. Был женат, но детей не имел (165). Участвовал в войне с Турцией 1787-91 гг., сражаясь на Кинбурнской косе, у Фокшан, под Измаилом. В 1792г. содержит кордоны по реке Сенюхе на границе с Польшей. Затем на «льготе». В 1797-99 гг. в Днестровской дивизии с полуротой донской артиллерии, а в 1799-1800 гг. – в походе к г. Пинску Минской губернии. В 1801г. участвовал в Оренбургском (Индийском) походе Войска Донского, а осенью 1802г. прибыл на Кавказскую линию, в Усть-Лабинскую крепость.

Второй – войсковой старшина Василий Афанасьевич Кутейников 6-й. Уроженец г. Черкаска. В 1802г. ему было 33 года. Происходил из штаб-офицерских детей Войска Донского. Умел читать и писать. Был холост (166). В 1789-90 гг. содержал посты в Задонской стороне. В 1790-93 гг.

занимал различные административные должности внутри Войска Донского. В 1793-96 гг. служил в Лейб-конвойной казачьей команде. В 1797-1802 гг. находился в Литовской губернии, содержа посты на границе с Австрией, а прибывши на Дон 1 мая, уже 31 октября с полком был на Кавказской линии.

О службе его полка сохранилось упоминание в одном из трудов В.А. Потто, построенном на контрастном сравнении плохой службы на Линии регулярных войск и отличной – донских и линейных казаков. Чтобы было ясно, о чем идет речь, необходимо сообщить, что командир Нижегородского драгунского полка Карл Федорович Сталь волею судеб заимел себе в кунаки осетина Муссу. «Долго служил этот Мусса и нашим и вашим (русским и горцам, естественно за плату – А. З.), искусно хороня следы, но наконец попался таки на одном воровском наезде. Под ним убили лошадь; он бросился в кусты, но казак ударил его пикой в голову, ошеломил и сбил с ног. Мусса очутился в Екатеринограде не гостем, а пленником. Его посадили в тюрьму, и затем под конвоем пехотных солдат отправили в Георгиевск. Мусса понял, что ему будет плохо, и решил бежать. И вот, во время одного ночлега в постовой избушке, лежа в кругу солдат и занимая их своими рассказами, он совершенно непонятным образом умудрился снять кандалы и вдруг одним прыжком выскочил в растворенную дверь. Растерявшиеся солдаты скоро оправались и кинулись за ним в погоню. Первым настиг его конвойный офицер, но тут же упал мертвым: Мусса раздробил ему кандалами голову. Солдаты приостановились, а горец между тем исчез, точно провалился сквозь землю. Три дня искали его на берегу Малки и нашли только на четвертый в прибрежных камышах, уже умирающего от голода и истощения.

Если подобные случаи бывали в кордоном участке от Моздока до Екатеринограда, которым заведовал Сталь, то в других дистанциях черкесы то и дело снимали казачьи бекеты и даже вырезывали целые

посты и резервы. У Сталя ничего подобного не было. **Два донских полка, Попова и Кутейникова**, да волжские казаки Екатериноградской станицы, державшие передовой кордон, были так «недреманны», так были наметаны в Кавказской войне, что ночные тревоги и схватки с небольшими партиями кончались у них даже без участия резервов. Нередко случалось, что в Екатеринограде узнавали о стычках только поутру, когда перед крыльчком длинного, одноэтажного дома, занимаемого Сталем, появлялись отрубленные, перепачканные еще свежеею кровью, черкесские головы, - немые трофеи ночной, никому неведомой схватки.

Под охраной такой бдительной стражи, драгунам, квартировавшим в Солдатской слободке, примыкавшей к крепости (Екатеринограду – А. З.), делать было особенно нечего...» (167). Упоминание в этой большой цитате двух донских полков, вновь прибывшего Кутейникова 6-го и уже знакомого нам Попова 3-го, снова наводит нас на мысль о прекрасной службе походного атамана на участке Военно-Грузинской дороги, за короткое время смогшего наладить бдительную службу подчиненных ему казаков, которых в своем труде вынужден был похвалить и В.А. Потто, сыгравший известную роль в «загрязнении» донской славы на Кавказе...

Подведем некоторый итог численности донцов на Кавказской линии и по Военно-Грузинской дороге к концу 1802г. В связи с тем, что на Дон ушли в мае 1802г. 5 полков во главе с походным атаманом генерал-майором Н.П.Кульбаковым (2188 чел.), то в рассматриваемом районе на данный период пребывало 3177 сынов Тихого Дона. Они составляли 9 полков.

Новый походный атаман полковник Иван Иванович Кошкин 1-й с мая 1802г. находился с полком в Константиногорской крепости (168). Полк подполковника Петра Васильевича Янова 2-го, судя по сводкам, в которых мелькают места отличий его полка в 1801г., находился в районе станицы Прохладной (уже переставшей быть слободой – А.З.), урочища Каменный

мост, прибыв на Линию в марте 1800г. (169). Полк подполковника Павла Петровича Попова 3-го, бывшего походным атаманом на Военно-Грузинской дороге и прилегающем к ней участке Кавказской линии, находился в Павлодольской (170), явившись сюда в марте 1801г. Полк войскового старшины Якова Табунщикова 2-го находился на линии при урочище Тахтамышевском с марта 1801г. (171). Полк войскового старшины Афанасия Егорова 1-го находился с марта 1801г. у станицы Воровсколесской (172). Полк Андрея Быхалова 2-го находился при Усть-Лабинской крепости с ноября 1802г. (173). Полк войскового старшины Василия Кутейникова 6-го находился, занимая посты по реке Малке с ноября 1802г. (174). Полк войскового старшины Александра Данилова 1-го находился с мая 1802г. в Недреманном ретраншаменте (175).

О полке войскового старшины Ивана Фролова 2-го сказано, что он просто находился на Линии (конкретного места не указано) (176).

Начиная с 1801г., 14 донских казачьих полков внесли достойный вклад в защиту русских границ от набегов горцев Северного Кавказа. Описание событий действительно показывает, что со стороны России это были действия оборонительные. Экспедиции в земли горцев предпринимались как ответы на действия горцев. Такой же характер имели и «преследования хищников». Сейчас, в свете последних событий на Кавказе, историки народов Северного Кавказа ставят претензии русской дореволюционной исторической науке за то, что храбрых горцев в русских трудах всегда называли «хищниками». Но для русских людей они и тогда, и сейчас были и остались такими, что ярко показывают как события той войны, так и события в Чечне, длящиеся с 1990г. по сей день. Показательным здесь является то, что даже после того, как Вооруженные Силы России ушли в 1996г. из Чечни, горцы продолжали нападать на русское население Ставрополя и Чечни, грабить и терроризировать мирное население. Они это продолжают делать и сейчас, несмотря на все успехи Федеральных

войск в 1999-2005 гг. Создается впечатление, что так было и так есть, каким бы ударам не подвергали федеральные силовые структуры оставшиеся бандформирования. Поэтому какие-то исторические диспуты в этом плане (хищники или нет), в свете вышеописанных действий, не уместны.

Мало того, располагаясь на Кавказской линии таким образом, как описано выше, донские полки защищали в данном случае геополитические интересы России в данном регионе. С 1792г. территорию по течению Кубани до Усть-Лабинской крепости прикрывало вновь переселенное сюда Черноморское казачье войско. И считалось, что с этой обязанностью в конце ХУ111 – начале Х1Х вв. оно в основном справлялось. Однако далее, после Усть-Лабинской крепости, Кубань была прикрыта слабо, не говоря уже о реках Малке, Тереке и др. С этой целью было затеяно в том же 1792г. переселение донских казаков на Линию для усиления ее обороны, что породило среди них Есауловское восстание 1794г., показавшее их нежелание покидать родные места. Оно было подавлено, но правительство решило палку не перегибать, т.к. по крайней мере половина всех донских станиц явно противилась переселению на Кубань, часть обуславливала свое нежелание дать переселенцев разными отговорками, часть станиц, хотя и подчинилась требованиям начальства, но с колебаниями, и только 17 станиц из 103 были готовы беспрекословно послать своих казаков на Кубань (177).

В итоге правительство решило ограничиться переселением на Кубань жителей 5 станиц, явившихся эпицентром Есауловского восстания: Есауловской, Кобылянской, Верхней и Нижней Чирских, Пятиизбянской. Летом 1794г. на Кубанской линии уже появились станицы: при Усть-Лабинской крепости из 300 семей; при Кавказской, Григориполисской, Прочноокопской, Темнолесской крепостях и укреплениях по 150 семей и, наконец, при Воровском редуте из 100 семей. Всего было 6 станиц и они

составили один полк, получивший название «Кубанского». Из казаков «добросовестных, благонамеренных и попечительных» были выбраны казачьи старшины (178).

Об общей численности кубанцев позволяет судить рапорт, направленный в 1800г. в Сенат генерал-майором (по более распространенному мнению – генерал-лейтенантом – А.З.) Кноррингом, согласно которому в Кубанском казачьем полку состояли один полковой командир, по четыре есаула и сотника, пять хорунжих, полковой квартирмейстер, писарь и 500 рядовых казаков. Кроме того было шесть отставных старшин, казаков «могущих защищать станицу» – 239, «престарелых и бессильных» – 184; детей до 15 лет 1264 чел. (179). То есть, активных казаков, могущих встать в строй, было $516 + 239 = 755$ чел.

Таковыми же в среднем по количеству были и прочие линейные казачьи полки: Хоперский, Волжский, Моздокский, Гребенский, Терский Семейный, Астраханский и Кизлярское Терское войско (180). Реально каждый из них мог выставить по 500 чел. Остальные были на «льготе», которая из-за постоянной опасности нападения горцев практически такой не являлась. Поэтому каких-то 4000 человек для охраны громадного пространства от Усть-Лабинской крепости до Кизляра явно не хватало. Оказывается, не прав современный знаменитый писатель А.И. Солженицин, утверждая в своем опусе «Как нам обустроить Россию?», что казаков на Кавказе для охраны русских границ всегда хватало. Можно смело заявить – **не хватало**, и ситуация 1801-1802 гг. на Кавказской линии тому яркий пример! Наш новый мессия в очередной раз выдал довольно хрупкое утверждение...

Такая ситуация порождала постоянную потребность донских полков в этом регионе. Нахождение на Линии на осень 1802г. 3100 донских казаков (из общего числа участвующих в боях необходимо вычтеть еще 77 казаков полка Щедрова 2-го, пришедших из Грузии для подавления зимой 1802г.

выступления осетин) солидно пополняло ряды русского казачества и позволяло наносить ответные удары по горцам. Причем в одном месте иногда присутствовало по 2, а то и по 3 донских полка, если оно представляло ключевую позицию.

Нахождение на Кавказской линии и двух драгунских полков: Владимирского и Таганрогского (181) и значительных сил русской пехоты тоже не меняло картины. В некоторых местах Линия могла держаться только при помощи донских казаков. Во многих ее местах начальниками кордонов были донские офицеры. Все это доказывает, что донские казачьи части были необходимым элементом обороны Кавказской линии и прикрывали многие жизненно важные для России направления. Без их наличия силы войск Кавказской дивизии не могли бы столь прочно сдерживать горцев, пусть даже донцы, по мнению многих военных экспертов, были ниже по своим качествам «природных» кавказских казачьих войск.

Глава 3-я:

Участие донского казачества в отражении горских нападений на Кавказскую линию и Военно-Грузинскую дорогу и в экспедициях в Осетию и Кабарду в 1803-1804 годах.

В 1803г. на Кавказской линии донские полки стояли в том же порядке, который был нами описан в конце главы 2-й данной монографии. На всем ее протяжении они имели двух походных атаманов: от Усть-Лабинской крепости до слободы Прохладной (позже – станицы) территория курировалась полковником И.И.Кошкиным 1-м; от Прохладной до Моздока и все протяжении Военно-Грузинской дороги до

начала границ Грузии – подполковником П.П. Поповым 3-м. Естественно, казачьи пикеты здесь переплетались с пехотными, но донцы непосредственно подчинялись этим двум штаб-офицерам, Линию защищали здесь также линейные казаки, но они подчинялись своему руководству. Такая сложная система командования, когда руководящие звенья были переплетены между собой, при принятии решения на отражение нападения горцев, вызывала много нестыковок, неувязок, нежелания подчиняться друг другу. Но с этим невозможно было ничего поделать, ибо такая ситуация была освящена веками: все казаки были независимы друг от друга и только воля единого общеармейского командования русских войск могла их увязать органически друг с другом и плодотворно использовать в боевых действиях с горцами их огромный полезный потенциал, хотя иногда и ему это было не под силу. Более налаженной ситуация в управлении войск была на участках Линии от Усть-Лабинской крепости до устья Кубани, где защищали границу казаки Черноморского войска, которым не требовалась помощь ни донцов, ни линейцев, и от Моздока до устья Терека, где границу защищало Терское войско, которое тоже, в основном, справлялось само с возложенной задачей.

Но даже в такой ситуации, когда донцы были брошены на произвол судьбы, они защищали границу как могли, совершая героические поступки. В послужных списках офицеров сохранились сведения об отличиях их по охране государственной границы за 1803-1804 гг. И фиксация этих подвигов приходится на те полки, которыми командовали оба походных атамана. Мало того, один из совершивших подвиг – сын одного из походных атаманов. Это – хорунжий Григорий Иванович Кошкин, имевший в 1805г. 21 год от роду. В образовательном плане, помимо умения читать и писать, знал еще и арифметику. Был на тот момент холост (1). Вместе с отцом на Кавказской линии находился с 4 мая 1802г. В хорунжие был произведен 22 октября 1803г. 6 декабря 1803г.

находился в разъезде с командой казаков по реке Джуцу и подвергся нападению большой партии черкесов, с которой вынужден был вступить в бой. В ходе схватки было ранено 2 черкеса и убито 4. Было отбито у горцев много оружия и 7 лошадей. Казаки остались все целы и отразили нападение врага, вынудив черкесов уйти обратно за реку. За этот успех Г.И. Кошкин получил от генерал-майора Лихачева благодарность (2).

А вот другой подвиг – уже хорунжего полка походного атамана Попова 3-го Ульяна Сидоровича Краснянского, происходившего из обер-офицерских детей Войска Донского. Графа об образовании в его послужном списке пуста. Был женат, имел 3 сына и 3 дочери. Самому ему в 1805г. было 36 лет. В хорунжие тоже был произведен 22 октября 1803г. (3). О службе и подвиге в послужном списке сказано: « 1801-го марта с 1-го числа по 805-го апреля по 13-е число в Кавказской губернии у содержания по реке Тереку кордонной стражи, где 1804-го июня 17-го числа был с командою для преследования чеченских хищников, учинивших по сю сторону реки Терека нападения по тракту проезжающих российских людей, злодейство коих преследуя, из числа оных четырех человек убил одного и одного взял живого в плен, представил его начальству» (4).

Но подвиги происходили не каждый день. В основном протекала будничная сторожевая служба с отражением мелких нападений, в которых иногда и не удавалось сойтись с врагом для непосредственного боя, а все дело ограничивалось перестрелкой. О такой именно службе мы и можем прочесть в послужном списке уроженца Вешенской станицы Ефима Ивановича Копылова, хорунжего полка войскового старшины Данилова 1-го, который тоже был произведен в хорунжие, как и два предыдущих офицера, 22 октября 1803г. Полк, как мы уже знаем, входил в число четырех, которыми атаманствовал П.П. Попов 3-й на участке Военно-Грузинской дороги. Было Е.И. Копылову в 1805г. 34 года, происходил из

обер-офицерских детей Войска Донского. Умел читать и писать. Был женат, имел сына и дочь (5). О службе сказано: « 802-го года мая с 4-го на Кавказской линии, у содержания над Кубаном пограничной стражи; 803-го с марта 28-го по 805-го марта по 5-е число находился со вверенной мне командою во Владикавказской крепости у препровождения проезжающих с Линии в Грузию почт, фельд-егерей и курьеров, а также немалого количества сумм в серебре и золоте до Моздока, а из Грузии на Линию у препровождения курьеров же и фельд-егерей до Моздока...» (6).

Но иногда и в такой обыденщине случалось совершать подвиг, о чем свидетельствует послужной список есаула и кавалера ордена св. Анны 3-й ст., полученного за отличие в Итальянском походе А.В. Суворова в 1799г., Ивана Ивановича Попова, служившего в полку походного атамана И.И. Кошкина 1-го. Происходил он из обер-офицерских детей Войска Донского. В 1805г. ему было 39 лет. Умел читать и писать. Был женат и имел сына и двух дочерей (7). О службе и подвиге сообщается следующее: «802-го с мая 4-го на Кавказской линии, июня 3-го на новоучрежденном Касаевом, 803-го августа 20-го на Бурундуцком, 804-го августа 25-го – на Кирпилинском постах ради содержания от набегов ветренных хищников кордонной стражи, ноября 7-го откомандирован со ста казаками ради занятия вновь постов по дороге, идущей к Кисловодскому укреплению, дабы учинить преграду к доставлению из Кабарды закубанцам провианта, по каковой доверенности урядника с командою поставил по дороге, идущей через Подкумок к Бабукову аулу, а сам остановился при реке Золотухе, где 20-го числа того месяца пополуночи в 4-м часу от черкес выдержал при сильном огне атаку, при котором случае, будучи неприятель втрое нас сильнее, и не имевши никакой защиты, кроме балаганов, поставлял единственно оружие к тому, на рассвете из тех хищников, нагнав двух побил, за что и получил от генерала, ведавшего кордонную стражу, признательную благодарность» (8).

Можно привести в пример еще и войскового есаула Ивана Алексеевича Попова 10-го. В 1805г. ему было 35 лет. Происходил он из семейства дьяка. Умел читать и писать, был женат и имел сына 11 лет. Однако в период аттестации офицеров, когда он был уже не на Кавказе, а на западной границе в 1805г., за «невоздержанность» он не был аттестован (9). Что имелось в виду под термином «невоздержанность» (к горячительным ли напиткам или просто в быту и на службе, занимаясь рукоприкладством на каждом шагу?! –А.З.) не указывалось. Кавказ из многих за период войны с горцами сделал «невоздержанных», каковыми потом они оставались на всю жизнь! О его службе на Линии сказано следующее: «1801-го марта с 1-го 1805-го сентября по 13-е на Кавказской линии, где употреблялся по званию своему с командами для содержания кордона в разъезды за покушавшимися сделать на оный злодейское нападение горскими хищниками, а сверх того, за отсутствием полкового командира по разным по службе порученностям, командовал полком» (10). Действительно, П.П. Попову 3-му, занимавшему должность походного атамана по участку Прохладная-Моздок и на Военно-Грузинской дороге приходилось много разъезжать и по вверенному ему участку и для сопровождения разных лиц: по-видимому, он сопровождал К.Ф. Кнорринга во время его поездок в Грузию и в 1801, и в 1802 гг. Полком же в это время должен был кто-то руководить и этим кем-то и был И.А. Попов 10-й.

Тяжелые будни службы донцов на Кавказской линии запечатлены на акварели Е.М. Корнеева «Вид на гору Недреманную», написанной в 1803г. По росписи нахождения донских полков на Кавказской линии, данной нами в конце главы 2-й, выходит, что эту дистанцию Линии охраняли казаки Донского полка войскового старшины Данилова 1-го, штаб-квартира которого с осени 1802г. находилась в Недреманном ретраншаменте (11). Очевидно по названию этой горы, доминирующей над

всей окружающей местностью, получило свое название и упомянутое укрепление. Е.М. Корнеев, проезжавший мимо и зачарованный живописным видом горной природы, открывшимся ему, запечатлел его, попутно изобразив и разъезды донских казаков. Они парные, растянутые друг от друга на 100-200 м. Разъезд на переднем плане из 3-х человек (казак без пики-офицер, очевидно, начальник изображенных казаков; нижние чины-казаки-все с пиками, положенными им по Положению 1802г.).

Нельзя сказать, что Линию от Усть-Лабинской крепости до Моздока охраняли только одни донцы (как это может показаться из нашего изложения – А.З.). Здесь были и линейные казачьи полки: Хоперский, Волжский, Моздокский, Гребенский, Терский Семейный, Астраханский и Кизлярское Терское войско. Но мы все же думаем, что на акварели Е.М. Корнеева изображены сыны Тихого Дона. На это указывает то, что штаб-квартира полка Данилова 1-го находилась именно в изображенной местности. Репродукцию данной акварели поместить здесь невозможно из-за плохого полиграфического качества изображения в книге (см. сноску 12 к данной главе –А.З.), но мы будем пытаться описывать словами суть нашего спора, а кто хочет – может увидеть акварель в указанной истории Ставрополя (12).

Однако ее авторы считают, исходя из общей направленности книги, что это – линейные казаки, т.к. речь идет о Ставрополье. Но взглянем пристальнее на факты. Как нам уже известно, первые линейные станицы на Кубани были заселены в 1794г. казаками Кубанского казачьего полка. Этот полк был сформирован 28 февраля из волжских и донских казаков, содержавших кордоны на Кубани (13).

Согласно данным А.В. Висковатого, одежда казаков времен императрицы Екатерины II заключалась в верхнем суконном кафтане, с прорезами под пазухой, подпоясанным цветным кушаком; в суконном

полукафтани; в суконных же широких шароварах, заправленных в короткие сапоги, и в шапке из серой смушки с суконным верхом. Непременным оружием каждого была сабля, иногда шашка в кожаных ножнах; с медной или железной пикой (очевидно, имеется в виду наконечник – А.З.), у зажиточных или офицеров с красным древком, ружье без штыка или карабин и один или два пистолета (14). Донским казакам полагались верхние кафтаны голубые, с воротником, обшлагами и подбоем красными; исподние шаровары и верхи шапок голубые; кушаки малиновые с желтой бахромой (15). Волжские казаки имели верхние и исподние кафтаны, шаровары и верхи шапок красные, кушаки голубые (16). Данные в описаниях А.В. Висковатова рисунки скопировал краснодарский исследователь О.В. Матвеев для своей статьи, в которой замечает: «Однако, маловероятно, что в 1794г. все казаки Кубанского полка одевались и были вооружены согласно приведенным описаниям» (17). Далее им отмечается, что волжцы несли службу на Кавказе еще с 1769г. и не случайно В.А. Потто отмечал «уменьше их прежде всего присмотреться к своим противникам, не гонясь за заветами своей старины, заимствовать от них все, что было у них хорошего. Так поступали их предки, так поступали теперь и наши волжские казаки. Тяжелые сабли и длинные неуклюжие пики были ими брошены, кинжал и шашка сделались их любимым оружием. Даже жупаны (кафтаны) и те отошли в область предания, заменяясь мало-помалу черкесками, которые казаки стали предпочитать за легкость и удобство покроя» (18).

Отсюда можно сделать вывод, что ни Кубанский, ни Волжский линейные полки такой формы, какую стали носить донские казаки с начала XIX в., не носили. Если бы это были они изображены на акварели Е.М. Корнеева, то у них бы были видны фалды кафтанов, или по-донскому – чекменей, какие донцы носили в ХУ111 в. На акварели же видны и пики – четко донское, в связи с приведенной цитатой В.А. Потто, оружие, от

которого линейцы уже отказались в условиях горной войны, а донцы, верные своим вековым традициям, не расставались вплоть до конца гражданской войны 1918-20 гг. Поэтому ясно, что это – донские казаки полка Данилова 1-го.

Могут возразить, что почти такую форму как донские казаки в 1802г. носили казаки бывшего Екатеринославского войска, расформированного 5 июня 1796г. (19). Они появляются на Кубани в 1802г. До этого они носили куртки покроя, какой был тогда у регулярной кавалерии, только без фалд, с красной вокруг воротника, лацканов и обшлагов выпушкой, с белыми, на лацканах, посаженными пуговицами, и с двумя черными погонами, темно-голубые шаровары, с двумя у наружного шва, прямыми выкладками, черные до половины шпор, сапоги, надетые сверху шаровар, черный кушак, такого же цвета галстук, ниже которого, в промежуток между незастегнутыми доверху лацканами, выставлялись ,как у регулярных войск, белые манжеты; перчатки без краг, и шапку с круглой красной тульею, с широким черным околышем. Махор или кисть, султан и бант были белыми (20). Издали различия цветов (да еще на черно-белом изображении акварели – А.З.) не видно, чекменей нет, фалды не отвисают. Поэтому можно и возразить нам, что это не донцы, но дело в том, что казаки Екатеринославского войска были поселены недалеко от крепости Кавказской и получили от этого и название Кавказского полка (21). Если же посмотреть на карту, то Кавказская крепость от Недреманного ретраншаменты находится ох как далеко: гораздо ближе к Усть-Лабинской крепости, т.е. по тем временам близко к началу Кавказской линии, где заканчивалась Земля Черноморского Войска. Поэтому у Недреманной горы в 1803г. кавказцы оказаться не могли: им надо было еще обжиться на новом месте!

С их обмундированием тоже было не все в порядке. По словам П.П. Короленко, екатеринославские казаки (Кавказский полк), «не имея

прошлого, не успели еще выработать себе однообразного казачьего обмундирования до прихода на Кубань и потому, поселившись на Кавказской линии, одевались частью по донскому казачьему образцу, а частью – по кабардинскому. Вооружение у них тоже было смешанное: азиатские винтовки, пистолеты, шашки, кинжалы и донские пики» (22). В одежде казаки полка долго никак не регламентировались, по крайней мере в «инструкции о сформировании Кавказского казачьего полка, внутреннем устройстве его и управлении» указывалось только, что «должен иметь каждый казак одну верховую лошадь, пику, ружье, пистолет и шашку или саблю» (23).

Но даже наличие у кавказцев донской пики не делает и эту часть линейного казачества претендентами на изображение на акварели Е.М. Корнеева, ибо здесь играет роль географический фактор – слишком далеко от их расположения до Недреманной горы! Поэтому теперь можно с более точным вероятием утверждать, что изображены на ней все же донские казаки полка Данилова 1-го.

Это не противоречит и нашему мнению о том, что П.Г. Бутков попутал донцов и линейцев при описании взятия аула Чим (Чеми) в июне 1802г., т.к. в числе 700 казаков могли быть и кавказцы, а также линейцы- волжцы или кубанцы – могли приобрести новую донскую форму. На Кавказе могло быть все что угодно и по тем временам это не вызывало ни у кого сомнений, а они возникли уже у нас...

Какую бы полезную работу не производили донцы, служа на Кавказской линии, какие бы подвиги не совершали, наступал определенный предел их деятельности, положенный окончанием для отдельных полков их срока службы – «термина». В 1803г. такой срок наступил для полка полковника П.В. Янова 2-го, в послужном списке которого сказано: « 1800-го марта с 6-го по 1803г. май месяц на Кавказской линии со вверенным мне донским казачьим полком у

содержания передовой кордонной стражи от зломыслящих кабардинских хищников» (24), т.е. в мае 1803г. он ушел с Кавказа на Дон. Мало того, т.к. цитируемый список относится к 1812г., то можно проследить и судьбу его судимости в 1802г. (25). После участия его в сражениях войны с Турцией 1806-1812 гг. и после срока давности, т.к. несмотря на благоприятный для него исход суда все же это накладывало на его репутацию определенную тень, она была с него снята, а в послужном списке за 1812г. судимость вообще не упоминается и в графе «находился ли под судом?» значится «не бывал» (26).

Мы не видим увеличения числа донских казаков в 1803г., т.к. в мае уходит на Дон полк Янова 2-го, а вместо умершего в этом же году на Линии войскового старшины Егорова (27), прибыл командовать его полком майор И.А. Селиванов (28), не прибавив к общему количеству казаков, находившихся на Кавказе ни одного человека (29).

В это время большая активность боевых действий наблюдалась только на Грузино-Лезгинской границе. Кавказская же линия подвергалась традиционным мелким набегам, для отражения которых хватало войск, находившихся на ней тогда.

Что представлял собой прибывший на смену умершего войскового старшины Егорова майор Иван Андреевич Селиванов? Ему было 33 года от роду. Происходил из штаб-офицерских детей Войска Донского. Места рождения или приписки установить не удалось. Умел читать и писать. Был женат, но детей не имел (30).

О его службе можно сказать следующее: начал ее в 1786г. на Кубани, а с 1788 по 1791г. участвует в войне с Турцией на Дунае. В 1792-94 гг. сражается с польскими конфедератами. Весь 1795г. находился в Варшаве, а затем, до 1801г. занимал на Дону административные должности. В 1801г. участвует в Оренбургском (Индийском) походе, а с 26 ноября 1803г. находился на Кавказской линии (31).

К 1803г. относится и проект Александра 1, касающийся облегчения службы донцов на Кавказе. Ему захотелось, чтобы они служили на Кавказе не 3 года, а только 2. Против этого решительно выступал новый главнокомандующий русских войск на Кавказской линии и в Грузии, сменивший на этой должности К.Ф. Кнорринга 2-го осенью 1802г., князь Павел Дмитриевич Цицианов. Он написал царю следующий рапорт: «По Всевысочайшему Вашего Императорского Величества повелению, генерал-лейтенант и Войска Донского войсковой атаман Платов, выкомандированные из Войска Донского для содержания кордона на Кавказскую линию и в Грузию казачьи полки, обязан сменять другими через **каждые два года**. А как полки сии в двухгодичное пребывание свое на службе в краю здешнем, едва приходят в состояние противостоять Азиатским войскам, привыкнув вести войну в открытых местах и на равнинах, действуя больше пикой, нежели ружьем, каковой образ войны в здешних гористых местах не совместен: и потому приемлю смелость Всеподданнейше представя Вашему Императорскому Величеству, испросить: не благоугодно ли повелеть исключить из общего правила о двухлетней смене казачьих полков тех, кои находятся на службе в здешнем краю, хотя бы с подмогою им лошадьми, из сумм Войска Донского, оставляя их по-прежнему на три года?» (32).

Хотя следы дальнейшей переписки по поводу донских казаков найти не удалось, но, по-видимому, Павлу Дмитриевичу удалось настоять на своем. «Месячный отчет о состоянии Войска Донского за январь месяц 1805 года» извещает: «По высочайшему Его Императорского Величества повелению прибыли в Войско служившие на Кавказской линии полки Селиванова 2-го и бывшего Табунщикова 2-го, перемененные таковыми же..., кои и показаны в наличности» (33). То есть, из этих слов вытекает, что оба полка, прибыв на Кавказскую линию 20 апреля 1801г., пробыли на ней до конца 1804 г., явившись на Дон в январе 1805г. В общей сложности

они пробыли на Кавказе 3 года и 8 месяцев. Получилось даже, что они переслужили свой «термин», но это объясняется тем, что отпустить их с Линии в срок было невозможно в связи с событиями 1804г., о которых будет сказано ниже...

Война для России продолжает в 1803г. быть оборонительной, чему примером и приведенные выше случаи проявления казачьей доблести, а также цитируемая нами выше статья А.В. Бирюкова, который хронологически фиксирует «оборонительные» случаи на Кавказской линии. Вот что сказано о 1803г.: «Летом 1803г. отряд регулярных войск захватил большое количество чеченского скота в отместку за пленение чеченцами майора (? – А.З.) И.П. Дельпоццо. Из подробного описания этой экспедиции видно, что русские войска стали применять чеченскую тактику: отряд в 1200 чел., переправившись ночью через Терек, укрылся в неприступных местах. Выследив чеченские табуны, часть отряда напала на чеченские селения, другая же отбила скот и быстро погнала его к Тереку, не давая горцам времени собраться со значительными силами. Скот, а затем и весь отряд в тот же день переправились на левый берег» (34). Спасибо, конечно, А.В. Бирюкову, что он своей «хронологией» поддерживает нашу версию об оборонительном характере войны в начале XIX в. со стороны России. Однако в этом отрывке из статьи безбожно искажены все факты. Во-первых, И.П. Дельпоццо был не майор, а полковник. В период же взятия своего в плен он не находился на службе, т.к. в царствование Павла Петровича был отстранен от службы за «неприличную» просьбу и жил просто в Ивановской крепости, между станицами Новогладковской и Щедринской, т.к. ему, уроженцу Тосканы, и ехать со службы было некуда. 20 сентября 1802г. он действительно был взят в плен. В его судьбе живое участие принял генерал-лейтенант П.Д. Цицианов, потребовав от шамхала Тарковского содействия в этом деле, а после разгрома джаро-белоканских лезгин поставил и им в

обязанность выручить Дельпоццо, обещая за это возратить от 60 до 100 пленных; в противном случае он угрожал всех пленников, взятый зимой 1803г., продать в отдаленные земли и на вырученные деньги выкупить Дельпоццо. Испуганные джарцы действительно хлопотали энергичнее всех. В то же время Цицианов приказал генералу Шепелеву, командовавшему тогда войсками на Кавказской линии, наказать аксаевские деревни, через которые чеченцы проезжали с взятым в плен И.П. Дельпоццо, и отбить весь чеченский скот, ходивший в долине между Терekom и Сунжей. Две роты, расположенные в Щедринской станице, пятьдесят гребенских казаков и два орудия ночью двинулись за Терек. Казаки быстро отогнали стада и, под прикрытием пехоты, переправили на русскую сторону, прежде чем чеченцы из ближних аулов успели прискакать на тревогу. Все дело кончилось небольшой перестрелкой. Скот немедленно был распродан за 10 тыс. руб., и из этой суммы отчислено было 8400 руб., т.е. в два раза больше, чем просили похитители, за выкуп И.П. Дельпоццо. Он был отпущен, пробыв в плену больше года (35). По возвращении из плена Дельпоццо снова был восстановлен на службе генерал-майором и назначен приставом кабардинского народа.

Вот как на самом деле развивались события! А ведь А.В. Бирюков для подтверждения своих слов еще и ссылается на архивы (36). В связи с этим закрадывается сомнение в истинности содержащихся в данных документах сведений, или просто с характерной небрежностью более высокого начальника генерал Шепелев (а это именно его донесение Цицианову от 11 августа 1803г.- А.З.), дал самые общие сведения об операции, не вдаваясь в более реальные цифры, сообщив только об успешном результате! Ведь как может быть в двух ротах (+50 казаков) 1200 чел.? Классически каждая рота составляла 120 чел., т.е. это дает 240 чел.+ 50 казаков = 290 чел. Ну можно сказать, даже, что их было 300, но откуда же 1200? Даже если причислить сюда артиллеристов, состоявших при двух орудиях – это мало

что изменит! Изложение боя в интерпретации В.А. Потто стало классическим в отечественной историографии, а если В.А. Бирюков нашел более новое освещение излагаемых фактов, то надо было и привести полную цитату из документа, а не изложить его своими словами, в результате чего появилась только лишняя неподтвержденная «новация», которые сыплются сейчас как дождь на голову, стараясь оболванить сознание исследователей. Повторяем еще раз: мы полностью поддерживаем взгляд А.В. Бирюкова на оборонительность для России первого периода Кавказской войны, но если он подтверждает свою гипотезу такими фактами, то здесь предлагаем ему быть более чистоплотным в выборе аргументов и не извращать истории! Есть гораздо более «чистые» факты, приведенные хотя бы нами выше, для аргументации оборонительности позиции России в боях с горцами в 1803г.

1804г. был очень тяжелым для России на Кавказе, т.к. в это время считавшиеся со времен Кучук-Кайнарджийского мира 1774г. подданными России осетины (которые без конца делали нападения на Военно-Грузинскую дорогу даже в состоянии подданства- А.З.), их ответвления, называемые мтиулетинцами и тагаурцами, а также кабардинцы, считавшиеся в составе России также с 1774г., подняли крупные восстания. По сути дела подданство было чисто фиктивным на всех этих территориях (именно это сейчас и пытается доказать историческая мысль народов Северного Кавказа, пробудившаяся националистическими их лидерами в эпоху «перестройки», а затем и в 90-е годы XIX в. – А.З.). Однако в Осетии оно держалось на силе штыков, т.к. операции, проведенные русскими здесь в 1801-1802 гг. были еще свежи, в более крупных деревнях стояли русские гарнизоны и везде власть на местах проводилась через русских чиновников – приставов. В Кабарде они тоже стояли, но там сознание власти России уже притупилось. Несмотря на наличие гарнизонов набеги на Линию возобновились в широких размерах.

Еще в то время, когда князь Цицианов находился в Георгиевске (1802-1803 гг.), кабардинцы отказались выбирать новых судей в так называемые народные суды, созданные по инициативе русской администрации для обеспечения руководства местными племенами. Они сожгли некоторые дома, служившие для размещения этих судов. П.Д. Цицианов вызвал к себе кабардинских владельцев, просил их принять меры к утихомириванию своих обществ и приступить немедленно к избранию судей на следующие 3 года. Владельцы обещали все исполнить, но прошел целый год, а судьи все еще не были выбраны. Главнокомандующий выступил с угрозами, но они не действовали, т.к. кабардинцы привыкли видеть в русских начальниках бездеятельность, как это было при К.Ф. Кнорринге и его предшественниках, которые предоставляли этот народ в полное распоряжение пристава, готового за деньги потворствовать и допускать своеволие кабардинцев. На нежелание их выбирать новых судей присчитав смотрел сквозь пальцы, а старые судьи, не считая себя обязанными служить еще 3 года, разошлись по домам и не присутствовали в судах.

Упорство кабардинцев заставило П.Д. Цицианова применить против них силу. 29 марта 1804г. на Линию прибыл сменить генерала Шепелева на посту командующего войсками генерал-лейтенант Г.И. Глазенап. Сразу по вступлении в должность ему была поручена экспедиция в Кабарду. Причем П.Д. Цицианов высказал 5 апреля 1804г. пожелание Г.И. Глазенапу, что «войска, и в особенности казаки, будут удержаны от войны, производимой по введенной системе, более против скота, нежели людей» (37). Пока экспедиция готовилась, кабардинцы сами атаковали расположение русских войск

Выступления их начались тем, что кабардинцы в начале мая в значительных силах напали разом на несколько пунктов кордонной линии, особенно на досаждавшее им с 1803г. строительство Кисловодской крепости и развитие кордона в связи с ним. Тогда пострадал ряд казачьих

постов и редутов: «...у Малки весь редут в 30 казаков Донского Кошкина полку побили, равно как и у Кислых вод то же сделали с постом в 30 человек при старшине находящихся» (АКАК, т. 11, ч. 2-я – с. 1018) (38).

Был атакован и Есентукский пост, лежащий близ Кисловодска. Какой полк из донских занимал тут пикеты – выяснить пока не удалось, но известно следующее: 8 донцов, спешившись и отстреливаясь из-за положенных лошадей, оборонялись геройски, но тем не менее 6 из них было убито, и только двоих выручили подоспевшие резервы (39). Последним из казачьих постов, подвергнутых удару, вероятно, был «Махов пост» или «Пьяный холм (бугор)», располагавшийся возле дороги к северу от современного поселка Подкумок. Красноречивый сюжет о гибели казаков на нем сохранился в устной народной традиции (40), вероятно отразившись даже в его названии.

Горцы были отбиты на всех пунктах, но было видно, что этим дело не ограничится. Но если задаться целью выяснить каких полков казаки находились в этих укреплениях и постах, то приходит на мысль, что это был не один полк Кошкина 1-го, т.к. о poste у Кислых Вод сказано, что это пост был «в 30 человек при старшине находящихся», а полк, в отличие от поста у Малки, не назван. Взглянув на карту Кавказской линии и зная дислокацию полков, расположенных относительно близко с местом нахождения будущего Кисловодска, с большой долей вероятности можно сказать, что помимо полка Кошкина 1-го эти посты могли занимать казаки полка Табунщикова 2-го.

В связи с этим приходит еще одна мысль: мы уже цитировали «Месячный отчет о состоянии Войска Донского за январь месяц 1805 года», где сказано о возвращении полков Селиванова 2-го и Табунщикова 2-го на Дон. Причем последний назван «бывший Табунщикова 2-го». Так выражались только об умерших или погибших командирах полка. Упомянутый в документе, помещенном в АКАК т. 11 старшина, погибший

на посту у Кислых вод вместе с 30 казаками, мог быть как раз он. Ибо командир первого упоминаемого полка – походный атаман полковник Кошкин, не мог погибнуть, т.к. из его послужного списка известно, что он вернулся на Дон, да он и не старшина, а вот Я.Я. Табунщиков 2-й и есть войсковой старшина даже по формулярным спискам на 1802-1803 гг., а после 1804г. его послужных списков не встречается. Поэтому с большим вероятием мы можем заявить, что очевидно Яков Яковлевич был убит вместе со своими казаками на этом посту. Прямых данных у нас об этом нет, но если сопоставить все имеющиеся данные, то получается именно такая цепочка и мы нашли конец жизненного пути еще одного героя Кавказской войны, прекрасно служившего на Линии в 1801-1803 гг., а в 1804г. «прозевавшего» свою смерть.

Г.И. Глазенап не стал дожидаться новых нападений, и как только отряд был готов к выступлению, 9 мая он переправился через реку Баксан. Войска насчитывали 1750 чел. пехоты, драгун и казаков, в числе которых были донские, хоперские и кубанские. Целых полков не было, а это были отдельные части, выделенные из них (41). В данной ситуации указать какого полка были донские казаки - пока тоже не представляется возможным.

Глазенап едва только успел расположиться лагерем, как на равнине, в 9 км. от него, показалась конница кабардинцев численностью около 800 чел. Она быстро увеличивалась и скоро достигла 1500 чел. Г.И. Глазенап направил навстречу этой коннице майора Лучкина с 350 казаками-линейцами (42). «Чего вы хотите?» – спросил Лучкин, подъезжая к кабардинцам, но те ответили выстрелами. Казаки тоже стрельнули по ним, завязав перестрелку. Для подкрепления Лучкина был отправлен с отрядом драгун генерал-майор Леццино. Кабардинцы стали отступать, а потом обратились в бегство. Генерал-лейтенант Г.И. Глазенап перевел отряд к реке Чегему, расположившись на левом ее берегу. На другой день, в то

самое время, когда русский отряд тронулся из лагеря, чтобы следовать далее, кабардинцы прислали своих депутатов, которые согласились на все требования русских, просили остановить движение в их пределы хоть на одни сутки.

Г.И. Глазенап, будучи человеком совершенно новым на Кавказе и не знакомым с горским вероломством, согласился на эту просьбу, но через три дня, вместо того, чтобы видеть у себя владельцев, прибывших для выборов судей, получил от них письмо, что кроме духовного суда с кадием они другого правления не хотят и предоставляют Глазенапу поступать с ними так, как он хочет. Удобное время для удара было упущено, кабардинцы успели скрыть свои семьи и вызвали помощь с гор. Глазенап решил силой заставить кабардинцев выполнить русские требования. 14 мая, оставив в лагере, под прикрытием донских казаков, все тяжести, переправился вброд, с большим трудом, через Чегем. Бесперывные и проливные дожди сделали все горные реки очень глубокими и по быстроте течения неудобными для переправы, но отряд очень скоро перешел реку (43).

Моздокские, волгские, хоперские и кубанские казаки составили авангард, за которым следовал остальной отряд. Пехота шла двумя каре, между которыми в две линии двигались по четыре эскадрона драгун. Пройдя 6 км. от переправы, отряд встретил неприятеля под защитой гор и лесистых ущелий, где протекали реки Чегем, три Шалухи и еще несколько болотистых ручейков, берега которых были густо населены аулами. Кабардинские владельцы выслали вперед своих узденей, которые и завязали перестрелку с линейными казаками. Все аулы, которых было более 12, оказались приготовленными к обороне, в них расположены были многочисленные засады, перекопы и баррикады из арб, наполненных камнями. Число собравшихся для защиты доходило до 11000 чел. Здесь были кабардинцы, чеченцы, балкарцы, карачаевцы, осетины. Их пришлось

выбивать штыками, при поддержке ружейного и орудийного огня. Аулы были сожжены. Бой продолжался в течение 7 часов. В 6 часов вечера все стихло: 12 аулов Куденетовых и один Гирея – главных руководителей движения – догорали, а их жители бежали в горы и ущелья. Отряд возвратился в свой лагерь, и Г.И. Глазенап собирался, дав отдых войскам, следовать далее, но 19 мая к нему явились владетели, уздени и эфендии Большой Кабарды, выражая полную покорность и просьбу о пощаде (44)...

Генералу Глазенапу они сообщили, что для общего блага и спокойствия своего они выбрали уже судей, но просили отсрочить на месяц открытие судов, под предлогом того, что им необходимо построить дома, вместо сожженных, возвратить семейства своих подданных и скот, скрытый в ущельях. Действительно, в Малой Кабарде судьи давно были уже выбраны, но они боялись вступить в должность, т.к. смотрели на то, что происходит в Большой Кабарде. Пойдя навстречу просьбе представителей Большой Кабарды, Г.И. Глазенап 22 мая возвратился в крепость Прохладную и распустил свой отряд.

Создавалось впечатление, что кабардинцы окончательно подчинились и коль скоро судьи избраны, то и народные суды заработают, а как следствие этого прекратятся и набеги на Линию. Однако это была только видимость. Мало того, к лету 1804г. стало беспокойно и в самой Грузии. Многие жители и князья, враждебно относящиеся к России, видели, что открыто уклониться от соблюдения договора с Россией невозможно. Видели это и царевичи Александр, Юлон, Парнаоз и сознавали, что им невозможно открытой силой достичь желаемого – освободить Грузию из-под власти России. Они решились действовать тайно, при помощи интриг подговаривая грузин к волнениям, тем более что их легко можно было поднять, используя злоупотребления мелких чиновников, которые возбуждали в народе всеобщую ненависть к представителям русской власти в Грузии. Царевичи надеялись этими действиями хотя бы на время

приостановить действия П.Д. Цицианова против членов бывшего грузинского царского дома.

Самодурство земской полиции, введенной на вновь присоединенной территории русской администрацией, необдуманные и идущие в разрез с традициями народа распоряжения и, наконец, жестокое обращение были поводом к восстанию горских племен, подвластных Грузии, в частности осетин, и волнениям в самой Грузии. Спокойствие еще сохранялось, пока князь П.Д. Цицианов находился в Тифлисе. Однако вспыхнувшая русско-персидская война 1804-1813 гг. вынудила вскоре его оттуда удалиться. Персия, подстрекаемая Англией, 23 мая 1804г. в ультимативной форме потребовала немедленного вывода русских войск из Закавказья, а когда ультиматум не был принят, 10 июня начала военные действия. Главные силы персов под командованием принца Аббас-Мирзы сосредоточились в районе Эривани. В середине июня отряд генерала С.А. Тучкова нанес поражение врагу в районе Гумры, а Цицианов, вторгшись в пределы вассального Персии Эриванского ханства, 30 июня разгромил 27-тысячную армию Аббас-Мирзы у Канагира. Русские войска осадили Эривань...

И вот это выступление части войск из Грузии во главе с Цициановым к Эривани стало сигналом к волнениям почти во всей Грузии. Осетинские племена, жившие по Арагве, были непомерно обременяемы требованиями проходивших по Военно-Грузинской дороге войск. Им не выдавали задельной платы и снова выгоняли на работу, причем обращались с ними весьма жестоко. Ананурский пристав мало того, что наносил обиды и оскорбления осетинам, подчиненным его власти, но часто и истязал их. Пример такого бесчеловечного отношения к мтиулетинцам (ветвь осетин – А.З.) мы можем видеть в рапорте генерал-лейтенанта Волконского (новый гражданский управитель Грузии вместо «подельника» Кнорринга 2-го П.И. Коваленского) князю Цицианову от 9 мая 1804г.: «Прибыл он перед сим в

Жамури, поймал осетинцев и, наливши в корыто, в коем кормят собак, молоко и, побив кошек, поклат в него ж, да также наложил туда кал человеческий и тем их накормил» (45).

Естественно, такое обхождение вызвало ответную реакцию: когда пристав захотел обесчестить понравившуюся ему девушку из местного населения, осетины лопатами его убили. Все жители, жившие по реке Арагве, в ущельях Чартальском, Гудомакарском, Хандовском и Мтиулетском отказались повиноваться русской администрации. Признавая над собою власть русского императора, они заявили, что не в силах и не будут больше повиноваться поставленным им над ними правителям.

Восставшие прервали сообщение Кавказской линии с Грузией, уничтожили все мосты в Дарьяльском ущелье, забросали большими деревьями всю дорогу от Кайшаура до Ананура, убивали всех проезжих и, наконец, в самом Кайшауре вырезали казачий пост, состоявший из 17 человек (46). Какого они были полка – сейчас тоже установить трудно, но в силу того, что известно то, что посты на Военно-Грузинской дороге занимали донские казаки во главе с атаманом П.П. Поповым 3-м, то это могли быть казаки или его полка, или Данилова 1-го, т.к. известно, что именно эти полки охраняли дорогу в 1803-1804 гг. ниже Владикавказа.

Отряд осетин в 1000 чел. появился у Коби, где разграбил находившийся там провиант и разные запасы. Другой отряд, около 4000 чел., подошел к Анануру и, остановившись в 3 км. от города, требовал, чтобы комендант Ананура вывел войска из города, а если тот не согласен, то чтобы объявил о том жителям, чтобы они его оставили, т.к. собравшиеся намеревались атаковать его (47).

Генерал-лейтенант Волконский пообещал заплатить деньги за работы по очистке дороги, думая этим успокоить осетин, но это не подействовало. Князь Волконский не знал осетин, а те не знали своего нового правителя. Осетины толпами ходили по хевсурским деревням и уговаривали жителей

к совместному восстанию против русских. Многие пробрались к тушинам и пшавам, среди которых тоже нашли желающих соединиться с ними. Пшавы и хевсуры хвалились: «кровью тех, у кого у одеяния обрезаны полы и назади разрезано, (намек на русский мундир – А.З.), мы довольно покрасим реку Арагву» (48). Будучи человеком новым на Кавказе, князь Волконский надеялся удержать колеблющихся не силой оружия, а деньгами. Он отправил пшавам 1000 руб., думая этим отклонить их от союза с осетинами. Пшавы приняли деньги, обещали не воевать с Россией, но на самом деле поддержали осетин. Восстание горцев все более усиливалось и распространилось по рекам Большой и Малой Лиахвам, впадающим в Куру. Тагаурцы (одна из ветвей осетин) тоже поднялись.

В хорошо разгоревшийся огонь восстания снова подбросили свои поленья грузинские царевичи Юлон и Парнаоз. Узнав, что русские войска скоро займут Имеретию, они 3 июня 1804г. оставили ее и пробрались по Картахской дороге в Баржомкое ущелье, куда прибыли ночью на 8 июня. Отсюда они думали переправиться через Куру и пробраться одному в Осетию, а другому к мтиулетинцам, по пути встречаясь с некоторыми князьями Картли. В случае неудачи, оба царевича хотели соединиться с братом Александром. У селения Пролосено, ночью, приехали они к реке Куре, но по невозможности переправиться, отправились к деревне Гогиасцихе.

Там они прождали три дня и за это время наслушались слухов о том, что князь Цицианов окружен персами под Эриванью, что жители селений по Арагве взбунтовались и что для их подавления посланы князья Эристовы и что теперь настало самое время для исполнения их планов. Царевичи снова пытались переправиться через Куру, но неудачно, а потому приехали в осетинскую деревню Орсини. Один из них собирался остаться на Арагве, для поддержки восстания, а другой думал отправиться в Дагестан для набора войск.

Незадолго до 12 июня донскими казаками полка Щедрова 2 – го в сел. Карели (со стороны Грузии) были пойманы 4 человека из отряда царевичей Юлона и Парнаоза, намеривавшихся пробраться через Куру в Грузию для поднятия восстания. С них были сняты допросы, результаты которых 12 июня были направлены комендантом Гори майором Рейхом генерал – лейтенанту князю Волконскому 3 – му (49). Вместе с этим майор Рейх дал распоряжение командирам рот, занимавших пограничные посты, выставить секретные пикеты для наблюдения за царевичами и их людьми. Им был также дан приказ: в случае начала каких-либо враждебных действий царевичей и их людей против России всех их арестовать. Наиболее вероятными действия царевичей считались в зоне расположения роты 9-го Егерского полка под командованием штабс-капитана Новицкого, дислоцировавшейся в Цхинвале. Поэтому ей были даны более конкретные указания. Вскоре донцы захватили еще 3 человек из свиты царевичей: князя Соломона Амiredжиби и дворян Карумидзе и Молозанова. Есаул К.С. Кондрашов, командовавший пикетом казаков полка Щедрова 2-го в этом районе, допросил их и рапортовал майору Рейху, что царевичи со своими людьми прошли через урочище Перангу к границам Имеретии. Рейх послал за ними милицию из осетин на русской службе во главе с князьями Мочабеловыми, но преследование ничего не дало. Распоряжение о учреждении секретных постов было дано теперь не только егерям, но и войсковому старшине И. И. Щедрову 2-му (50). И опять было подтверждено требование «стараться сколько можно о поимке их» (царевичей – А.З.). И вот 24 июня это «старание» увенчалось определенным успехом. 40 егерей из роты штабс-капитана Новицкого, во главе с ним, «с небольшим числом казаков Донского Щедрова 2-го полка, при есауле Кондрашове» (51), углубившись на 40 км. в пределы Имеретии, схватили караульных отряда Юлона и Парнаоза (52). Почему стали считать, что казаков было «небольшое число» – неизвестно, потому что в

окончании рапорта П.Д. Цицианов приводит следующую просьбу: «команде же его начальства (т.е. Новицкого), т.е. егерям и казакам, коих состояло **не более 100 человек**, повелеть выдать по 2 руб. на человека из экстраординарной суммы, при мне находящейся» (53). То есть, если известно, что егерей было 40, то теперь становится известным и **количество казаков – 60!!!** Это больше половины отряда Новицкого, поэтому словечко «небольшим» здесь неуместно! Про это «небольшое количество» пишет и Н.Ф. Дубровин (54), и ряд других исследователей, да и сам П.Д. Цицианов начал с этого, сделав потом очень ценное дополнение, позволяющее судить о соотношении числа егерей и казаков...

Допросив взятых караульных, есаул Кондрашов и штабс-капитан Новицкий узнали, что царевичи находятся в урочище Шагорбели-Ивели. Русские разделились на 2 группы – казаки бросились направо, а егеря – налево и, пройдя густой лес, напали на лагерь отряда царевичей. В дальнейшем сообщения различных источников и монографий некоторым образом расходятся. В рапорте П.Д. Цицианова, а вслед за ним и в монографии Н. Ф. Дубровина, дается следующая трактовка событий: «казаки бросились направо, а штабс-капитан Новицкий с егерями налево и, пройдя густой лес, напали на их лагерь, где чуть было егери, бросившись на штыки, царевича Юлона не убили, если бы шт.-кап. Новицкий их не удержал, и тут взяли его и дворянина Абзадзе, которого царевич Юлон, с позволения шт.-кап. Новицкого, послал уговаривать брата и детей своих о возвращении в Грузию; другого же царевича Парнаоза и прочих с ним бывших по густоте леса поймать не могли. При сем случае с нашей стороны убит 1 егерь и ранен казак; из партии же царевичей убито около 20 человек» (55).

Как видим, в этой интерпретации места казакам не нашлось: все делают егеря, вплоть до взятия Юлона в плен. Но есть послужной список есаула Клима Селивановича Кондрашова, где сообщается следующее:

«июня 24-го при поиске бежавшего за границу грузинского царевича Юлона в урочищах Чагубии (Шагорбели) и Ивели, которого по нахождении и поймал и представил по команде куда следовало с находившимися при нем, а равно и против других таковых хищнических набегов в действительных сражениях неоднократно находился...» (56). То есть, здесь мы видим совершенно другое изображение событий: Юлона поймали донские казаки, что вполне могло быть, т.к. мы только что выяснили, что их было 2/3 отряда, что именно они могли быстро прочесать лес. А то, что Цицианов выделил пехотного офицера перед казачьим – это обычная практика русской армии того времени, когда много донских подвигов стало приписано общевоинским офицерам.

Не помогло здесь и то, что Новицкий был штабс-капитаном, а Кондрашов уже есаул (т.е. капитан – на один ранг служебной лестницы был выше – А.З.), но в подчиненных, по служебному положению, оказался именно есаул. Эта «второсортность» казачества отразилась даже в награждении главных героев, представляемых на царское рассмотрение Цициановым: «Важность сего приобретения (царевича Юлона), посредством коего должна исчезнуть в Грузии надежда неблагомыслящих, на царевичей бывшая, налагает на меня обязанность, предать Высочайшему и милосердному воззрению В.И.В. отважный и решительный подвиг шт.-кап. Новицкого, влекущий за собой столь благоприятные последствия, всеподданнейше испрашивать в воздаяние и поощрение ему повышения чином и ордена св. Аны 3-й степени и есаулу Кондрашову Высочайшего повеления **выдать медаль**, из имеющихся у меня золотых за усердную службу на красной ленте...» (57).

Почему, сделавши для поимки царевичей больше чем кто-либо из находившихся в этом отряде, К.С. Кондрашов получил видимо меньшую награду? Это опять проистекает из обычаев российской императорской армии, царивших в ней в начале XIX в. В сборнике Н. Полякова и М.

Жирова читаем: «С первых дней своего существования орден св. Георгия занял особенное почетное место, а кавалеры этого высокого ордена сохраняют и до настоящего времени (1911г.-А.З.) особенные преимущества и записываются на мраморных досках в Большом Московском Кремлевском дворце. Император Павел 1 не награждал орденом св. Георгия, заменив его Мальтийским крестом Иоанна Иерусалимского, но императором Александром Павловичем в 1801 году орден св. Георгия снова был восстановлен. Со времени учреждения ордена св. Георгия и до **1807 года**, как видно из списка, не особенно много донцов было награждено этим орденом за свои боевые подвиги, но это объясняется тем, что **этой награды удостаивались лишь те донские офицеры, которые были производимы в чины регулярной нашей армии**; те же офицеры, которые имели чины войсковые (хорунжие. сотники, есаулы и т.д.) до 1798г. правом на получение всех орденов не пользовались, а за боевые их отличия они были награждены или серебряными или золотыми медалями с портретами (и вензелевыми изображениями) Императоров и Императриц» (58). Иными словами, если вдуматься в смысл этих строк, то К.С. Кондрашев мог быть и представлен князем П.Д.Цициановым за свои подвиги и к награждению орденом св. Георгия, да «рылом не вышел», ибо хотя с 1798г. чины казачьи были приравнены в правах с общеармейскими офицерскими, но как видим, не на все ордена имели право. То есть, перед нами двойное ущемление донских офицеров в лице есаула К.С. Кондрашова – и в начальнических правах: хотя чин выше, но подчинен низшему офицеру регулярной пехоты; и в наградных, выразившихся в награждении не орденом, а только золотой медалью.

Во всяком случае, отсюда следует, что честь поимки в плен царевича Юлона, одного из главных зачинщиков Кавказской войны, все время будировавшего нападения лезгин на Грузию и осетин на Военно-

Грузинскую дорогу, принадлежит донским казакам и лично есаулу К.С. Кондрашову, как это становится видно из его послужного списка. Само это событие не имеет прямого отношения к нашей теме, т.к. происходило в Грузии, но косвенно к ней относится, ибо царевичи пытались в очередной раз поднять осетин. Мы даже не можем подсчитать участвующих в операции по поимке царевичей 60 казаков к общему числу участвующих в войне с горцами, т.к. в отряде Юлона и Парнаоза были грузины, а не горцы. Однако сама поимка Юлона в войне с горцами имела большое значение...

Юлон был привезен в Тифлис, где содержался под строгим надзором, а Парнаоз сумел скрыться в густоте леса и казаки его не нашли. После этого он все же пробрался к осетинам и старался поддержать их восстание. Он рассылал повсюду письма, подбивал на выступление князей и народ, звал грузин в свои ряды, хвалился что располагает значительным числом войск, хвастался своими победами над русскими и обещал взять в скором времени Тифлис. Восставшие длительное время осаждали Стефан-Цминды и после упорного боя крепость ими была взята. Все оставшиеся в живых солдаты и донские казаки были взяты в плен и ограблены. Этот успех ободрил осетин и привлек в их ряды еще несколько тысяч новых ополченцев из окрестных селений (59).

Парнаоз на этом не остановился: он все же съездил в Дагестан и привел оттуда 600 лезгин, с которыми опустошал окрестности, о чем содержатся сведения в рапорте прапорщика Конанова князю Цицианову от 18 июля 1804г. (60).

На это время приходится и трагедия гибели полка войскового старшины Рышкина, который, судя по послужным спискам младших офицеров полка, вышел на Кавказскую линию 1 мая 1804г. (61). Направлен он был во Владикавказскую крепость. Прибыло туда почти штатное количество людей: 1 штаб-офицер (сам командир полка), 8 обер-офицеров,

10 старших урядников, 5 младших, 1 писарь и 536 казаков (62). Из них больных было: сам командир полка, 1 младший урядник и 32 казака; 1 обер-офицер, 1 старший урядник и 25 казаков были отправлены для приема жалования в Екатериноград и для прикрытия колонн в Моздоке были направлены 1 старший урядник и 50 казаков (63). Итого из числившихся налицо вычиталось 112 чел. Оставалось в строю: 561 чел. – 112 = 449 чел. Из них обер-офицеров было 7, старших урядников 8, младших – 4, полковой писарь – 1, казаков – 429 чел. (64). Из всего этого можно сделать вывод, что в Грузию из Владикавказа 30 августа полк вышел без полкового командира войскового старшины Лариона Ильича Рышкина 1-го, **который был болен**, что явствует из строевого рапорта полка в момент прибытия его с Дона во Владикавказ и таковым же числился при выходе полка в Грузию (65).

Случившееся с полком несчастье Н.Ф. Дубровин описывает следующим образом: «Жадные до всякого рода добычи горцы напали на донской Рышкова (Рышкина) полк, отправленный по требованию князя Волконского с Кавказской линии в Грузию с 80-ю человеками рекрут и следовавший по чрезвычайно трудной дороге. Полк потерял всех рекрут, лошадей и **почти половину старых казаков взятыми в плен**. Впоследствии осетины приводили казаков к русским постам и по распоряжению правителя Грузии получали за них выкуп» (66).

А вот как описывает те же события В.А. Потто: «Во Владикавказе находился в то время донской казачий полк Рышкова (Рышкина?-А.З.), который дожидался только спада вод в Тереке, чтобы пройти в Грузию. В эту пору общей смуты и неудач Цицианова под Эриванью, Грузия казалась находившейся в последней крайности, и князь Волконский приказал этому полку как можно поспешнее пройти в Закавказье, избрав для того путь по Куртонскому ущелью, по уверению жителей, безопасный. Осетины напали на полк в Девдоракской теснине и нанесли ему тяжелое поражение. Полк

потерял всех своих лошадей и половину людей; шедшая с ними рекрутская партия потерпела также значительный ущерб» (67).

Вышеприведенные данные несколько разнятся друг от друга, но в то же время и дополняют взаимно несказанное у каждого автора. Длительное время всю ответственность за эту неудачу возлагали на командира полка. Но мы уже установили, что он в это время был болен. Осложняет выявление истины и то, что и Н. Ф. Дубровин, и В. А. Потто, которые в своих трудах зафиксировали данное событие, не указали конкретной даты случившегося. Мало того, не можем мы встретить этой даты даже в самом послужном списке войскового старшины Лариона Ильича Рышкина, написанном в 1804г., когда ему было 43 года от роду. Происходил он из старшинских детей Войска Донского, уроженец Верхне-Каргальской станицы. Умел читать и писать. Был женат, имел 3-х сыновей и 1 дочь. Участвовал в походах донцов в 1783-1785 гг. под руководством войскового атамана Иловайского против горцев, подавляя движение шейха Мансура. С 1785 по 1787 гг. служит на реке Ее, содержа кордоны против горцев. С 1787 по лето 1792 г. – на административных должностях по Войску Донскому, а с 1792 по 1796 – в Польше, воюя с конфедератами. В 1797г. – на административных должностях в Войске, а с 15 мая 1798г. по 1800г. в походе и нахождении 22-х донских полков в Пинске. **С 1800 по 1803 г. был болен** и в силу этого **уволен в отставку со службы**, но в 1803г. снова поступил на службу. И вот начинается «Кавказский период» с 1804г., в котором, как ни странно, не указана ни одна дата: « 804-го командирован с полком в Грузию, где при сражениях был: именно на речке Сунже против тагаурцев, два раза в Балтийском ущелье с жирахами и начальником их Даруком (Дударуком ??- А.З.), в двух сражениях в Коби с осетинами и с бунтующими грузинами во Осетии по реке Лиахве, с осетинами в трехкратном сражении, и при взятии штурмом четырехбашенной деревни...» (69). По чести говоря, последняя часть списка не очень

понятна. Очевидно, сражение на речке Сунже с тагаурцами надо отнести еще к той поре, когда полк находился во Владикавказе, до выступления в Грузию, а сражения в Балтийском (Балтинском – А.З.) ущелье с жирахами и Дударуком (сама трактовка, значащаяся в послужном списке неверна: Дударук был начальником тагаурцев, а не жирахов – А.З.), произошло уже после трагедии, а также и все остальные бои, поименованные в списке далее, вплоть до непонятного штурма четырехбашенной деревни... Это, в принципе, подтверждает версию о том, что в период злополучного боя Ларион Ильич Рышкин был болен и оставался во Владикавказе, ибо если бы он командовал полком, то как ветеран боев с шейхом Мансуром не позволил бы такого избиения своего полка, зная тактику действий горцев.

Некоторые нюансы этого боя можно вычленить из послужного списка поручика полка Рышкина Григория Яковлевича Трапина. Происходил он из офицерских детей Войска Донского из ст. Ведерниковской. Умел читать и писать. Имел 43 года от роду. Был женат и имел сына Василия, служившего тогда уже хорунжим (70). Начал служить с 1772г. на Кубани, где в боях с закубанскими горцами провел время до 1787г. (15 лет). Далее участвует в войне с Турцией в 1787-91 гг., но тоже после боев в Крыму, сражается под Анапой. В 1792-94 гг. воюет против польских конфедератов. С 1794г. по 1800г. занимает административные должности по Войску Донскому. В 1801г. в составе Атаманского полка участвует в Оренбургском (Индийском) походе Войска Донского. В 1802-1803 гг. – на административных должностях на Дону. О службе же на Кавказе сказано: «1804-го мая 1 определен в полк войскового старшины Рышкина, который при выступлении августа 30 из Владикавказа в Грузию **по Куртонской дороге был разбит в самом тесном ущелье** при реке Большой Лиахве, где и лишился всего экипажа, но как я бывший больным, шел впереди с авангардом, то по отрезании от полка неприятелем, по многом сопротивлении, взят с прочими офицерами, казаками и рекрутами в плен, и

по выкуплении из одного находился по 12-е ноября в Грузии» (71). Мы видим из послужного списка Г.Я. Трапина, что это был опытный кавказский боец, прошедший почти всю свою жизнь в боях с горцами с перерывом разве что на 2 года, когда он воевал в Польше. Однако и он был болен, что отразилось на ходе боя. Казаки приняли меры предосторожности, что выразилось в выделении авангарда во время движения, о чем пишет сам Трапин, сообщая о том, что он следовал в нем (непонятно, однако, почему больные следовали в авангарде, а не в обозе? – А.З.). Это дало им возможность оказать врагу «многое сопротивление». Однако все они оказались пленены осетинами. Г.Я. Трапин оказался и в числе выкупленных, о которых сообщал Н.Ф. Дубровин, говоря, что «осетины приводили казаков к русским постам и по распоряжению правителя Грузии получали за них выкуп». Мы видим на примере судьбы поручика Г.Я. Трапина всю тяжесть положения попавших в данную ситуацию казаков полка Рышкина, сделавших все, чтобы выйти с честью из создавшегося положения, но оказавшихся в плену.

Есть еще сведения о этих боях в конце августа-начале сентября 1804г. в послужном списке есаула и кавалера Ивана Павловича Чернова, тоже служившего в полку Рышкина 1-го. Происходил он из казачьих детей Войска Донского, станицы Ведерниковской. Умел читать и писать. Был женат и имел дочь (72). В 1782г. участвовал в подавлении выступления татар в Крыму. В 1784-85 гг. – в походе Войска Донского на Кубань. В 1787-1791 гг. – в войне с Турцией, а в 1792г. – в боях в Польше, но получив серьезное ранение, прибыл на Дон на излечение. В 1798-99 гг. содержал кордоны на Днестре, а оттуда был направлен в корпус А.В. Суворова, с которым участвовал в Итальянском и Швейцарском походе. В 1800-1802 гг. служил на административных должностях на Дону. О Кавказе сообщается: «1804-го в Грузии, во время следования в Кавказских горах против горских черкесов, июля 12-го за селением Балтою при реке

Текуте, от одного ущелья при мостах, июля 17-го у Артауле, августа 19-го с ингушевцами, сентября 1-го Куртонским ущельем с неповинующимися в пропуске горскими кордонами. Того же месяца 3-го при выходе из Зихимского ущелья на вторую снеговую гору, в ущелье Большой Лиахвы, а затем в четверодневной атаке, из коей для переговору неприятелем вызван и был оными ограблен всем находившимся при мне платьем, оружием и пожалованной саблей, исключая бывшего на ней ордена» (73). Можно сделать вывод, что И.П. Чернов тоже был человек не робкого десятка, имевший опыт боев с горцами, прошедший школу суворовских походов. Что говорит в его пользу, так это то, что в ходе избиения казаков в Куртонском ущелье 30-го августа – 1 сентября он не попал в плен, а остался в строю и как старший начальник пытался вывести казаков из западни через Зихимское ущелье 3-го сентября. Очевидно в ходе «четырехдневной атаки» пробиться не удалось, он был вызван на переговоры о пропуске, но горцы, издеваясь, его просто ограбили, даже не взяв в плен. Пришлось заслуженному офицеру пройти и через такой позор! Каждый из оставшихся в строю казаков его испытывал по-разному. Но на этот период им не помогли ни опыт суворовских походов, ни опыт боев с горцами, ни выставленный вперед авангард: горцев было слишком много, они внезапно напали – и полк потерпел жестокое поражение.

Результаты боя были плачевны. Из выступивших из Владикавказа в Грузию 30 августа 7 обер-офицеров, 8 старших и 4 младших урядников, 1 писаря и 429 казаков в сражении с осетинами было убито: 2 обер-офицера, 2 старших и 1 младший урядников, 1 полковой писарь и 97 казаков; без вести пропали 43 казака (74). Итого боевых потерь получаем 146 чел. Осталось в строю: 449 чел.- 146 чел. = 303 чел. Но и они малогодились к бою, т.к. без оружия, лошадей и денег оказалось 3 обер-офицера, 3 старших и 1 младший урядников и 180 казаков; с оружием, но без лошадей: 1 обер-офицер, 4 старших и 1 младший урядников и 95 казаков.

Некоторые, в течение времени, сами сбежали из плена или удалось выручить: 1 обер-офицера и 14 казаков. Было изувечено горцами: 1 обер-офицер, 1 младший урядник и 29 казаков (75).

В связи с постигшим полк поражением из Владикавказа в Грузию прибыли оставшиеся там части полка для его пополнения. Прибыл и командир полка, войсковой старшина Л.И. Рышкин, неизвестно – выздоровевший, или еще больной. Теперь обер-офицеров конных и вооруженных числилось 6, старших урядников 9, младших 3 и казаков 206. Конных, но не вооруженных числилось 84 казака, а пеших, невооруженных, в том числе и увечных 64 казака (76). По сути дела для нормальной службы оставалось: 1 штаб-офицер, 6 обер-офицеров, 9 старших и 3 младших урядников и 206 казаков: **всего 225 чел.** Такого избиения донцы не испытывали еще никогда!

Как ни печально было это событие, но оно еще не делало погоды. В этот же период (лето – осень 1804г.) идет интенсивная присылка казачьих полков с Дона в связи с разгорающимися восстаниями в Осетии и в Кабарде. Силы для их подавления требовались экстренно, что привело к большой концентрации донских воинских частей именно в этих районах. Мало того, для действий в Осетии прибывает новый походный атаман, т.к. в это время И.И. Кошкин 1-й заболел и все время просил его сменить. Просьбу решили уважить, но пока увольнение Ивана Ивановича утверждалось наверху, он фактически продолжал числиться на должности походного атамана, хотя сменщик уже прибыл. Им был уже знакомый нам по службе на Кавказе в 1799-1802 гг. **полковник Василий Андреевич Быхалов 1-й.** Это уже **4-й из выявленных нами походных атаманов** на Кавказе с начала войны с горцами. Как же сложилась его дальнейшая жизнь после прибытия на Дон с Кавказа? В том же 1802г., 18 июля, он был назначен в Аксайском сыскном начальстве начальником учрежденных тогда в Войске Донском нижнего и верхнего судов, на каковой должности

и находился до 1 мая 1804г. А с этого времени и «был командирован на Кавказскую линию атаманом над 6-ю под команду мне порученными донскими полками, из коих один состоит именем моим» (77), - как пишет он сам об этом.

Вместе с ним прибыл на Кавказскую линию еще один полк, с которым они проведут кампанию 1804г. в Осетии до конца: полк войскового старшины Акиндина Ивановича Аханова. В 1806г. ему было 62 года. Происходил из казачьих детей Войска Донского. Умел читать (об умении писать не сказано --А.З.). Был женат, но детей не имел (78). Числился по станице Бессергеновской (79). Службу начал казаком 8 мая 1759г., служа на Кавказе, в Кизляре. В 1766-1768 гг. воюет в Польше, а с 1769г. участвует в войне с Турцией до ее конца в 1774г. В 1775г. – во всеобщем походе Войска Донского к стороне Кубани. В 1781-1785 гг. содержал кордоны по Бугу, а с 1786г. снова в походе на Кубань против горцев. С 1788г. участвует в войне с Турцией на Дунае до окончания ее в 1791г. В 1792-98 гг. на Днестре, к стороне Черного моря, содержит кордоны. В связи с тем, что последняя его служба длилась непрерывно с 1781 по 1798 гг., то и «льгота» ему была дана вплоть до лета 1804г. А с 14 августа этого года он был командирован с казачьим полком на Кавказскую линию (80). Очевидно с этого времени следует считать и начало службы на линии и полковника В.А. Быхалова 1-го с его полком, т.к. у него в послужном списке сказано «вместе с полком Аханова», а конкретная дата не названа. Именно этим двум донским полкам и остаткам полка Рышкина 1-го и предстояло участвовать в подавлении выступления осетин и очищении Военно-Грузинской дороги для проезда с Линии в Грузию и обратно.

Действуют они, выполняя эту задачу с 1 сентября (81), т.к. с 14 августа очевидно только двигались с Дона на Кавказ. Решительные действия против осетин начались только с 19 сентября, а до этого была опять попытка уговорить их с помощью переговоров. Избегший плена царевич

Парнаоз, как известно, бежал к осетинам и восстание разгорелось с новой силой. Напрасно правитель Грузии генерал-лейтенант князь Волконский старался их успокоить, обещая прощение и даже щедрые льготы восставшим – осетины отвечали требованием очищения от русских всей Военно-Грузинской дороги. Волконский понял, наконец, размеры опасности и сам поспешил к Анануру, находящемуся в блокаде. За ним шел батальон Севастопольского полка под командованием шефа этого полка, генерал-майора Талызина. Но время было уже упущено. Несколько безрезультатных стычек не принесли изменения в положении, и войска возвратились в Тифлис, не выручив даже гарнизон Ананура. Слух же об отходе русских произвел тяжелое впечатление на дух других войск, что повлекло самовольное отступление другого батальона Севастопольского полка под командованием майора Мелло с реки Ломис, хотя нападали на него небольшие группы осетин. Покидал он свое расположение с такой поспешностью, что оставил горцам 3 орудия, составлявшие всю его артиллерию (82).

Оставление Ламисского поста открыло осетинам все Ксанские владения и путь в Картли. Отряды восставших доходили до Гори, опасность угрожала даже Тифлису.

Генерал Петр Данилович Несветаев, находившийся тогда во Владикавказе, понял, что вся сила осетин только в вызванной ими панике да в отсутствии со стороны русских единства действий и распорядительности. Он остался там в связи с тем, что Саратовский полк, которым он командовал, только что прийдя из России на Линию, был двинут в поход в Персию, а командир полка во Владикавказе должен был решить дела с его продовольствием и ряд других служебных надобностей. Но пока они решались, Грузия, в связи с восстанием осетин, оказалась отрезана и П.Д. Несветаев оказался без своего полка, «свободным генералом». И с теми незначительными силами, которые не находились

даже собственно под его командованием, но которыми он мог воспользоваться, генерал решил по собственному почину дать пример, как надо драться с осетинами. Необходимо было скорейшим образом восстановить сообщение с Грузией. С 6-ю ротами Казанского пехотного полка, находившимися во Владикавказе, он быстро двинулся в горы и, прежде чем неприятель опомнился, овладел Балтой, Ларсом, Дарьялом и, наконец, Казбеком (83). Так ситуация подается в изложении В.А. Потто. Получается так, что и боев никаких не было, и осетины все эти пункты сдали просто так – от одной неожиданности!

Из полслужных же списков В.А. Быхалова 1-го и А.И. Аханова вытекает совсем иная картина. Вот что пишет полковник Быхалов 1-й: «С приходом на Линию командирован с полком имени моего и еще другим, Ахановым, под командою генерал-майора Несветаева для очищения Грузинской дороги, и при начале вступления в 1-е Балтинское ущелье, от упоминаемого генерал-майора Несветаева отряжен был с 400 донских и гребенских казаков, двумя ротами Казанского мушкетерского полка солдат и двумя пушками вперед, с коими 19 сентября разбил засевшего в том ущелье бунтовщика из Тагаурских князей Дударука с его чвстию сообщников и совершенно ту ущелину очистил и замок одного бунтовщика сжег. 21 сентября сообщников того Дударука жираховских и магалских народов, в наказание коих также замки разбивши, сжег...» (84). Мы здесь снова встречаемся с князем Ахмедом Дударуком, который уже перекрывал движение по Военно-Грузинской дороге и в 1801, и в 1802 гг., но был жестоко наказан. Тогда ему удалось уйти от возмездия, отделавшись разорением только одного своего аула Чим (Чми, Чеми), а теперь донцы, совместно с гребенцами и пехотой, во главе с походным атаманом полковником В.А. Быхаловым 1-м окончательно разорили все его владения и сожгли родовой замок.

Пытаясь выяснить дальнейшую судьбу Дударука, мы в одной из своих работ заявили: « По непроверенным данным он (Дударук – А.З.) сам также попал в плен к казакам. Если этому верить, то можно этот факт поставить как еще один плюс донцам в участии их в Кавказской войне: пленение еще одного руководителя горцев, возглавлявшего тагаурских осетин в течение ряда лет» (85). На выступлении на конференции в Махачкале в 1998г. эта версия даже была обнародована как свершившийся факт (86). Но теперь эта, услышанная нами в разговоре на одной из конференций по проблематике Кавказской войны, непроверенная версия опровергается документами. Мы обнаружили , листая АКАК (т.11), сведения, что ему удалось бежать, и он скрылся в Персии (87), продолжая наносить вред России, тем более, что в это время уже полным ходом шла русско-персидская война...

Такие подробные сведения можно почерпнуть из послужного списка походного атамана. У войскового старшины А.И. Аханова сказано попроще: «19-го (сентября-А.З.) при разбитии засевшего в Балтинском ущелье бунтовщика Дударука с его сообщниками; 21-го и 22-го при занятии Жерахов и Маголцев и истреблении их замков» (88). Тоже самое можно встретить и в послужном списке выздоровевшего после разгрома своего полка и приехавшего к его остаткам войскового старшины Л.И. Рышкина, с которыми он и участвовал во всех этих боях: «два раза в Балтинском ущелье с жирахами и начальником их Даруком (Дударуком – А.З.)» (89). Вот и получается, что Балта была взята не просто так, а после двухразового боя, со всеми выходящими отсюда последствиями.

Дальнейшее изложение данных послужных списков донских командиров и монографии В.А. Потто тоже несколько рознится. Вот что сообщает послужной список походного атамана В.А. Быхалова 1-го: «затем (после разгрома жирахов и магольцев – А.З.) вручен мне от реченного генерала Несветаева передовой отряд, составленный из одного

полка имени моего и двух рот Казанского мушкетерского полка, с коим идучи впереди гор по ущелью, овладел местечками Дариалом и Казбеком, от мест коих сбил грузинского царевича Парнаоза, войско оного прогнал, а 11-го октября, при деревне Сионе разбил отряд, отправленный противу меня, от реченого грузинского царевича Парнаоза, положил на месте более ста человек и в плен живьем взял 55 чел., с их оружием...» (90). В изложении же В.А. Потто дело выглядит так, что до Казбека и не было никаких боев: «И только здесь (под Казбеком – А.З.) авангард его (генерал-майора Несветаева – А.З.), состоявший из одной роты Казанского полка и трех сотен спешенных донских казаков, под командой подполковника Быхалова, был атакован самим Парнаозом, спешно прибывшим от Ананура, но с честью отразил нападение. И пока Быхалов преследовал разбитого царевича по ущелью Терека, Несветаев захватил в свои руки Гудаурский перевал и, спустившись в Грузию, стремительно пошел на Ананур. На пути он получил известие, что капитан Матушевич, принявший команду над бывшим отрядом генерала Талызина, уже овладел Душетом и, разбив на Кейсхевских высотах главные силы осетин, подходит также к Анануру» (91). У В.А. Потто получается все слишком гладко!

Даже Н.Ф. Дубровин, при всем своем патриотизме и руссофильстве, не позволял себе такого. В его описании это тяжелый ратный труд: «Выступивши 17-го сентября из Владикавказа и следуя по нынешней Военно-Грузинской дороге, Несветаев на каждом шагу встречал сопротивление неприятеля. Авангард его, составленный из одной роты Казанского полка и 300 казаков, под командованием подполковника Быхалова, должен был брать штурмом по очереди: Дарьял, Ларс и Казбек. Царевич Парнаоз, узнавший о приближении Несветаева, собрал осетин для занятия селения Казбека, как стоявшего на самой дороге и по своему неприступному положению могшего представить весьма большие

затруднения для проходившего отряда. Быхалов предупредил намерение царевича и принудил его засесть в башнях селения Сион, откуда он был также вытеснен с потерей 100 человек убитыми и 55 взятыми в плен. Пройдя, таким образом, от Владикавказа до Ананура, Несветаев открыл сообщение России с Грузией, возобновил мосты по реке Тереку, исправил дороги и оставил у мостов небольшие команды, «дабы, - как доносил он, - при проходе войск не могли хищники, по-прежнему, разломать мосты» (92).

Мы можем сравнить описания боев, данные в трудах двух русских дореволюционных историков. Ни одно из них не удовлетворяет действительности. Во-первых, ни В.А. Потто, ни Н.Ф. Дубровин не упоминают о том, что В.А. Быхалов 1-й – походный атаман донских казаков. Во-вторых, и тот, и другой называют его подполковником, хотя, согласно всем его послужным спискам, с 22 августа 1799г. он уже полковник!!! В-третьих, силы его авангарда в описаниях двух историков гораздо меньше, чем указано в его послужном списке (у него – 2 роты Казанского полка, у них одна; у него 400 казаков, включая сотню гребенцев, а у Н.Ф. Дубровина – 300). В-четвертых, описание продвижения отряда П.Д. Несветаева даже у них не совпадает: у В.А. Потто – это бескровное взятие всех мест от Балты до Казбека, а у Н.Ф. Дубровина все эти населенные пункты берет даже не отряд Несветаева, а авангард Быхалова 1-го и при этом каждый – с упорного боя!

Можно найти некоторые несоответствия и между более точным описанием Н.Ф. Дубровина и послужными списками В.А. Быхалова 1-го и А.И. Аханова. Так, у Н.Ф. Дубровина говорится, что Ларс был взят авангардом Быхалова, а послужной список А.И. Аханова гласит: «Октября 1-го при укреплении Ларса...» (93), в то время, как послужной список В.А. Быхалова вообще не упоминает Ларса, а сообщает только о том, что он «овладел местечками Дариалом и Казбеком, от мест коих сбил грузинского

царевича Парнаоза...». Это опять наводит на очередное несоответствие. Очевидно, был выделен **второй передовой отряд**, но уже под командованием войскового старшины А.И. Аханова, который, совершенно независимо от авангарда Быхалова 1-го взял 1 октября Ларс. О том, что у него был отдельный отряд свидетельствует очередная цитата из его послужного списка, забегающая, правда, несколько вперед нашего изложения: « 4-го и 5-го (октября – А.З.) крепости Казбека (взятии- А.З.), 17-го при занятии Кашаурской горы и Телеугульского селения, где **я со своим отрядом** (!- А.З.) отыскал три российские пушки, а потом, очистивши Гудомакарьевские ущелины, в непрестанных с неприятелем сражениях...» (94). Наша догадка получает в этих словах свое косвенное подтверждение: после взятия Балты казачий авангард разделился на две части – одним отрядом командовал полковник В.А. Быхалов 1-й, вторым – войсковой старшина А.И. Аханов. И выполняли они уже разные задачи, направленные к разрешению одной цели: очищению Военно-Грузинской дороги...

Об окончании данной операции В.А. Быхалов 1-й в своем послужном списке сообщает следующее: «...при переходе на Кашаурскую гору войска того царевича (Парнаоза – А.З.) не показывались уже ко мне, разбежались, и всех деревень, состоящих при той горе по ущелью до самого Ананура жители, выходя ко мне, покорялись оружию Его Императорского Величества и на верность приводимы были к присяге. И в селениях их отысканы 3 российские пушки и принудил я вывести находившегося у них в плену российской службы майора Казбекова (по другим сведениям – Казбека – А.З.), а 29-го (октября – А.З.) главнокомандующим в Грузии генералом от инфантерии и кавалером князем Цициановым со отрядом, состоящим в 2-х казачьих полках и 6-ти Казанского мушкетерского полка ротам уволен обратно на Линию к врученным мне полкам. В воздаяние отличной храбрости при очищении Тагаурского ущелья, в пример войскам,

в поражении неприятеля оказанной, в 15-й день декабря того же 1804 года Всемиловейше пожалован кавалером ордена св. Равноапостольного князя Владимира 4-й степени и не взачет годовым жалованием награжден» (95).

Как мы видим, упоминание о трех найденных у горцев русских пушках у В.А. Быхалова тоже имеется (это и есть те 3 пушки, которые были оставлены на реке Ломисе батальоном майора Мелло в начале сентября 1804г. – А.З.), но это, очевидно, у него – общее место, т.к. А.И. Аханов называет более конкретное место их нахождения – Телеугульское селение. Это доказывает нам, что взял это селение и нашел пушки именно А.И. Аханов со своими казаками, что подтверждается также указаниями об этом низших офицеров его полка в их послужных списках, чего мы не встретим у офицеров полка Быхалова 1-го, где содержится об этом такое же общее упоминание, что и в послужном списке их командира. Однако, несмотря на это, вклад полка Быхалова 1-го в разгром осетинского восстания 1804г. конечно несравнимо выше, что мы и видим в том, что походный атаман получил высокую боевую награду – **орден св. Владимира 4-й ст.** Его полк принял на себя всю тяжесть движения в голове отряда генерал-майора Несветаева. Именно он брал Дарьял и Казбек, имея в поддержку всего две роты пехоты. Это действительно крупная заслуга!

Овладев Анануром, П.Д. Несветаев отправил небольшие отряды по разным направлениям и в несколько дней не только совершенно восстановил сообщение по всей Военно-Грузинской дороге, но и подавил выступления осетин во всех боковых горных ущельях. Участники восстания в Осетии в очередной раз вынуждены были просить у русской администрации пощады и принесли присягу. В отношении этого восстания, пожалуй, стоит не согласиться с оценкой вообще всех антирусских выступлений Осетии, данных М.М. Блиевым, что это были только выступления фрондировавшей с русскими властями феодальной

верхушки (отстаивались привилегии на Военно-Грузинской дороге) (96). Тут уже и причины восстания не те: во всяком случае вопрос о Военно-Грузинской дороге здесь – только частный случай. Здесь поднялся не один Ахмед Дударука, как в 1801 и 1802 гг., что действительно было связано с дорогой, а весь народ, который не смог более терпеть издевательства царских приставов и исправников, а также других чинов русской администрации. Поэтому и подавление выступления потребовало гораздо больше сил, чем в 1802г., когда для штурма аула Чим (Чми, Чеми) потребовались только 200 донцов и рота гренадер, а гораздо большие силы, причем один из казачьих полков (Рышкова) подвергся сокрушительному разгрому. Разгромлены были и многие гарнизоны русских укреплений. Восстание было подавлено через большие потери с той и с другой стороны, а это «фрондированием» уже назвать трудно!

Стремление М.М. Блиева не поднимать этот вопрос понятно – ведь он сам осетин и является ведущим историком Северной Осетии. Стремление сгладить национальные противоречия, всплывшие на основе распада СССР тоже понятны, но такие стремления дают в конце концов «приглаженную», «причесанную» историю, что опять несколько приукрашивает правду. Правда же такова, что народ Осетии в 1804г. поднялся в массовом масштабе, создав опасность ликвидации связи между Кавказской линией и Грузией в период развязавшейся русско-персидской войны. России нужно было восстановить эту связь для успешного продолжения войны с Персией – и она не поскупилась на кровь для достижения этой цели. Можно заметить, что восстание было коротким, но это оттого, что во Владикавказе оказался случайно генерал-майор П.Д. Несветаев, быстро разобравшийся в обстановке, за что Александр 1 пожаловал ему орден св. Владимира 3 ст., минуя 4-ю (97).

Если подвести итоги в плане численности донских казачьих частей, участвовавших в подавлении восстания в Осетии, то получим следующее:

полк Рышкова, избитый в засаде, выступил из Владикавказа в количестве 449 чел. Все исследователи повторяют, что в авангарде Несветаева шел В.А. Быхалов со своим полком и все, как один, называют цифру в 300 казаков. Мы сделали попытку уточнить количество казаков в этом полку. По нашему мнению, это был полк атамана, поэтому был доведен до относительно полного числа казаков. «Однако, это были уже полки, набираемые летом, в силу того, что прибыли на Кавказ они 14 августа. Поэтому даже для атамана, хотя его полк старались сделать больше по отношению к остальным, выходящим со сборного места, можно было набрать около 450 чел. Остальные же полки, прибывшие с ним на Линию 14 августа, могли насчитывать от силы по 350 чел.» (98).

Уменьшение количества казаков до 19 сентября в полку Быхалова 1-го можно объяснить тем, что по прибытии на Линию 150 казаков были уже распределены по постам, и когда генерал Несветаев собирал отряд, то в него попало 300 свободных от кордоной службы казаков. Полк же Аханова мог выступить и в количестве 350 чел., т.к. он самостоятельно в ходе боя, без поддержки пехоты, занял Ларс. Если посчитать общее количество донцов, участвовавших в боях в Осетии осенью 1804г., то получится: $449+300+350$ чел.= 1099 чел. Общая же численность донских казаков, участвовавших в боях с горцами на Северном Кавказе с 1801г. (+150 казаков, взятых из полка Быхалова 1-го на кордоны) получается: $5365+1249=6614$ чел.

Как последний штрих к описанию восстания в Осетии в 1804г. необходимо подать дальнейшую судьбу царевича Парнаоза. Он бежал к хевсурам и пшавам, прося их помощи для действий против Несветаева, но, получив отказ, пытался бежать в Персию. П.Д. Цицианов послал приказание всем пограничным начальникам стараться захватить его, что и удалось сделать на границе Казахской дистанции. В 40 км. от Тифлиса, на переправе через Куру в Демурчасалах, он был настигнут летучим отрядом

князя Томаза Орбелиани и захвачен в плен вместе с 30 кахетинскими князьями. Все они были перевезены в Тифлис и содержались под стражей. Но Парнаоз собирался бежать, что выяснилось из его перехваченного письма к родственникам. Поэтому 4 апреля 1805г. царевици Юлон и Парнаоз, вместе с их женами, детьми и свитой были отправлены в Россию. Местопребыванием для первого была назначена Тула, а для второго – Воронеж (99).

Не надо забывать, что одновременно с Осетинской эпопеей продолжалось восстание в Кабарде, которое по размаху было гораздо шире. И если в Осетии справились за 4 месяца, то Кабарда держалась гораздо дольше!

После разгрома, сделанного генерал-лейтенантом Г.И. Глазенапом в мае 1804г. на реке Чегеме, создавалось впечатление, что кабардинцы тоже прекратили сопротивление, что выразилось в кратковременном прекращении набегов на Кавказскую линию, избрании судей в Малой Кабарде и обещании сделать то же в Большой и снова создать народные суды. Однако это была только видимость... Кабардинцы и на этот раз не только не исполнили данных ими обещаний, но вскоре возобновили свои неприязненные по отношению к России действия. Дигорцы, одно из племен осетин, настроенные лояльно к русской администрации, стали подвергаться их нападениям. В силу этого дигорцы стали просить русское правительство о переселении их в пределы России. Посланный с отрядом для переселения 70 их семей генерал – майор Дехтярев был встречен на реке Урухе, близ Татар – Тупа, большой массой кабардинцев, которые после короткого боя вынудили его отступить к реке Малке. Этот успех очень ободрил кабардинцев.

Собравши наскоро отряд, генерал Глазенап двинулся на помощь Дехтяреву. 20 июня он выступил за реку Малку, затем переправился через реку Баксан и окружил селеня кабардинских владельцев из рода Бек –

Мурзы и Кайтуки. Кабардинцы, по уже принятой традиции, как только увидели у себя русские войска, тотчас же вступили в двойные переговоры: у русских они просили пощады, а у закубанских черкесов – помощи и содействия. Они опять обещали Г. И. Глазенапу восстановить родовые суды, возместить потерпевшим русским селениям награбленное и что не будут препятствовать выводу дигорцев, а сами отправили в это же время к закубанцам одного из влиятельнейших своих владельцев Рослам-бек Мисостова

Генерал Глазенап целую неделю вел переговоры с кабардинцами, а Рослам-бек, пользуясь ослаблением защиты на линии, водил отряды закубанцев для вторжения на русскую территорию. 27 июня он быстро появился среди лояльно относившихся к России абазинцев и, незамеченный русскими кордонами, переправил с правого на левый берег Кубани до 900 семей своих жейтемировцев и абазинцев. На следующий день он сделал то же с 54-мя аулами ногайцев, истребив неподчинившихся (100)..

Не довольствуясь этим, закубанцы под руководством Рослам-бека два раза атаковывали Кумский редут и отрезали все посты от Прочного Окопа до Констагнтиногорска. Георгиевск был приведен в оборонительное положение: его защищали 180 драгун и 30 пушек полевой артиллерии, случайно проходившей через город и задержанной тут на период набегов Мисостова (101).

Эти нападения на Кавказскую линию заставили Г.И. Глазенапа прервать переговоры, снова довольствуясь обещаниями, и поспешить для борьбы с закубанцами. Но как только он оставил берега Баксана, как среди кабардинцев появились несколько мулл и убедили их не заключать с Россией никакого договора, если они не хотят подвергнуться нападениям закубанцев. Собравшиеся для подписания договора владельцы разъехались по домам, и генерал-лейтенант Г.И. Глазенап вынужден был опять

возвратиться в Кабарду и 30 июня двинуться к Кыз-Бурунскому ущелью. Видя снова перед собой русские войска, кабардинцы опять обещали исполнить все русские требования, но Г.И. Глазенап, наученный уже опытом, не верил теперь их словам.

Турция и Персия одинаково старались поднять их против России, присылали к ним эмиссаров, воззвания, а главным образом деньги. В Кабарде, во всем Закубанье и даже в Осетии, тогда еще горевшей пламенем своего восстания, стало заметно изобилие золота и серебра, что, при отсутствии всякой промышленности, могло случиться только от ввоза денег извне. Оно так и было. Деньги разделили кабардинцев на два течения: одно соглашалось на все условия, продиктованные Россией, другое – ни на какие. Представитель враждебного течения, Рослам-бек Мисостов, продолжал весьма частые вторжения в пределы России, вырезал казачьи посты и разорял пограничные селения. Благодаря этому сообщение Линии с Грузией в северной части Военно-Грухзинской дороги также было прервано, как осетины его прервали в южной. Поэтому Г.И. Глазенапу, как начальнику войск Кавказской линии, приходилось прежде всего заботиться о восстановлении сообщения с Грузией. Александр 1 писал ему: «Возлагаю я на особенное попечение ваше употребить все нужные меры для скорейшего открытия сношений Кавказской линии с Грузией. Если к совершению предприятия сего сильною военою рукою нужно будет умножить войско на линии, то в оном случае имеете вы требовать пособия в командировании к вам надлежащего, по усмотрению вашему, числа полков, от войскового атамана генерал-лейтенанта Платова, коему на сей предмет и предписание от меня дано» (102).

Г.И. Глазенап торопился воспользоваться этим разрешением, т.к. недостаток войск на Кавказской линии был весьма ощутителен. На всем ее протяжении (от Кизляра до Земли Черноморского Войска) находилось

всего 3,5 полка пехоты и 4 драгунских, в которых был весьма большой некомплект в людях.

26 июля 1804г. на Линию прибыл Донской полк войскового старшины Грекова 20-го (103), который собирался позже, чем полк Рышкова, но тоже еще в относительно ранний период набора – поздней весной, - и поэтому мог насчитывать даже 500 чел. (104), т.к. Дон был еще «полнокровный» и очередь выхода казаков пока работала бесперебойно. Общий счет донцов, побывавших на Северном Кавказе с 1801г. вместе с этим полком достиг 7114 чел.

На личность командира этого полка стоит обратить особое внимание, т.к. в 1804г. ему исполнилось 64 года, и в таком преклонном возрасте он изъявил желание принять полк и отправиться ни много-ни мало на Кавказ, место, куда многие из донцов стремились не попадать! Это вызывает уважение к такого рода ревнителям казачьей славы. Происходил он из ст. Черкасской (105). Звали его Николай Васильевич. Из обер-офицерских детей Войска Донского. Умел читать и писать. Был женат и имел трех сыновей, бывших уже офицерами (106). Начал службу еще в Семилетнюю войну. В 1772-74 гг. сражается в Польше, продолжая служить там до 1778г., когда участвует в Сучанской экспедиции за Дунай против конфедератов, укrywшихся в Турции. С 1780 по 1789 гг. служит по внутренности Войска Донского, а с того времени – на Кубани, сражаясь с горцами и турками. В 1790-1800 гг. состоял на административных должностях Войска Донского, а после «льготы», с 20 мая 1804г. с вновь сформированным полком занимал кордоны на границе Земли Войска Донского с Черноморским Войском, чтобы не пропускать со стороны Кавказской губернии людей, т.к. там протекала эпидемия чумы. А после этого, с 26 июля он уже оказывается со своим полком на Кавказской линии, держа посты по Кубани (107).

Хотя на усиление русской конницы на Линии было отправлено с Дона 6 казачьих полков (те самые, походным атаманом над которыми был полковник В. А. Быхалов 1-й), но Г.И. Глазенап не особенно высоко их ценил, исходя из преклонного возраста Н.В. Грекова 20-го, который первоначально даже и не подчинялся Быхалову: «Донские войска, особенно вновь пришедшие полки, от неимения хорошего вооружения, да и лошадей, против здешних народов, упражняющихся всегда в военном действии, совершенно неудобны, кроме как содержать кордон, и то при каждом нападении всегда бывает важный урон с нашей стороны одних только донских казаков, как неимеющих особой способности действовать против здешних народов. Те только полки хороши, которые, прослужив здесь два года и будучи всегда в военной практике из необходимости исправились сами хорошим оружием» (108).

Недостаток сил и непрерывные вторжения кабардинцев препятствовали Глазенапу немедленно открыть сообщение с Грузией. Он был вынужден ожидать прибытия подкреплений и отражать нападения горцев. Собравши отряд в несколько тысяч человек, закубанцы и кабардинцы разъезжали по всей Линии, нападали на посты и табуны скота и лошадей, пасшихся возле селений. Стоявшие в них войска каждый раз выходили на их преследование, но или не догоняли, или, преследуя одних, давали возможность другим прорываться в места, оставленные без защиты. Сочувствующий России князь Айдемиров сообщил Глазенапу, что в этом большом отряде горцев, помимо кабардинцев находятся ногайцы и абадзинцы и что они все испытывают недостаток в хлебе. Голод был достаточным двигателем этого отряда горцев, и потому начальники дистанций Кавказской линии должны были ежеминутно ожидать переправы неприятеля на правый берег Кубани.

Для наблюдения за горцами был выставлен у Баталпашинской переправы отряд под командованием генерал-майора П.Г. Лихачева, из 6

рот 16-го Егерского полка, двух донских полков, 200 кубанских казаков и 4-х орудий.

Другой отряд, из 200 пеших драгун, 300 хоперских казаков с 4-мя орудиями, под командованием подполковника барона Бомбеля, был сосредоточен у Невиного мыса.

Третий, из 200 пеших драгун Борисоглебского полка, донского полка Селиванова с 4-мя орудиями, под командованием гегнерал-майора Дехтярева, стоял у Брыкской горы. Все три отряда входили в общее оперативное подчинение генерал-майору П.Г. Лихачеву.

Против кабардинцев, на левом берегу реки Малки, где чаще всего они переправлялись, стоял генерал-майор А.К. Мейер с тремя гренадерскими ротами Казанского мушкетерского полка, шефом которого он был, тремя гренадерскими ротами Вологодского полка и тремя казачьими полками. Последние содержали почти сплошные пикеты по реке Малке, начиная от Моздока и прямою чертою до Константиногорска (109). Различные другие пункты Линии были заняты мелкими частями войск (рота-две). Все они были необходимы для защиты данных пунктов и сняты с них быть не могли. Поэтому Г.И. Глазенап не имел в своем распоряжении ни одной свободной части, с которой мог бы двинуться на бой с кабардинцами и другими горскими племенами, жившими за Кубанью. Поэтому он просил о присылке новых войск и доносил, что без этого не может восстановить сообщение с Грузией.

Император Александр 1, придавая большое значение восстановлению сообщений с Грузией, приказал отправить из Крыма Троицкий полк и 12 орудий донской артиллерии в помощь Глазенапу (110). Ему было приказано, несмотря ни на какие обстоятельства на Кавказской линии, открыть сообщение по Военно-Грузинской дороге, для чего отправить в Дарьяльское ущелье войска. Что и было сделано с использованием генерал-майора Несветаева, который не только очистил дорогу, но и

подавил восстание осетин к концу октября, широко используя в авангарде два донских полка: Быхалова 1-го и Аханова. В этих боях донцы опровергли мнение о них Г.И. Глазенапа, т.к. походный атаман В.А. Быхалов 1-й имел опыт недавнего трехлетнего пребывания на Кавказе, знал тактику действий горцев, что дало ему сразу возможность нанести поражение им в нескольких боях, что решило судьбу восстания осетин, даже не применяя пехоты, которая просто «поддерживала» казаков.

А вскоре пришел черед и за кабардинцами и закубанцами, которые сами своими нападениями приблизили час расплаты с собой за разорение селений на Линии. И оказалось, что и сил вполне хватило на их разгром, несмотря на их громадное численное превосходство по сравнению с русскими войсками!

События развивались следующим образом. Полковник Сталь, начальник участка Кавказской линии между Моздоком и Екатериноградом, получил указание от Глазенапа усилить бдительность охраны своего участка. Сталь был мастером такого «усиливания». По свидетельствам современников, «он часто сам внезапно поверял пикеты и разъезды, и посылал для этого, день и ночь, офицеров. Старались всеми мерами незаметно подъезжать к пикетам, и горе было тем казакам, которые не успевали сесть на коня и встретить, или попадались в какой оплошности. Их сменяли и наказывали строго, без жалости. Это было тогда необходимо; не следовало щадить неисправных для собственной их пользы. Донские казаки, придя из домов и не осмотревшись в этой сторонке, бывали очень оплошны, вялы и скучали по Родине, да и были дурно снаряжены лошадьми и оружием, чрез что бывали жертвами своей неопытности, и нередко случалось, что горцы, напав на сонных донцов, вырезывали караул. С другими войсками это тоже случалось, но гораздо реже» (111). Эти слова неизвестного современника тех лет почти полностью повторяют характеристику донцов, данную самим генерал-

лейтенантом Г.И. Глазенапом, приведенную нами выше. Только та касалась их общей оценки, а эта только одной сферы их деятельности: караульной службы на пограничных пикетах. К чести автора этой цитаты надо заметить, что он оговаривается, что «с другими войсками это тоже случалось», ибо в большинстве книг по истории Кавказской войны все «шишки» сыпятся только на голову донцов. Может заслуженно, если так единодушно?

Мы уже знаем, что согласно сообщению Н.Ф. Дубровина в отряде генерала А.К. Мейера находилось три казачьих полка, державших сплошную цепь пикетов по реке Малке, начиная от Моздока до Константиногорска. Судя по приведенной цитате о проверках постов, производимых полковником Сталем, это были донские полки. Но о каких полках идет речь: о только что пришедших шести донских полках под руководством походного атамана полковника В.А. Быхалова 1-го, или же о тех, которые прибыли сюда в 1801-1802 гг. ? Из нижеописываемых событий станет возможным выяснить, что в отряде А.К. Мейера были новые полки Крюкова 1-го и Персиянова. Помимо них в составе отряда были еще и линейные казаки Моздокского и Волжского полков, т.е. если считать полки, то можно насчитать уже 4 полка, а не 3, как сказано у Н.Ф. Дубровина.

Но ошибочность утверждения Н. Ф. Дубровина состоит даже не в этом, т. к. донских полков на участие между Константиногорском и Моздоком было много и без этих новых: во – первых, это полк походного атамана подполковника П. П. Попова 3 – го, стоявший в сл. Павлодольской. Полк другого походного атамана полковника И.И. Кошкина 1-го находился в Константиногорске. На реке Малке занимал посты полк войскового старшины В.А. Кутейникова 6-го. Из этого всего выходит, что только старых полков на Малке, пришедших с Дона еще в 1801-1802 гг., было 3. Да если добавить к ним новых 2 – то это уже 5. Это только донских, а еще

линейные, Волгский и Моздокский – это уже 7. Мы видим, что Н.Ф. Дубровин слишком поторопился давать окончательные цифры, что теперь несколько затрудняет понимание вопроса о том, что он имел в виду, говоря что в отряд А.К. Мейера входило 3 казачьих полка, занимавших сплошной линией пикеты по реке Малке?

Скорее всего здесь следует сказать так: сплошные пикеты по Малке все же занимали старые полки: Попова 3-го, Кошкина 1-го и Кутейникова 6-го. Их было действительно 3 (именно на Малке – А.З.), но они не входили в подчинение гегнерал-майора А.К. Мейера, тем более, что два из этих полков – полки походных атаманов, и уже поэтому не могли входить в подчинение одному общеармейскому генералу. Те же полки, которые входили в его подчинение, очевидно все же входили в отдельный отряд, собранный для нанесения удара по кабардинцам, что зачеркивает утверждение маститого русского историка Н.Ф. Дубровина о невозможности для Г.И. Глазенапа создать такой отряд. Все же он был создан, а утверждение Дубровина только запутывало исследователей Кавказской войны. Нам, благодаря имеющимся материалам и логическому построению, удалось прийти к такому выводу...

Мы уже заявили, что в отряде А.К. Мейера находилось 2 новых донских полка: подполковника Крюкова 1-го и войскового старшины Персиянова. Подполковник Евсегней Селиверстович Крюков происходил из казачьих детей Войска Донского. В 1804г. ему было 54 года. Умел читать и писать. Был женат, имел взрослых двух сыновей и двух дочерей (112). Уроженец ст. Усть-Быстрианской (113). Службу начал с 10 мая 1764г., но на войну с Турцией попал только в ее конце, с 25 апреля 1774г. В 1777-79 гг. – на Кавказской линии, участвует в экспедициях за Кубань, боях на Малке и Баксане против кабардинцев. В 1783-86 гг. служит в Таврии. В 1787-91 гг. участвовал в войне с Турцией, служба под началом А.В. Суворова и М.И. Кутузова. После войны – на «льготе». В 1798-99 гг.

перегонял с Дона купленных в драгунский полк Боура казенных лошадей. 24 февраля 1799г. был произведен в подполковники. После очередной «льготы», 20 мая 1804г. был командирован со вверенным ему полком на Кавказскую линию. Однако в этот момент в г. Георгиевске и его окрестностях началась эпидемия чумы и уже выступивший в поход полк был задержан на границах Земли Войска Донского с Кавказской и Астраханской губерниями, для содержания карантинного кордона. Выполнял он эту службу до 27 июля, а затем, когда опасность миновала, двинут был далее, и с 14 августа, как и все полки, пришедшие с походным атаманом полковником В.А. Быхаловым 1-м, оказался на Кавказской линии, сразу попав на реку Малку, в отряд генерал-майора и кавалера А.К. Мейера (114).

Со вторым командиром полка – войсковым старшиной Федором Матвеевичем Персияновым – дело обстояло несколько сложнее, т.к. его послужной список за искомый период (1808г. – А.З.) удалось обнаружить только в фонде 341 ГАРО, а в 344-м имелись только до 1802-го. Выяснилось, что он уроженец ст. Павловской (115). В 1804г. ему было 46 лет. Умел читать и писать. Происходил «из персидских детей» (выходцев из Персии – А.З.). Был женат, но детей не имел (116). Участвовал в русско-турецкой войне 1768-1774 гг. только в штурме Перекопа и боях в Крыму. В 1770-77 гг. в Астрахани, участвуя в боях с Е.И. Пугачевым, а затем по 1776г. – отражая набеги киргиз-кайсаков. В 1779-82 гг. на Кавказской линии, в 1783-86 гг. в Польше, С.-Петербурге и Лифляндии. В 1787-91 гг. участвует в войне с Турцией на Дунае, затем в 1792-93 гг. сражается с польскими конфедератами, а с весны 1793г. – в Усть-Аксайском сыскном начальстве. Именно он был назначен в 1794г. атаманом для выведения после Есауловского восстания с Дона на Кубань переселяемых казаков, но в 1795г. возвратился оттуда и снова стал работать в следственных комиссиях. В 1796г. – Нижнем Донском начальстве, а в 1801-1802 гг.

начальником 2-го Донского начальства. Затем «льгота» и выход с полком на службу на Кавказскую линию в отряд генерал-майора Мейера (117).

Как же развивались события, связанные с новой попыткой кабардинцев переломить обстоятельства в свою пользу? 29 июля 1804г., на самой заре, 300 горцев-панцирников, переправившись за Малку, внезапно бросились на слободу Солдатскую. Казачий пикет, застигнутый врасплох, был изрублен. Несколько жителей, бывших в поле, взяты в плен, табуны коней отогнаны. Кабардинцы, смогшие так легко приобрести добычу, возвратились назад прежде, чем сигнальные маяки разнесли по Линии тревогу. Правда, со всех постов, и ближних и дальних, прискакали на место происшествия казачьи резервы, но гнаться за горцами было уже невозможно: по ту сторону Малки, напротив слободы Солдатской, уже стояла громадная конная масса кабардинцев (118).

Присутствие неприятеля в столь близком расстоянии от границы и невозможность защитить все протяжение Линии заставили А.К. Мейера сосредоточить войска на центральной позиции, между Солено-Бродским постом и Беломечеткой. Но так как большая часть Казанского полка, шефом которого был генерал-майор Мейер, находилась тогда в Осетии, в отряде генерала Несветаева, то весь отряд Мейера в данном случае состоял только из одного неполного батальона пехоты и нескольких сотен донских и линейных казаков (119).

Целые две недели лазутчики, то и дело являвшиеся к Мейеру, приносили тревожные вести о сборе значительных сил кабардинцев на том берегу Малки. Нужно было ожидать развязки, и она вскоре разразилась.

Вечером 18 августа с Патрикеевского поста дали знать, что кабардинцы идут. Мейер ночью передвинул туда часть своих казаков, а следом за ними отправил и роту Казанского полка, при одном орудии. Однако линейцы справились сами, т.к. они знали все особенности тактики горцев. Они не

пошли на пост, где враг мог их заметить, а приближаясь к нему, еще вдали, разъехались в разные стороны, засели в глубоких балках и стали ждать.

Во втором часу ночи казаки заметили начало переправы горцев. Ближайшая засада, где сидел сотник Софиев с сотней Волгского полка, приготовилась к атаке. Едва кабардинцы целой толпой поднялись на высокий берег, сотня вынеслась из балки и, молча, без выстрела, атаковала их. Горцы опешили и дрогнули. Между тем с других сторон неслись к месту боя сотни Венеровского и Гусельщикова. Между кабардинцами началась паника. Они были разом отбиты от бродов и, прижатые к берегу, повернули назад и ринулись в Малку с крутого обрыва. Много горцев при этом погибло от падения или утонуло. Линейцы спешили, растянули цепь на краю берега и метким огнем били и тех, кто еще толпился под кручей, и тех, которые уже плыли по Малке (120). Так выглядит этот бой в описании В.А. Потто.

Но у него опять получается, что сражались одни линейцы, в то время как множество послужных списков донских офицеров утверждают, что в бою 18 августа участвовали и донские казаки полка Крюкова 1-го. Начнем с самого подполковника Е.С. Крюкова, в списке которого сказано: «с 14-го августа находился на Кавказской линии при реке Малке во отряде господина генерал-майора и кавалера Мейера, где того же августа 18-го, 24-го и 28-го... был на деле против горских кабардинцев и в прогнании с немалым со стороны их ущербом партиев..., и за первые в августе месяце дела последовало от Его Императорского Величества всевысочайшее благоволение, каковое ему чрез вышепоименованного господина генерал-майора и кавалера объявлено» (121). Причем благоволение, как мы видим, объявлено именно за августовские бои, а не за сентябрьские, когда кабардинцы были окончательно разбиты. Однако, за что именно была выражена Е.С. Крюкову эта высочайшая награда в русской армии — документы не сохранили сведений!

Упоминания об этих боях содержатся в послужных списках офицеров этого полка и более низшего ранга. Мы не будем цитировать их, т.к. там, как и у Е.С. Крюкова 1-го стоят только эти три даты за август месяц, но назовем личности этих офицеров. Итак, это – сотник Тит Анисимович Попов (122), хорунжий Андрей Андреевич Поздеев (123), хорунжий Яков Ильич Болдырев (124), есаул Даниил Николаевич Рогачев (125). Это не полный список участвующих, но их здесь всех и не нужно. Зато из них можно сделать вывод, что августовские бои в послужных списках офицеров полка Персиянова не обозначены, из чего выходит, что этот полк, хотя и одновременно прибыл на линию с полком Крюкова 1-го, но в них участия не принимал. Поэтому вся честь успехов в сражениях за август 1804г., наряду с линейцами, принадлежит донцам только полка Крюкова 1-го.

Однако В.А. Потто и бои 24 августа описывает в том же духе, как и 18-го, не видя в них участия донцов. Вот как это выглядит в его исполнении: «Предприимчивый Мейер знал, что нужно ожидать немедленно новых вторжений кабардинцев, которые будут всеми силами стараться мстить за поражение, и, чтобы заставить их заботиться более об охране своих жилищ, чем о вторжении в русские пределы, решился сам сделать набег в ущелье Сабан-Кош, на аулы князя Росламбека Мисостова. На самой заре 24 августа войска перешли через Малку. Линейцы, с майором Лучкиным и есаулом Венеровским пошли вперед. Уже Сабан-Кошское ущелье было в виду, когда вдруг из него показалась двухтысячная конная партия кабардинцев, шедшая к Линии. Раздумывать было некогда – и линейцы ударили в шашки» (126). Опять герои дня – линейцы! Они, конечно, были более привычными к Кавказу, чем донцы, проживши на Линии почти 35 лет (волжцы – с 1769г. – А.З.), но это не значит, что и донские казаки так уж не на что и не годились, коль скоро Е.С. Крюков получил высочайшее благоволение за руководство ими!

Сам ход боя со слов В.А. Потто выглядел следующим образом. Кабардинцы смело понеслись навстречу линейцам. Началась рукопашная. Более многочисленные горцы смяли казаков. Линейцы понеслись назад – кабардинцы – за ними. Заметив впереди ложбинку, опытные линейцы стали сдерживать лошадей и вдруг повернули в сторону, а кабардинцы, пронесшиеся мимо них, в упор налетели на русскую пехоту, стоявшую в засаде. Она их встретила залпом. Линейцы повернули назад и врезались в ряды неприятеля. Кабардинцы не уступали. И нападение, и защита шли с ровным ожесточением. Целая масса панцирников надела на линейцев Софиева. Он один отбил от нападения лично на него, зарубив троих, с ног до головы закованных в панцири. Пока на равнине шел жаркий бой, А.К. Мейер с двумя ротами казанцев быстро проник в глубь Сабан-Кошского ущелья, занял аулы и истребил богатейшие кабардинские пасеки. Крики тревоги неслись еще в горах, а Мейер притянул к себе всю казачью конницу и быстро отошел обратно за Малку (127). Что сделали в этой битве донцы – опять осталось неизвестным!

Пока А.К. Мейер ходил к Сабан-Кошу, шайка отчаянных абреков, под начальством молодого Атажукина, перебравшись на русскую сторону и своим появлением навела панику на целую окрестность. Сам Георгиевск, в котором находилось только 180 драгун Таганрогского полка, три дня был на осадном положении. Нужно было во что бы то ни стало очистить край от абреков, и Мейер, отправив обозы в Макаревку, 27 августа налегке выступил к вершинам Малки. Отряд не отошел еще и нескольких км., как один из перебежчиков дал знать, что уже три дня абреки скрываются на Золке в кошарах армянина Панаева. Линейные сотни майора Лучкина и есаулов Венеровского и Старожилова повернули туда, но кабардинцев-абреков оказалось настолько много, что казаки, спешившись, послали просить подкреплений. Мейер повел к ним казанские роты форсированным маршем. Очевидно, с ними шли и донские казаки полка

Крюкова 1-го, т.к. в послужных списках у донцов обозначен бой 28 августа. Это снова наше предположение, основанное на логическом рассуждении о том, что линейцы целый день шли в авангарде, встретили горцев, послали за подкреплениями. Затем подкрепления двинулись, подойдя к месту боя уже 28 августа, что могло соответствовать действительности. При подходе пехоты, до 150 абреков понеслись на нее в атаку с такой стремительностью, что едва не ворвались в каре по следам своего предводителя Атажукина, который почти в упор выстрелил из ружья в генерала Мейера, но ружье осеклось. Маленькое каре, однако, устояло и его первый залп сразу же уложил Атажукина. Тело его быстро подхватили нукеры, а ружье было захвачено русскими. В эту минуту казаки ударили в шашки – и абреки бежали. Казаки рубили бегущих и преследовали их за Малку. В числе убитых были 2 узденя Адель-Гирея и 2 брата Анзоровы, имевшие среди горцев славу непобедимых воинов (128). Соответствует ли наша догадка действительности, теперь сказать трудно, но участие донцов в этом бою можно обрисовать только так: они явились с подкреплениями и бросились в завершающую атаку...

Наступил сентябрь, а Кабарда не утихала. В послужных списках офицеров полка Крюкова 1-го и его самого обозначен бой 7 сентября (129). Что это был за бой, к чему привел и где происходил – у нас, кроме этого, нет сведений. Мало того, о нем в своих трудах не сообщает ни В.А. Потто, ни Н.Ф. Дубровин, о котором необходимо заметить, что бои на Малке в августе-сентябре 1804г. вообще прошли мимо его внимания и он о них ни словом не упоминает.

Зато о бое 19 сентября мы имеем сведений достаточно, и наблюдаются они из нескольких источников и монографий, большую ценность из которых, как это ни покажется странным, имеет работа первого историка Кавказской войны П.П. Зубова. События развивались следующим образом. На реке Чегеме произошло народное собрание кабардинцев, на котором,

после шумных споров, было решено разделиться на две части: одной ударить на отряд генерала Мейера, а другой – на слободу Солдатскую (130). У П.П. Зубова она названа селением Солдатской Малки (131). Слобода находилась на половине дороги между Георгиевском и Екатериноградом.

Генерал-лейтенант Г.И. Глазенап, узнав об этом, известил генерал-майора А.К. Мейера. Тот, 17 сентября, оставил свой лагерь под прикрытием 135 донских казаков полка войскового старшины Персиянова во главе с есаулом Денисовым, а сам двинулся с отрядом вниз по течению Малки, пройдя 26 км. к Соленобродскому посту, на другой стороне Малки. Надо заметить, что бой 19 сентября – это первая запись в формулярных послужных списках офицеров полка Персиянова. Как мы уже заметили – с чем это связано, установить пока не удалось, хотя полк, также как и полк Крюкова, находился в отряде Мейера с 14 августа. Двигаясь по этому маршруту, Мейер усилил гарнизон ст. Марьинской одной гренадерской ротой своего полка, а ст.Павловскую – сотней донских казаков. Рядом с Соленобродским постом ночевал, почти напротив русского лагеря, отряд кабардинцев во главе с Шамахой Наврузовым, собиравшийся переправляться через Малку тоже на этом же самом месте. Далеко прокатившийся по горам гул пушечного заревого выстрела и три сигнальные ракеты, взвившиеся над русским лагерем, дали знать Наврузову о том, что отряд Мейера находится перед ним. Тогда, отменив переправу, Наврузов бросился вниз по течению, перешел Малку у Крымовского поста и внезапно атаковал лагерь, который оставили русские в начале своего движения. Донская сотня есаула Денисова после недолгого боя отступила. Если В.А. Потто сообщает об этом как о результате боя, то у П.П. Зубова это отступление происходит «согласно предварительного приказания начальника кордона» (Мейера – А.З.). Денисов отступил к

Беломечетскому посту, а кабардинцы Наврузова спалили весь русский лагерь (132).

Далее события опять описываются различно. По П.П. Зубову, «получив известие о сем, г. м. Мейер, оставя в лагере небольшое число войск при штабс-капитане Лихареве, отправился обратно, и прибыв на место, опрокинул неприятеля и прогнал его за реку Малку» (133). У В.А. Потто изложение более уравновешенное, без излишней молодцеватости и всяких там боев: «По первому известию об этом Мейер быстро двинулся назад, но застал на месте своего становища уже только печальные следы разрушения. Наврузов, однако же, не пошел внутрь линии и отступил за Малку. Тогда, отправив все свои тяжести в Беломечетку, Мейер решился все-таки держаться ближе к Солдатской...» (134).

19 сентября генерал-лейтенант Г.И. Глазенап уведомил генерал-майора А.К. Мейера, что все кабардинские владельцы, после возвращения Шемахи Наврузова на реку Баксан, снова соединились, чтобы переправиться через Малку у Патрикеевского поста и, обойдя русский лагерь, взять направление на крепость Георгиевск или на селение Александрию. На совете они клялись выполнить свое намерение во что бы то ни стало (135).

В этот же день А.К. Мейер выступил на р. Золку, имея при себе неполный батальон Казанского полка в **360 штыков и 400 донских и линейных казаков**. Это было все, что можно было собрать тогда на линии (136). Весь обоз он немедленно отправил на Беломечетский пост, и оставя в лагере у Малки только 100 казаков (по всей видимости – снова донских – А.З.), успел дойти до переправы на р. Золке еще до пробития вечерней зори (137).

Так скоро отряд шел потому, что кабардинцы, как и в первом случае, на реке Малке, собирались перейти Золку именно в этом месте. Едва А.К. Мейер отошел от лагеря на 10-12 км., как передовые разъезды казаков Донского полка Крюкова 1-го дали ему знать, что неприятель в больших

силах переправясь через Малку, возле известного уже урочища, шел на Золку. А.К. Мейер, видя значительное превосходство неприятеля, построил свои войска в два каре. Казаков Волгского линейного полка во главе с хорунжим Гусельщиковым 2-м он расположил с правой стороны, напротив задних рядов каре, а в интервалах поместил донских казаков полка войскового старшины Ф.М. Персиянова. В одной линии с задними рядами каре с левого фланга шли казаки Моздокского линейного полка во главе с есаулом Венеровским. В таком виде войска двинулись вперед, не обращая внимания на густой бурьян, который рос вокруг и затруднял движение (138). В изложении В.А. Потто все опять выглядит довольно проще и без излишних подробностей. Он замечает, что начинало уже вечереть, а также что войска А.К. Мейера двигались, «имея за флангами волжских и моздокских казаков» (139), не замечая наличия среди них донцов Ф.М. Персиянова?!!

Отряд двигался, выслав вперед Донской казачий полк подполковника Е.С. Крюкова 1-го, **в котором числилось всего сто человек с небольшим** (140), причем по сообщению П.П. Зубова Крюкову было приказано «атаковать неприятеля, и потом, возвратившись, усилить правый и левый фланги» (141). В.А. Потто же о такой задаче для донцов полка Крюкова не упоминает.

Кабардинцы насчитывали 6000 чел. (142). Густыми массами валили они, не подозревая близость русских, скрытых от них бурьяном и волнистой местностью. Предводителями у них были знаменитые князья: Джембулат Мисостов, Аслан-Гирей, Касай, братья Шамаха, Атажук и Донщук Наврузовы, Адель-Гирей Атажукин и еще 8 других известных князей (143).

Подполковник Е.С. Крюков 1-й приказал донцам опустить свои пики, чтобы не обнаружить себя, и стал пробираться густым бурьяном, чтобы незаметно подойти к неприятелю и лучше высмотреть его силы.

Кабардинцы двигались к кургану, находящемуся у Золки и заметили казаков только тогда, когда подошли к перекрестку, перерезанному вдоль дороги ложбиною. То, что донцы остались незаметными для горцев на протяжении такого долгого времени – это и есть показатель того, что ими командовал ветеран Кавказа, сражавшийся на этой же Малке еще в 1779г. Он знал эту территорию, знал тактику горцев, и как только казаки обнаружили двигавшихся горцев, сразу велел опустить пики, чтобы не выдать себя. Ведь именно маячение над местностью этих самых пик вскоре и даст донцам от горцев обидную кличку «камыш», ибо они всегда выдавали себя этими пиками. Такое указание мог дать им только опытный человек, а Евсегней Селеверстович в данном случае оказался именно таким!

Трудно сказать, наткнулись ли донцы на неприятеля совершенно нечаянно для самих себя, т.к. такая скрытность движения вынуждала их прекратить наблюдение, чтобы ничем себя не выдать, или, напротив, они хотели воспользоваться оплошностью горцев, но только казаки вдруг выдвинулись из-за бурьяна и бросились в атаку. Атака эта была в полном смысле слова блистательная. **Одна сотня донцов неслась на пять или шесть тысяч лучшей черкесской коницы.** Подполковник Е.С. Крюков 1-й, не взирая на превосходство неприятеля в силе, с редкой неустрашимостью ударил с казаками прямо на центр кабардинцев, где стояло 500 человек отборных панцирников. Но горцы, дрогнувшие на первых порах, скоро оправались, и, окруженные со всех сторон донцы в жестокой рукопашной схватке были сметены и опрокинуты (144)... Приблизительно такой же версии разворачивания событий придерживаются и донской историк конца XIX – начала XX вв. А. Н. Пивоваров (145), и автор популярных исторических очерков этого же времени К.К. Абаза (146). Правда А.Н. Пивоваров сообщает, что отрядом командовал сам Г.И. Глазенап (147), хотя известно, что это был А.К. Мейер; остальное же все в этих писаниях одинаково.

Рукопашная схватка после блестящей атаки выглядит следующим образом. Сотник Шурупов с шестью казаками, далеко занесшийся в глубь неприятельских масс, так и пропал там без вести. 8 убитых казаков осталось в руках горцев. Сам полковой командир, подполковник Е.С. Крюков, еще при первом казачьем натиске был тяжело ранен стрелой в ногу, окружен кабардинцами, но не переставал мужественно защищаться. Его бессменный ординарец и телохранитель казак Упорников, не отстававший ни на шаг от своего командира, заслонил его собой и был изрублен на куски. Крюков, конечно, был бы убит, если бы полковой адъютант Поздеев и два урядника, Петрухин и Банников, не заметили отсутствия своего командира и не бросились к нему на помощь. Презирая всякую опасность, с редким самопожертвованием они пробились сквозь густую толпу горцев, окружили своего раненого начальника и, защищаясь отважно от нападающих во множестве кабардинцев, вынесли подполковника Е.С. Крюкова почти на своих плечах из окружения (148).

Это уже стандартное изложение событий, даваемое и у П.П. Зубова, и у В.А. Потто, и у А.Н. Пивоварова. Но в ходе работы в фондах ГАРО в это уже устоявшееся описание удалось внести ряд уточнений, в частности о судьбе сотника Шурупова. Звали его Пантелей Герасимович. В 1805г. ему было 38 лет. В сотники был произведен 22 октября 1803г. Раньше, в 1788-91 гг., уже служил на Кавказской линии, в 1801г. участвовал в Оренбургском (Индийском) походе. Однако, как это не покажется странным, его послужной формулярный лист говорит о том, что он служил не в полку Крюкова 1-го, а в полку войскового старшины Персиянова 1-го (тоже с 14 августа 1804г. – А.З.) (149). Про участие в боях 1804г. там сказано: «поныне на Кавказской линии (список 1805г. – А.З.), где 7 сентября при речке Кундукжине и 19-го при речке Малке был в действительных с кабардинцами сражениях и по взятии ими в плен, находился во оном с 19-го сентября по 20-е число ноября этого года (1805-

го – А.З.)» (150). Эти строки наводят на мысль, что это был именно он, и что он не «пропал без вести», как сказано во всех монографиях, описывающих этот бой, а **1 год и 2 месяца пробыл в плену**. То, что он служил в полку Персиянова 1-го, а участвовал в атаке полка Крюкова 1-го, говорит о том, что в силу малочисленности отряда, казаки, с разрешения своих командиров, могли находиться где им больше хотелось, лишь бы это приносило пользу. П.Г. Шурупов, желая отличиться, изъявил желание находиться в авангардном полку, приложил к тому усилия, «вошел в историю», но за это «вхождение» ему затем пришлось долго страдать. Был он выкуплен, или сам бежал – из послужного списка не выяснить! Очевидно та же судьба постигла и шестерых казаков, «далеко занесшихся в глубь неприятельских масс» вместе с ним, т.к. среди убитых их не значилось, но удалось ли и им выйти из плена, т.к. их послужных списков не имеется, мы даже не можем сказать – какого они были полка, в связи с такими вольными перемещениями казаков из одной части в другую. Это и есть одно уточнение и несколько новых возникших вопросов, появившиеся при изучении описания этой кавалерийской схватки.

Как же развивались события дальше? Для выручки донцов А.К. Мейер приказал казакам Волгского полка во главе с хорунжим Гусельщиковым ударить на левый фланг неприятеля, а есаулу Венеровскому с моздокскими казаками атаковать правый. Однако их встретили новые массы кабардинцев, спешившие сюда из-за Малки, а панцирники налетели на каре пехоты с такой быстротой, что пехотные застрельщики едва успели зайти в эти каре, как они были окружены со всех сторон. Кабардинцы так плотно насели на пехоту, что «я, - сообщает Мейер в своем донесении, - можно сказать, с моими двумя двухротными кареями, плавал в их толпах». Пехоте пришлось отбиваться штыками...

А на флангах в это время шла жаркая кавалерийская схватка – моздокцы не пускали неприятеля обскакать пехоту с тыла. Под есаулом

Венеровским была убита лошадь, и он отбивался пешим впереди своих казаков. Он удерживал свою позицию до тех пор, пока неприятель, разбитый на всех пунктах, начал отступать, потеряв двух владельцев убитыми. Генерал А.К. Мейер, очистив место против заднего интервала между каре, и поддержав стрелками казаков есаула Венеровского и хорунжего Гусельщикова, дал возможность войсковому старшине Ф.М. Персиянову 1-му ударить на неприятеля сомкнутым фронтом. Храбрый войсковой старшина, впереди, на лихом коне, с обнаженной шашкой, предводительствуя своими донцами, в одно мгновение смял и опрокинул центр кабардинцев, в то самое время, как есаул Венеровский и хорунжий Гусельщиков ударили им во фланги. Совершенно разбитый неприятель побежал поспешно к реке Малке и генерал-майор Мейер послал Ф.М. Персиянова с донцами по дороге, идущей между курганом и лощиною к реке Малке, а есаула Венеровского и хорунжего Гусельщикова 2-го направил влево, чтобы отрезать неприятеля от переправы. Сам же он с пехотой пошел по средней дороге (151).

Казаки нагнали кабардинцев возле Патрикеевского поста. Есаул Венеровский, хорунжий Гусельщиков и **два донских есаула, Куприянов 1-й и Денисов**, формулярных списков которых пока не удалось найти (мы не можем их назвать по имени, отчеству), старались не дать им переправиться, пока подоспеет русская пехота, которой невозможно было идти форсированным маршем из-за плохой дороги (152). У В.А. Потто в этом эпизоде опять несколько иная трактовка событий. Он опять не замечает участия донцов: «Была уже темная ночь, когда разбитые прискакали на Малку. Но тут они с ужасом увидели, что переправа занята моздокскими казаками, успевшими прискакать сюда раньше, кратчайшей дорогой. Снова закипел бой на жизнь и на смерть. Кабардинцы силились овладеть переправой, линейцы их не пускали. Скоро подоспели сюда донцы и пехота» (153). Но мы видим по изложению П.П. Зубова,

пользовавшегося несохранившимися до нашего времени источниками, что донцы под руководством есаулов Куприянова 1-го и Денисова, были в этой группе казаков с самого начала действия, и почему В.А. Потто их не заметил – дело странное! Может быть от таких незамечаний и родился взгляд, что главными героями на Кавказе были линейцы, а донцы в основной массе – «камышом»?!!

Генерал-майор А.К. Мейер для подкрепления казаков направил капитана Маркова и Вологодского полка капитана Сивкова вперед с небольшим отрядом, которые, подойдя к месту боя, ударили в центр неприятеля, чем помогли казакам отбиться. Вся пехота подоспела уже только когда наступила глубокая ночь. Темнота умножила храбрость кабардинцев, которые защищались отчаянно. Завязался упорный рукопашный бой. Чтобы решить его исход, генерал Мейер выстроил весь отряд в линию, поставив вокруг себя стрелков полукругом, а также в других местах небольшими засадами, приказал казакам, сражавшимся впереди, начать притворное отступление и навести горцев на огонь пехоты. Он крикнул казакам: «Назад»! Расчет его удался вполне. Едва казаки показали врагу свой тыл, разгоряченные боем кабардинцы ринулись за ними в погоню, попали в засаду, и пехота со всех сторон охватила их, «как неводом». Тогда, разбитые наголову, кабардинцы бросились в Малку с крутого обрыва, и долго еще с берега гремели за ними ружейные и пушечные выстрелы... Было 10 часов вечера, когда бой совершенно затих: весь русский отряд ночевал тут же, на поле сражения, и лишь на следующий день возвратился в лагерь (154).

Результаты боя в плане потерь оба автора тоже определяют различно. В.А. Потто пишет по этому поводу: «Мейер не определяет общей потери неприятеля, но в числе убитых находились два влиятельных князя, много узденей, а судя по шести убитым лошадям игреневого масти, на которых ездят духовные лица, можно полагать, столько же было убито и мулл. «Все

поле сражения, - доносил Мейер, - на котором лежало сто тринадцать кабардинских тел, было усеяно клочьями мяса и ребрами». В русском отряде выбыло из строя 2 офицера и 75 нижних чинов. От немногих пленных, захваченных в этом деле, узнали, что в партии было от шести до семи тысяч всадников, что она намеревалась отдохнуть в лощине под Золкой, а ночью напасть на Георгиевск и, затем, через Александровское село, броситься на Кубань, в тыл генералу Лихачеву» (155).

У П.П. Зубова же результаты боя более определенные, и они для нас важны тем, что извещают и о конкретных потерях в донских полках Персиянова и Крюкова 1-го: «Число неприятелей, бывших в сражении, простиралось до 7000 человек, тогда как в отряде генерала Мейера было только 400 казаков и 336 человек пехоты. Главное намерение кабардинцев, вполне разрушенное подвигом г.-м. Мейера, состояло в том, чтоб, отдохнув в лощине над Золкою, еще пред рассветом быть в Георгиевске, а оттуда чрез Александрию обратиться на Кубань, в тыл г.м. Лихачеву. Потеря неприятеля состояла в двух владельцах, 40 узденях и 400 простых воинов. Важнейшими в числе убитых были Росламбек Мисостов, уздень Ошабу-Оглу, бывший судья Омар-Куденет-Оглу, Сухов-Оглу-Темрюков и Докшук-Оглу и шесть мулл. С нашей стороны урон состоит в убитых: Донского Крюкова полка урядник, полковой писарь и 7 казаков, Донского Персиянова полка 24 казака и один казак Волгского казачьего полка ; ранены: подполковник Крюков навывлет стрелою в правую ногу; нижних чинов Казанского полка 16, Вологодского мушкетерского 6 и 11 казаков» (156).

Вот и все сведения, что сохранила история в своих скрижалях о разгроме кабардинцев на реке Малке в сентябре 1804г. При сравнении сведений, содержащихся в трудах П.П. Зубова и В.А. Потто, бросается в глаза большая ценность в плане фактов для рассматриваемого нами сюжета сведений первого, несмотря на то, что у второго стиль более

литературен. Попытавшись очистить слог П.П. Зубова от шероховатостей и неотесанностей, В.А. Потто выбросил из изложения событий и целый ряд подвигов донцов, которые на самом деле имели место.

Так или иначе, но соединив сведения обоих авторов и вскрыв некоторое несоответствие изложения в этих разных по содержанию трудах, нам удалось склеить что-то путное, да еще и показывающее вклад донского казачества в срыв плана кабардинцев разорить Георгиевск и нанести удар в тыл русских войск, стоявших на Кубани...

Весьма странно то, что В.А. Потто, с прошествием времени, при издании под его главным редакторством «Утверждения русского владычества на Кавказе», вообще выбросил этот эпизод из изложения событий борьбы с горцами – неужели он усомнился в истинности этого события? В архиве Главного Штаба действительно не удалось найти этих документов даже нам (ведь мы то их просматривали беспристрастно! – А.З.), но на истинность этих событий указывают снова послужные списки, и в частности список Е.С. Крюкова, где сказано: «сентября 7-го и 19-го чисел был в деле против горсаких кабардинцев..., причем 19-го сентября ранен стрелою в правую ногу» (157), т.е. все это было реально на самом деле, а не появилось в сознании П.П. Зубова в угаре его мытарств по жизненному пути. Почему же тогда В.А. Потто вдруг отказался от описания этих боев – это загадка. Ну а то, что Н.Ф. Дубровин даже в первых своих изданиях не обратил внимания на этот бой – это объясняется только отсутствием сведений о нем в архиве Главного Штаба, где он работал.

Поговорим теперь о численности этих двух полков. Все исследователи единодушны в том, что полк Крюкова 1-го в бою на Малке 19 сентября 1804г. насчитывал немногим более ста человек. Мы в нескольких работах указывали конкретную цифру – 125 чел. (158). Может возникнуть впечатление, что это количество служащих в полку не только в день боя,

но и всего прибывших вместе с Крюковым 1-м на Кавказ. Ибо по послужному списку командира и офицеров полка, они на линии не стояли, а сразу попали в отряд к генерал-майору А.К. Мейеру. Получалось также, что определенную роль в уменьшении численности полка сыграло то, что он участвовал во всех боях августа месяца, а может то, что его «растасили» в денщики, к комиссариатским надобностям, в командировки и др.

Но вот что получается при более пристальном внимании к описанию событий. Сотня казаков (135 чел.) полка Персиянова 1-го была отделена от отряда 17 сентября во главе с есаулом Денисовым для охраны лагеря, который затем атаковал Шамаха Наврузов. Однако после этой схватки Денисов возвращается в полк и активно участвует в самом бою 19 сентября. Зато П.П. Зубов сообщает, что утром 19 сентября (перед боем) Мейер отправил на Беломечетский пост весь обоз, а в лагере у Малки снова оставил сто казаков, не называя полка. Тогда же, по его сообщению, было оставлено сто казаков в ст. Павловской (тоже полк не называется). Это и наводит на мысль, что 125 казаков полка Крюкова 1-го – это его остатки после оставления двух сотен донцов в этих двух пунктах, а на Кавказ он прибыл в «нормальном» составе в 350 чел.

Когда от полка Персиянова 1-го были отделены 135 чел. 17 сентября, то очевидно, что они составляли не весь полк, т.к. войсковой старшина Ф.М. Персиянов оставался же кем-то командовать. И таких могло насчитываться до двух сотен. Нам известно со слов В.А. Потто, что казаков в отряде А.К. Мейера было 400. Это не надо понимать буквально, что каждая сотня насчитывала 100 чел. ровно: их было больше. В данном случае, очевидно, 400 – это не точный подсчет, а указание наличия четырех сотен как воинских подразделений. Значит последняя сотня – это линейцы Моздокского и Волгского полков. Это, конечно, приблизительная численность, но ясно, что эта сотня была сборной из казаков указанных

двух полков, т.к. на линейцев в этом подсчете только и остается одна сотня. Так как хорунжий Гусельщиков мог командовать 50 чел. от силы, а есаул Венеровский – 70-80 в указанных условиях, то мы и получаем примерную их сотню, ибо и в бою они стояли не вместе, а на разных флангах. Это и дает нам возможность думать, что четыре сотни казаков отряда А.К. Мейера составляли: сотня полка Крюкова 1-го, две сотни полка Персиянова 1-го и сводная сотня линейцев.

Но это зачеркивает бывшее до этого «уточнение», сделанное нами и приведшее к выводу, что в отряде А.К. Мейера находилось 425 донцов (159). Мы подсчитали новую возможную численность полков Крюкова 1-го и Персиянова 1-го (не только казаков, бывших в бою, а вообще прибывших на Кавказ и разбросанных А.К. Мейером по пути следования отряда – А.З.), что дало около 700 казаков (350+350 чел.). Теперь эта новая цифра в подсчете донских казаков, участвовавших в боях с горцами в 1801-1804 гг. доводит их общее число до **7314 чел.**

Из 6 казачьих полков, прибывших на Кавказ с походным атаманом В.А. Быхаловым 1-м мы проследили численность и участие в боях пяти, т.к. полк Рышкина 1-го, хотя и участвовал с ними в боях, но был прислан не в их числе, а на смену полка Янова 2-го, ушедшего на Дон в 1803г. Это полки: Быхалова 1-го, Аханова, Крюкова 1-го, Персиянова 1-го и Грекова 20-го. Шестым был полк войскового старшины Агеева 3-го, прибывший на Линию тоже 14 августа 1804г.

Что можно сказать об этом командире? Звали его Марк Саввич. В 1804г. ему был 41 год от роду. Происходил из обер-офицерских детей Войска Донского. Умел читать и писать. Был женат, имел двоих сыновей и дочь (160). Уроженец станицы Средней г. Черкаска (161). С 1 мая 1772г. содержал у Азова посты против турок и после войны служил там до 1778г. В 1779-80 гг. – на Царицинской линии. В 1782-83 гг. находился на Ее, отражая набеги горцев. В войну с Турцией 1787-91 гг. участвует в походах

за Кубань, Лабу и к г. Анапе, с 1790г. служит в Крыму. В 1792-94 гг. воюет в Польше против конфедератов, в 1794-97 гг. содержит пикеты в Крыму от Ахтиара до Перекопа. В 1797-98 гг. состоял в только что учрежденной войсковой конной артиллерии. В 1799-1804 гг. на административных должностях по Войску Донскому, пока не был назначен командиром полка, с которым прибыл на Кавказскую линию 14 августа (162). Его полк тоже должен был насчитывать 350 казаков (163), что доводит общую численность казаков, служивших на Северном Кавказе с 1801г. до **7664 чел.**

В этот же период в отдельных полках, в июле месяце 1804г., происходит смена полковых командиров. Умирает внезапно, где-то в начале месяца (точной даты обнаружить не удалось – А.З.) командир полка, расположенного в Усть-Лабинской крепости, молодой войсковой старшина А.И. Быхалов 2-й, достигший возраста всего в 31 год. На смену ему с Дона 12 июля прибывает войсковой старшина Николай Семенович Щербаков, которому в 1804г. исполнилось 38 лет. Так как это тот самый случай, который должен исправить многолетнюю историческую ошибку, связанную с изменением имени-отчества Быхалова 1-го на имя-отчество Быхалова 2-го, то необходимо этот вопрос осветить особо. У всех офицеров, служивших в этом полку, в послужных списках обозначено: «31 октября 802 – в полку войскового старшины Быхалова 2-го; 12 июля 804 – после смерти Быхалова в полку войскового старшины Щербакова». Так как 12 июля – это не дата смерти А.И. Быхалова 2-го, а дата заступления в должность Н.С. Щербакова, учитывая, что до Усть-Лабы надо было добираться с Дона полмесяца, то умирает Андрей Иванович где-то в конце июня – начале июля. В силу того, что этот сюжет вводится нами в отечественную историографию с 2002г., но широкой огласки пока не получил (то, что А.И. Быхалов умер в 1804г., а не жил в 1812г., и естественно, не воевал с французами, и уж тем более, в силу этого, не

награждался Георгием 4-й ст. – А.З.), то его необходимо доказать всеми записями, имеющимися в послужных списках офицеров его полка, не называя их поименно, а обозначив массовость данного сведения. Мы их всех соберем в одной сноске, чтобы потом к этому вопросу более не возвращаться (164). Естественно, что послужных списков А.И. Быхалова после 1804г. уже нет!

После такого солидного подкрепления нашей гипотезы, а на самом деле – очевидного факта, на который почему-то отечественная историография не обратила внимания, сделав мертвого «вечно живым», необходимо познакомиться с биографией нового командира полка. Происходил он из обер-офицерских детей Войска Донского, а проживал в Мелеховской станице. Умел читать и писать. Был женат, имел сына и трех дочерей (165). В 1782-85 гг. служит на Буге по польской границе. В 1785-86 гг. по рекам Ее и Карасу содержит кордоны от набегов горцев. в 1786-87 гг. – служит по внутренности Войска Донского, а с 1 мая 1786 – снова на Ее. В октябре участвует в экспедиции за Лабу, вплоть до реки Белой. 12 апреля и 23 мая 1788г. – в отражении набегов турок и черкесов на границу России по реке Ее. Затем – в экспедиции за Кубань и в октябре – в осаде Анапы и отражении набега горцев на Линию. В 1789-90 гг.- на административных должностях по Войску Донскому. В 1791г. участвует во взятии Анапы и в августе – сражении с турками и черкесами на реке Убыне. В 1797-98 гг. – в походе 22 донских полков к Пинску и Брест-Литовску, а затем, в 1799г.- в Итальянском и Швейцарском походах А.В. Суворова. В 1800-1804 гг. занимал административные должности по Войску Донскому, пока 12 июля 1804г. не принял в Усть-Лабинской крепости бывший полк Быхалова 2-го (166). В силу того, что это был не новый полк, а старый, находящийся в Усть-Лабе с осени 1802г., общее количество сабель мы подсчитывать не будем. Здесь поменялся только командир полка, а его состав остался прежним. Но замена обещала быть

хорошей, т.к. Н.С. Щербаков 1-й был ветераном суворовских походов и значительную часть ранней своей службы провел именно на Кавказе в боях с горцами.

Но и после прибытия новых полков с Дона положение на Северном Кавказе оставалось критическим. В Осетии и Кабарде по горцам были нанесены «увесистые» удары, но окончательного «успокоения» этих районов пока не получалось. Поэтому П.Д. Цицианов, находясь еще под Эриванью, требовал присылки новых казачьих полков с Дона. Ведь они требовались теперь не только для боев с горцами, но и с персами. Все эти выступления горцев, парализовавшие на известное время Военно-Грузинскую дорогу, по которой снабжался корпус, осаждавший Эривань, сделали свое дело: сильная жара, недостаток продовольствия и сил вынудили П.Д. Цицианова 4 сентября снять осаду и вернуться в Тифлис. Решено было для новой попытки вторжения в Персию сначала нанести удары по горцам, а затем, когда тыл будет обеспечен, снова попытаться нанести удар по персидским владениям.

Просьбы П.Д. Цицианова не остались без ответа: уже 20 сентября, на следующий день после битвы на р. Малке, на Кавказскую линию прибыли новые донские полки. По послужным спискам офицеров и командиров просматривается, что это были: полк подполковника Ребрикова 2-го, полк войскового старшины Ежова 1-го, полк подполковника Сидорова 1-го. Это и были три полка, которые добавочно еще поступили в командование полковника В.А. Быхалова 1-го, т.к. в его послужных списках за 1804г., которых обнаружено несколько, сказано: «командирован на Кавказскую линию атаманом над 6-ю, под команду мне поручеными, донскими полками» (167), а в списке за 1806г. уже сказано: «На Кавказской линии походным атаманом над 9-ю полками» (168). Правда, затем, часть его полков забрали в Грузию, для войны против Персии, но пока он был атаманом над 9-ю донскими полками на осень 1804г. В силу того, что эти

полки собирались в конце лета, то можно сказать, что это были уже «поскребыши», поэтому в составе каждого, очевидно, было только по 250 чел., что дает нам в общем 750 казаков (169), а в общем числе призванных на Кавказ и находящихся на Линии с 1801г. уже **8414** сынов Тихого Дона.

Послужного списка подполковника Сидорова 1-го обнаружить пока не удалось, но известно из «Списка именного состоящим в Войске Донском генералитету и штаб-офицерам с показанием – кто из них где находится» за 1802г., что звали его Никита Андреевич, в службу вступил в 1782г., а в чине подполковника находился с 22 апреля 1799г. О нем даже не сказано где он в данный момент (1802г.) находился – графа осталась незаполненной! (170). Естественно, в силу таких обстоятельств, мы больших данных о нем сообщить не можем.

Что касается подполковника Ребрикова 2-го, то известно, что звали его Павлом Петровичем. Было ему в 1805г. 34 года. Происходил из штаб-офицерских детей Войска Донского, числился по станице Дурновской. Умел читать и писать. Был женат, имел двух сыновей и дочь (171). В 1772-1775 гг. служил в Москве, в 1785-87 гг. содержал по Бугу пограничную стражу, а затем участвует в войне с Турцией на Дунае до самого ее конца в 1791г. В 1792г. сражается с польскими конфедератами, затем на «льготе» и «по внутренности Войска», а в 1801г. участвовал во всеобщем походе Войска Донского к Оренбургу. В 1802г. занимал ряд административных должностей по Войску Донскому, а 20 сентября 1804г. был уже с полком на Кавказской линии (172).

Командир третьего полка, войсковой старшина Ефим Миронович Ежов 1-й, происходил из штаб-офицерских детей Войска Донского. Какой он станицы – пока выяснить не удалось. Умел читать и писать. Был женат, имел двух сыновей и двух дочерей (173). В 1782-86 гг. отбывал внутреннюю службу по Войску Донскому. В 1786г. участвует в походе на Кубань против горцев, а в 1787-91 гг. в войне против Турции на Дунае. В

1794г. сражается против польских конфедератов, а затем в различных полках содержит границу на юге до 1800г., а с 1 октября в полку Андропова по границе Земли Войска Донского, откуда и прибыл 4 октября 1804г. на Кубань со вверенным ему казачьим полком (174).

Пока полки размещались на Линии, сюда явился, после неудачи под Эриванью, П.Д. Цицианов с намерением убедиться, что Осетия в октябре 1804г. была действительно «приведена в покорность» и что если он снова двинется в Персию, то очередного перерезывания Военно-Грузинской дороги не будет!

После ареста царевича Парнаоза осетины хотя и успокоились, но князь П.Д. Цицианов не довольствовался этим, а желал привести их к «полной покорности». Из Тифлиса он отправил в Осетию князей Мирманоза и Соломона Эристовых с требованием, чтобы жители возвратили все награбленное в период восстания. При безусловном исполнении требования, главнокомандующий обещал им полное прощение, а в противном случае – разорить их селения: «Не Кноррингово теперь время, - писал он тагаурским старшинам и народу 26 октября 1804г., - не стану я с вами договоры делать. У кого есть штыки, тому денег платить не следует. Клянусь Богом, в которого верую, что камня на камне у вас не оставлю и не генерала пошлю, а сам приду с войсками» (175).

Князь Цицианов требовал немедленного возвращения пленных и всех вещей, захваченных при разграблении Стефан-Цминды и Ларса и тогда обещал разрешить осетинам покупать по-прежнему хлеб в Моздоке и Тифлисе, безденежно брать соль в русских магазинах и брать пошлины с проезжающих по Военно-Грузинской дороге от Казбека до Владикавказа, но с казенных вещей «ни одной полушки не брать никогда»

Видя, что со стороны осетин нет желания выполнять требования, П.Д. Цицианов прибыл в Цхинвал, а затем 13 ноября выступил из него с отрядом, состоящим из 170 человек Кавказского гренадерского и 306

человек 9-го Егерского полков; 87 пеших казаков Донского полка Рышкина, 113 человек конных донских и линейных казаков и 8 чел. артиллерийской прислуги (всего 694 чел. и 2 орудия) (176).

В два перехода Цицианов достиг осетинского селения Джавы, не встречая на пути никакого сопротивления. Оно было защищено двумя башнями, которые были мгновенно заняты русскими. Жители окрестных селений выразили готовность подчиниться и вступили в переговоры, которые, однако, ни к чему не привели. Тогда П.Д. Цицианов двинулся далее, по направлению к селу Крожи, но путь был очень тяжелый по крутизне гор, густому лесу и узкой дороге, что привело к тому, что к Крожам отряд подошел уже после заката солнца. Войска были утомлены, ибо помимо природных препятствий им приходилось непрерывно отбиваться от нападений осетин, пытавшихся задержать движение русских. В тот же день лежащее на равнине селение Крожи, окруженное четырьмя башнями, было занято отрядом П.Д. Цицианова (177). Это, очевидно, и есть то селение, которое в послужном списке Л.И. Рышкина обозначено следующим образом: «с осетинами в тоекратном сражении и при взятии штурмом четырехбашенной деревни» (178).

В это время осетины, проживавшие в Мчиврийском ущелье, соединились со своими соплеменниками, проживавшими на Большой Лиахве. Князь Цицианов отправил из Джав часть отряда во главе с майором князем Мирманозом Эристовым-Ксанским, чтобы он прошел вдоль этого ущелья, разогнал осетин и вынудил их подчиниться. Лишь только майор М. Эристов выступил из Картли, осетины, уважавшие его, подчинились и выдали по его требованию князей Баратова и Гедеванова, присланных еще накануне восстания от царевича Парнаоза, чтобы не давать ему затухать, и выдали аманатов, а также обещались возвратить все имущество, отбитое у казаков полка Рышкина. После этого князь Эристов возвратился в селение Крожи, где П.Д. Цицианов разрушал башни,

составлявшие главную опору осетин. Предав огню селение Крожи, Цицианов хотел следовать далее, но жители соседних ущелий попросили пощады. В течение 5 дней он переговаривался с ними, но видя, что это только затягивает дело, решился, для устрашения осетин, проникнуть туда, где русские войска еще никогда не бывали. Предавая огню все встречающееся на пути, Цицианов 27 ноября дошел до селения Кошки, считавшегося осетинами неприступным и расположенного на высокой горе, находящейся в 15 км. от Эльбруса. Овладев им, главнокомандующий нанес осетинам окончательное поражение. В этих действиях посильное участие приняли пешие и конные казаки Донского казачьего полка Рышкина во главе со своим командиром, у которого снова начинала сказываться его застаревшая болезнь...

Осетины же начали являться с повинною и стали приводить захваченных ими казачьих лошадей в боях 1-3 сентября. Арестовав главных подстрекателей и вождей восстания, князь П.Д. Цицианов остальным объявил амнистию. Возвратившись тем же путем в Ананур, он оставался там некоторое время для окончательного улаживания дел с осетинами. Путь с Кавказской линии в Грузию был теперь восстановлен на территории Осетии. Оставалось его теперь очистить полностью, нанеся удар и кабардинцам, изредка угрожавших своими нападениями и Военно-Грузинской дороге, но для этого надо было подождать обещанных царем и двигавшихся с Крыма и Дона подкреплений (179).

Жители Осетии хотя и приводили коней полка Рышкина, но не так рьяно, как бы этого хотелось русскому командованию, о чем свидетельствует рапорт П.Д. Цицианова царю от 30 декабря 1804г., направленный из Цхинвала: «...Пробыв в деревне Джавы три дни, где я должен был собрать обещанных казачьих лошадей, посылал разведать о дороге в Кемельтинское ущелье, между тем уведомился, что в деревнях Хеце и Мугути, хотя жители оных с заклинанием дали аманатов, что у них

из казачьего нет ничего, есть 5 лошадей казачьих; и когда за оными послал, то они их спрятали. Таковой вероломный поступок их, усугубляемый еще тем, что они с прочими осетинами участвовали во всех сражениях противу отряда, заставил меня захватом оных деревень вознаградить полк казачий Рышкина, который месяц целый продолжавшимися сражениями, совсем почти вознаграждаем был от **ленивого привода лошадей казачьих**, а потому 117 гренадер и 200 егерей отряжены были при майоре Кавказсакого гренадерского полка Ливенцове, обе те деревни **сюпренировать в 2 часа**: после того егери и гренадеры видны были по тропкам на горах, уменьшающих предметы, с низу гонясь за скотом и людьми, а через несколько часов прислано было донесение от майора, что захвачено мужеска 96, женска пола 113 душ и скота рогатого 164, лошадей 13 и овец 239, из коего мелкий скот отдан в пищу солдатам, а кожи из оногo – на одежду забранным осетинским детям. После чего, 17-го декабря отряд выступил в Цхинвал. Сего захвата, надеюсь я, достаточно будет, ежели не все пополнить, то весьма мало неостанет на вознаграждение потери казачьего Рышкина полку...» (180). Итак, не дождавшись возмещения потерянного донскими казаками, войска перед уходом в Грузию, сами «сюпренировали в 2 часа» это, ибо уговорами и договорами мало чего можно было взять с горцев. И эта практика все сильнее начинает проникать в обыденное существование войск Кавказской дивизии, если они ставили перед собой цель достичь от горцев чего-нибудь окончательно! Во всяком случае такими мерами на данный момент удалось восстановить в Осетии спокойствие и порядок, а П.Д. Цицианову показать осетинам, что он слов на ветер не бросает и «Кноррингово время уже прошло»...

27 ноября в Осетии были взяты Кошки, а 28-го на Линию прибыл долгожданный Троицкий полк, отправленный царем из Крыма на усиление войск Кавказской дивизии. Теперь создавалась возможность нанесения

удара по Кабарде, к чему усиленно стал готовиться генерал-лейтенант Г.И. Глазенап. В последнее время этот полководец стал все более высоко оцениваться в отечественной исторической литературе. Последний тому пример – статья А.А. Михайлова в журнале «Новый часовой», где он следующими словами характеризует этого героя: «...Григорий Иванович разработал особую, единственно эффективную в условиях Кавказа тактику. Он отказался от крупных и малоподвижных отрядов, отдавая предпочтение небольшим по численности, но состоящим «из искусных стрелков, наездников и самой легкой артиллерии, по узким горным тропам легко провозимой». Подчеркивая в своих приказах, что борьба с «азиатцами» требует «недреманности», Глазенап развернул широкую сеть осведомителей и шпионов, предупреждавших его о возможных выступлениях горцев. На каждое нападение он отвечал немедленным ударом, причем старался не только разгромить вражеский отряд, но и разрушить его родной аул, наглядно продемонстрировав этим свою решимость вести борьбу до конца...» (181). В связи с этим А.А. Михайлов правильно поднимает вопрос о том, что пора снять с Глазенапа тень, возникшую под острым пером авторов, писавших под собирательным псевдонимом Козьмы Пруткова, написавших следующее в сборнике «Военные афоризмы» :

Стой! Шабаш. Языци сдались,
Каждый стал России раб –
Посмотри, как запыхались
Бутеноп и Глазенап.

Глазенап (как, впрочем, и ни в чем не повинный Бутеноп) стал здесь олицетворением солдафонства и своего рода символом офицера-остзейца, но как мы видим, он был большим патриотом России, чем многие чистокровные русские.

В соответствии с данной А.А. Михайловым характеристикой, Г.И. Глазенап составил только два сильных отряда, предназначив их для разгрома закубанцев и кабардинцев. Один, под личным своим командованием, он сосредоточил у Невинного мыса, составив его из шести рот Суздальского мушкетерского, трех рот 16-го Егерского полка, 200 пеших драгун и одного конного эскадрона Борисоглебского полка, 100 пеших драгун Владимирского полка, 500 волгских и хоперских казаков, **660 донских**, 6 орудий полевой артиллерии и **6 орудий донской конной артиллерии**. Второй отряд, под командованием генерал-майора Лихачева, был расположен у Баталпашинской переправы и состоял из пяти рот 16-го Егерского полка, шести рот Троицкого мушкетерского, **1000 донских казаков**, 300 поселенных кубанских, 6 орудий полевой и **6 орудий донской артиллерии** (182).

Мы уже упоминали, что с Дона, по указанию царя, шла одна рота донской артиллерии. Командовал ею полковник А.А. Карпов 2-й. По сообщению послужного списка сотника Петра Федоровича Тащина, будущего героя войн с Наполеоном и Турцией, рота выступила в поход на Кавказскую линию с 6 октября (183). Ему вторит и труд, написанный М.С. Жировым: «6-го октября рота № 1, под командованием полковника Карпова, в составе 1-го есаула (Лиманов), 2-х сотников (Тацын и Суворов), 4-х хорунжих (Кононов, Прудкий, Струков, Карпов), 25 урядников (13 старших и 12 младших) и 227 казаков, и лошадей: войсковых артиллерийских 141, строевых 184, подъемных 252, вместе с полком Ребрикова 2-го, выступила из Черкаска в г. Ставрополь» (184).

Но в дальнейшем изложении М.С. Жиров находит неточности в изложении событий у Н.Ф. Дубровина, сообщая: «На походе Карпов получил от генерала Глазенапа приказание следовать не к Невинному Мысу, а к Батал – Паше в распоряжение генерала Лихачева». И далее, в сносках: «В сочинении генерала Дубровина «История войны и

владычества русских на Кавказе» (т. 1У-й) показаны 6 орудий Донской роты в отряде Глазенапа у Невиного Мыса и 6 - у Батал-Паши у ген. Лихачева. Из рапорта Карпова Платову и из послужных списков офицеров № 1 роты, видно, что у ген. Лихачева была вся Донская рота № 1-го» (185). Это, конечно, важное уточнение, уменьшающее артиллерию Глазенапа на целых 6 орудий (у него только 6 и оставалось).

Прибытие донской роты еще более увеличило число донцов на Северном Кавказе, подняв его до (8414+260) **8674 чел.** Донская рота прибыла к Батал – Паше 1-го ноября, где простояла более месяца (как и весь отряд Лихачева), т.к. вследствие наступивших сильных холодов и метелей оба русских отряда только в ночь на 3-е декабря могли двинуться за реку Кубань (186).

Переправившись через Кубань, Глазенап пошел двумя отрядами к рекам Большому и Малому Зеленчукам. 3 декабря, дойдя до Малого Зеленчука и узнав здесь, что Мирза- Рослам –Бек агитирует среди ногайских аулов за откочевку их в горы, П.Г. Лихачев тотчас же отправил к ногайцам воззвание с призывом не покидать места жительства, обещая не проводить репрессий за сиюминутный порыв. Ногайцы решились возвратиться на свои прежние места. Чтобы помочь им переправиться назад, П.Г. Лихачев двинулся с отрядом к Большому Зеленчуку (187).

Если подвести общий итог численности донских казаков, участвовавших в этой Закубанской экспедиции декабря 1804г. - начала января 1805г., то получится, что в двух отрядах находилось 1660 казаков из различных полков и 260 донцов-артиллеристов = 1920 чел. Сила, достаточно внушительная! Ни один из источников или написанных монографий не называют конкретно тех полков, которые участвовали в этой операции русских войск, а также точную цифру задействованных из каждого полка казаков. Из послужных списков, хранящихся в ГАРО, можно хотя бы воспроизвести названия полков. Они следующие:

Щербакова 1-го (188), Ребрикова 2-го (189), Ежова 1-го (190), Агеева 3-го (191), Данилова 1-го (192), Егорова (193). Если даже вычислить среднюю численность участия каждого полка (1660 : 6), то получится 276 чел. То есть это дает нам возможность высказать предположение, что некоторые полки присутствовали в этой экспедиции в полном составе, а некоторые – большими своими частями.

Подойдя к Большому Зеленчуку 4 декабря, П.Г. Лихачев встретил на переправе значительное количество неприятеля, Если у Н.Ф. Дубровина неприятелем выступают закубанцы и кабардинцы, принуждавшие ногайцев покинуть свои земли и уйти в горы, то в изложении М.С. Жирова дело обстоит следующим образом: « 4-го декабря Донская № 1-го рота, находясь в авангарде отряда Лихачева, получила боевое крещение в деле с большим скопищем ногайцев, бросившихся было на наш отряд во время его переправы. Рота Карпова, всюду поспевая за авангардом, дала возможность действием из своих орудий завладеть переправой и разгромить ногайцев. Дело это происходило на р. Большой Зеленчук» (194). Из послужного списка Агеева 3-го можно понять, что в этой перестрелке и атаке, помимо донских артиллеристов, совместно с пехотой, принимали участие казаки только его полка, т.к. «4 декабря – на Большом Зеленчуке» стоит только в списках офицеров его полка и его самого (195).

Если же исходить из указания Н.Ф. Дубровина о том, что бой шел не против ногайцев, а против закубанцев, увлекших их в горы, то, после перестрелки, П.Г. Лихачеву удалось отбить у закубанцев часть ногайцев и отправить их на русскую территорию (196). После этого генерал Лихачев двинулся с отрядом на реку Урух, где и ожидал прибытия отряда генерала Г.И. Глазенапа. Последний, двигаясь по левому берегу Большого Зеленчука, так же агитировал ногайцев в пользу возвращения на русскую территорию и достиг в этом определенного успеха. 5 декабря отряды соединились. В силу этого в сражении, происшедшем 6 декабря на р.

Уруппе, действовали уже все выше поименованные казачьи полки. В этом бою атаковавшие русские отряды горцы были снова отброшены. 8-го декабря кабардинцы и закубанцы были отброшены от реки Тегени. 10-го числа соединенные отряды вступили в земли бесленеевцев, за рекою Лабую, в ущелья Черных гор, с которыми также произошло ожесточенное сражение. В ходе его есаул полка **Щербакова 1-го Герасим Терентьевич Клыкков**, 46 лет от роду, **взял в плен бесленеевского владельца Мурза-бека**, причем в этом деле участвовали только донские казаки его сотни, о чем свидетельствуют строки из его послужного списка (197). Но такое важное событие как-то не попало на страницы русских военно-исторических трудов. А это как раз тот владелец Мурза-бек, который увел ногайцев с русской территории в горы и теперь понес заслуженное возмездие.

11 декабря русские подошли к р. Лабе, где 12-го, 13-го и 16-го декабря вели жестокий бой с неприятелем. Горцы везде были отброшены, а их аулы сожжены. Во время этих боев Донская № 1 рота наносила горцам большой вред (198). В то же время, в период этих боев с другими закубанцами, бесленеевцы 12 декабря, в день рождения Александра 1, явились к Г.И. Глазенапу с повинною и обещанием быть верноподданными России, возместить убытки за все награбленное в границах Кавказской линии, отпустить всех пленных и возвратить на прежнее место жительства всех оставшихся у них ногайцев. 14 декабря они присягнули на Коране, что исполнят все обещанное. Показывая жест доброй воли, как сообщает Н.Ф. Дубровин, Г.И. Глазенап освободил «бывшего тогда у нас в плену их владельца Мурза-бека и двинулся в обратный путь в полном убеждении, что усмирил и покорил это население» (199). Здесь странно то, что такой пунктуальный историк, как Н.Ф. Дубровин абсолютно не сообщает, как Мурза-бек попал в плен, а сообщает только о том, что из дипломатических соображений он был

возвращен бесленеевцам при заключении договора. Почему так замалчивались подвиги донцов в Кавказской войне? И опять же – есаул Г. Т. Клыков, который со своими казаками взял Мурзу-бека в плен, ничем за это не был награжден, как у нас на Руси-матушке повелось по отношению к казачеству! Авангардом же в боях 10-го и 12-го декабря на Лабе командовал подполковник П.П. Ребриков 2-й, сумевший сразу направить донцов на взятие в плен Мурзы-бека (200).

От Большой Лабы соединенные отряды двинулись к верховьям реки Большого Зеленчука, но 22 декабря им пришлось и сразиться с горцами в ущельях Малого Зеленчука, где команда, состоявшая из 300 человек донских казаков под командованием П.П. Ребрикова 2-го, снова разгромила врага и взяла в плен много горцев (201). 23-го и 25-го произошли бои на Большом Зеленчуке, где снова были разгромлены большие массы неприятеля. Каких-либо подробностей об этих боях не имеется. Эти даты просто указаны в послужных списках и в труде М.С. Жирова по истории донской артиллерии. 29 и 30 декабря бои происходили снова на Малом Зеленчуке. Для взятия неприятельских укреплений из общего состава войск был выделен отряд под командованием гегнерал-майора Шеншина. В авангарде его снова шли казаки под командованием П.П. Ребрикова. В спешенном порядке они атаковали укрепления, находящиеся в ущелье. Бой продолжался в течение 4-х часов, но два эти укрепления были взяты, при деятельном участии донцов (202).

В этом бою много помог полковник А.А. Карпов, действуя из орудий своей роты по этим укреплениям (203). Мы не будем здесь приводить биографических данных о нем, т.к. они зафиксированы в любой книге об Отечественной войне 1812г. и истории донской артиллерии, выпущенных в дооктябрьский период, Да и в советских трудах тоже уделяется ему достаточное внимание. Известен и его портрет работы кисти Д. Доу из Военной Галереи Зимнего дворца, а также донские «парсуны». О Кавказе в

его биографиях поминается везде, но одним предложением; поэтому эта страница его биографии малоизвестна.

Помимо него, можно назвать и отдельных героев- артиллеристов, сами отличия которых послужные списки не сохранили, но зато указаны были полученные награды. Так в списке хорунжего Петра Федоровича Грекова, в свое время, за штурм Измаила 11 декабря 1790г. произведенного в капитаны, но затем, 2 июня 1803г. разжалованного в рядовые казаки, сказано: «804-го октября с 6-го 805-го июня по 1-е с артиллериею в походе на Кавказской линии, где с 3-го декабря по 8-е число января находился в Закубанской экспедиции и против горских народов, с которыми имел 6-го на Урупе, 8-го на Тегене, 11-го на Лабее, 24-го в вершине Большого Зеленчука и 30-го числа декабря, в самых ущельях Малого Зеленчука неоднократные сражения – и за оказанную во оных сражениях отличность – награжден Знаком Отличия ордена Св. Анны и деньгами 100 руб.» (204). Для рядового казака, которым он в то время был, это была высокая награда! Но за что он ее получил – неизвестно, ибо строки формуляра очень скупы на подробности. Затем, буквально через полгода, он станет хорунжим , продолжая отличаться в боях с горцами. А сейчас, в положении разжалованного, и это для него было хорошо...

Можно назвать и еще одного героя этого боя, служившего в полку Ежова 1-го. Это квартирмейстер полка, имевший за Итальянский и Швейцарский походы А.В. Суворова орден Св. Анны 3-й ст., Ананий Иванович Чаусов, 35 лет от роду. В его послужном списке сказано: «29-го и 30-го (декабря) в вершине Малого Зеленчука, спешившись в числе прочих охотников, бросился на неприятельские укрепления, чем подал пример подчиненным, а сам показал отличную храбрость» (205). Однако за этот подвиг он, как и многие донцы, ничего не получил!

Закубанцы в очередной раз, при деятельном участии донцов, были разбиты. На возвратном пути Г.И. Глазенап посылал отдельные мелкие

отряды в разные стороны для разгрома аулов других племен. Об этом есть упоминание и в послужном списке войскового старшины М.С. Агеева 3-го: «29-го и 30-го на том же Зеленчуке в ущельях, в отряде означенного генерал-майора Лихачева, и между тем в ежедневных перепалках с отряжаемой в горы партией находился января по 9-е число...» (206).

Горцы являлись с повинною, заключали письменные условия, подобные договору с бесленеевцами. В таких условиях Г.И. Глазенап 8 января возвратился на Баталпашинскую переправу, где и распустил объединенный отряд. Он пригнал с собой 1500 голов рогатого скота, 100 лошадей и до 15000 овец (207). Однако не все части в места своего расположения прибыли одновременно. Это относится и к донским частям. Так, 1-я Донская конно-арт. рота прибыла 8 января, но на зиму не осталась в Баталпашинской, а была отправлена в с. Медведское Ставропольской губ., Александровского уезда (208). Полк Агеева 3-го, как мы уже знаем, прибыл на место своей штаб-квартиры 9 января, а многие части – вообще 10-го. Экспедиция была закончена.

Уверенный в окончательном покорении Кабарды, Г.И. Глазенап доносил: «Исполнив возложенный на меня долг в точности, надеюсь и истинно беру смелость заверить, что часть границы сей, начиная от земель Черноморского войска по реке Кубани до самого хребта Кавказских гор, будет покойна на многие годы, а народ закубанский, чувствуя меру мести, оказанную им за наглость, долго не помыслит поколебать себя и тем нарушить блаженство своей жизни, которое они долго не поправят, а через то граница Кавказа будет наслаждаться спокойствием, и всякий поселянин и каждого рода промышленник будет заниматься своим упражнением, в безопасности и без всякого препятствия» (209).

Так думал Г.И. Глазенап, относясь к горцам, как к противнику европейского типа, но это не отображало реального положения дел. Горцы, для видимости, со всем смирились, но они выжидали! Хотя кабардинцы

теперь и готовы были наконец выбрать судей, но это П.Д. Цицианова уже не удовлетворяло. Он находил нужным, для более прочного водворения спокойствия, переменить форму правления над Кабардой. Как показал опыт, кабардинцы не уважали приставов и даже не понимали, что означало слово «пристав». Князь Цицианов решил переименовать эту должность в «начальника», ибо на Востоке с этим словом соединяли понятие о власти, силе и значимости. Так как многие кабардинские князья имели чины полковников, то «начальником» нужно было назначить генерал-майора. Цицианов предполагал даже само название «Кабарда» заменить на **«Кабардинская область»**, чтобы это напоминало здешнему населению о тесной связи с Россией, с которой оно должно составлять единое целое. Был намечен ряд мер на придание кабардинской знати некоторого европейского «лоска» и образования, на развитие торговли.

Согласившись на все предложения П.Д. Цицианова, Александр 1 не согласился только на переименование Кабарды в Кабардинскую область из опасения, что народ не примет это переименование равнодушно. «Пристав» также был назван не «начальником», а «управляющим делами кабардинского народа». Им стал генерал – майор И. П. Дельпоццо. Выполняя предначертания П. Д. Цицианова, он должен был построить мечеть в Георгиевске и Константиногорске, склонять кабардинцев отдавать своих детей в школы в этих же городах. Все пока гарантировало «прочное спокойствие»...(210).

Но даже в этой обстановке «спокойствия» полки с Дона продолжали прибывать. В самом конце 1804 г., 25 декабря, на Линию явился полк войскового старшины Агеева 2 –го. Это был уже последний зимний «поскребыш» и насчитывал, очевидно, тоже около 250 чел. (211).

Послужной список этого войскового старшины пока тоже не обнаружен. О нем мы знаем только данные «Списка именного состоящим в Войске Донском генералитету и штаб-офицерам, с показанием – кто из них где

находится». Там значится, что звали его Иван Михайлович, вступил в службу в 1775г., а в чине войскового старшины находился с 11 декабря 1790г. (212) (очевидно, после взятия Измаила, т.к. те, кто был произведен в этот день, в основном за этот общий подвиг и получили свое повышение). Естественно, мы не можем в связи с отсутствием пока в наших руках его послужного списка обозначить ни его происхождения, ни образования, ни семейное положение, ни сам его жизненный и боевой путь. Единственное, что мы можем сделать с данными об этом полку, так это получить общую численность сынов Тихого Дона, побывавших на Северном Кавказе с 1801г.: $8674+250=8924$ чел.

Такое увеличение «донского присутствия» за 1804г. связано с тем, что ни один полк не ушел на «льготу» за этот год, а прибыло, в связи с восстаниями в Осетии и Кабарде и начавшейся войной с Персией, на Кавказ целых 11 полков и 1-я Донская конно-арт. рота. Здесь надо учесть и такой фактор, как отсутствие в этот период у России войн с Наполеоновской Францией, Швецией и Турцией, что дало возможность собирать полки на Дону хотя бы в 350 чел. и более. Когда же они начнутся, с 1805г. – такой возможности уже не будет (213).

Если мы подсчитали общее количество донских казаков, побывавших на Северном Кавказе в 1801-1804 гг., то теперь необходимо подвести итог «донскому присутствию» на Кавказской линии на конец 1804г. Здесь оставались полки, прибывшие в 1801г.: Табунщикова, Егорова (Селиванова) и Попова 3-го, что составляло 1050 чел., на момент их прибытия. За 3 года и 8 месяцев каждый из этих полков имел довольно внушительные потери. За все время службы в полку Табунщикова выбыло 60 чел. (214), в числе которых был и сам командир полка. Потери в людях полка Попова 3-го неизвестны, т.к. его сразу направили с Кавказа на западную границу в 1805г., но по его активному участию в боях с 1801г. можно считать, что и у него потери были не меньшие. Это уже 120 чел.

Пришедшие в 1802г. полки : Кошкина 1-го, Фролова 2-го, Данилова 1-го, Быхалова 2-го и Кутейникова 6-го составляли на момент прихода на Линию 1700 чел. Из них зафиксированы потери совместно в полках Селиванова 2-го (из первых трех) и Данилова 1-го за 1801-1805 гг (январь) – 58 казаков умерло, убито 19, в плен взято 3 и бежал к горцам 1 (215). Фролов 2-й находился в это время под судом, тоже не находясь в строю (216). Но стоит отметить, что боевые действия на участках этих полков были менее интенсивными. Нам известна только гибель 30 казаков на посту под Кисловодском в полку Кошкина 1-го в начале восстания в Кабарде весной 1804г. Потери этого полка могли достичь и 50 чел., а остальные, не зафиксированные в просмотренных нами документах, могли исчисляться по 20 чел. на каждый полк. Подводя итог общим потерям полков, можно насчитать 312 чел. В 1803г. прибытия новых полков с Дона на Кавказскую линию не было, а вот в 1804г. являются: Рышкина 1-го, Грекова 20-го, Быхалова 1-го, Аханова, Крюкова 1-го, Персиянова 1-го, Агеева 3-го, Ребрикова 2-го, Ежова 1-го, Сидорова 1-го, Агеева 2-го и Донская конно-арт.рота № 1-го. Все они вместе составляли на момент прихода 4059 чел. Эти полки приняли на себя основную тяжесть боев в Осетии, Кабарде и Закубанье в 1804г., поэтому и потери были более крупными. В одном полку Рышкина 1-го в ходе его избиения в сентябре 1804г. было потеряно 2 офицера, 3 урядника, 1 писарь и 146 казаков, в результате чего в его строю числилось 303 чел., а годными к службе оставались только 225 чел. Большие потеори имели также и полки Крюкова 1-го и Персиянова 1-го, потерявшие на реке Малке 19 сентября 1804г. 44 казака убитыми. Во всех же боях до конца года эти полки могли лишиться по 35 казаков каждый. Остальные, хотя и были в крупных «переделках», особенно полки Быхалова 1-го и Аханова, но потери их не превышали очевидно 20-25 чел., т.к. они действовали когда враг был уже надломлен и потерял инициативу. Все это могло составить 392 чел. потерь,

исключая полк Агеева 2-го, который в боях не участвовал. Если даже посчитать в строю полка Рышкина 1-го тех 225 казаков, которые остались годными к службе, то в полках, прибывших на Линию в 1804г., числилось **3667 чел.**

Таким образом на конец 1804г. на Кавказской линии, если сложить оставшиеся от прибывших по годам, за вычитанием потерь, то окажется: $1050+1700-312+3667=6105$ чел. донских казаков, что составляло примерно половину русской конницы в данном регионе и 1/3 от всех сил России, находившихся на Северном Кавказе. Донцы по-прежнему прикрывали важнейшее геополитическое направление интересов Родины, на охрану которого пехотных частей и сил линейных казаков не хватало (от Усть-Лабинской крепости до Моздока). Приблизительная методика подсчета потерь по полкам очень поверхностна, но она показывает, что труд А.Л. Гизетти, считавшийся до сих пор обобщающей сводкой потерь Российской армии за период Кавказской войны, не совершенен, т.к. там не делаются отдельно выкладки по донским, терским, линейным и черноморским казакам, а они идут в общей графе, не давая в изучении нашей темы ничего конкретного (217). По сути дела, потери донцов в боях с горцами – это тема нового исследования, за которое никто еще в отечественной историографии не приступал. По этой теме в печати назывались аляповатые цифры, но они также, как и цифры участвовавших в войне, не соответствуют действительности. Тем более, что в исследовании А.Л. Гизетти подсчитывались только боевые потери, умершие же от болезней и пропадавшие по судам и командировкам им в расчет не брались. «пробный камень», брошенный нами в эту проблему, показал, что научно выверенных сводок именно по донскому казачеству нет, хотя данные есть и в РГВИА, и в ГАРО. Тема научного исследования тут сама идет в руки, но эта работа очень кропотливая: считать придется каждый труп, упоминаемый или в месячных, или в годовых отчетах по полкам и о

состоянии Войска Донского... У нас же была цель дать хотя бы картину боев и показать вклад донцов в победу.

Приведенный материал с убедительностью показывает, что расхожее мнение о неспособности донцов к боевой службе на Кавказе, породившее обидную для них кличку «камыш», не соответствует действительности. Во многих случаях именно удары донцов в операциях 1804г. в Осетии и Кабарде и при обороне Кавказской линии решали исход боев в пользу русского оружия. Выявленные нами документы позволяют также показать, что ни одна схватка в августе-сентябре 1804г. на реке Малке не обошлась без участия донцов, в то время как раньше их различали только в бою 19 сентября. Все это привело к тому, что Г.И. Глазенап, сначала предвзято относившийся к донским казакам, наслушавшись разговоров о «камыше», осенью 1804г., в период экспедиций в Кабарду и Закубанье, все шире их применяет в своих операциях и достигает при этом вполне весомых результатов. То, что война с горцами не закончилась в 1804г., а длилась еще 60 лет – это не их вина. Они сделали все, что от них зависело, для достижения скорейшего результата. Это еще раз заставляет проложить параллели в сегодняшний день, когда уже восемь раз было заявлено за период 1999-2003 гг., что война в Чечне закончена, а она длится и по сей день! Старые уроки нужно помнить...

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, подведем итоги проведенного нами исследования, в соответствии с задачами, поставленными во введении.

- 1) Как могли, мы доказали, что принятая ранее в отечественной историографии советского периода дата начала Кавказской войны в 1817г. не является непреложной истиной и лучше вернуться к дореволюционной хронологии, начинавшей войну с 1801г. Тем

более, что в трактовке этого периода как оборонительного со стороны России мы встречаем все больше сторонников и последователей.

- 2) Нами была предпринята попытка доказать, что период 1801-1804 гг. (как начальная фаза оборонительного периода Кавказской войны 1801-1816 гг.) является действительно войной, а не очаговыми боевыми действиями, как это пытаются показать современные историки. Причем это нами было сделано только в географическом регионе Северного Кавказа, не вдаваясь в Грузию, где набеги лезгин и дагестанцев и ответные экспедиции русских носили действительно непрерывный характер в это время. На Кавказской же линии и в сопредельных с ней районах, особенно по Военно-Грузинской дороге, напряженность была не всегда одинакова: выделяются здесь границы Черноморского войска и Осетия и Кабарда интенсивностью боевых столкновений. В остальных районах действительно бои носят очаговый характер, особенно на границе с Чечней, но для войны и не нужно постоянно «метаться в опасность». У нее могут быть и периоды затишья. Такое было даже в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг., но войной от этого она не переставала быть. И сейчас в Чечне вроде бы войны нет, а она идет! Как ее не называй: «контртеррористическая операция», «действия Федеральных Сил по наведению конституционного порядка» и т.д., но это война. Каждый день, особенно весной-летом, гибнут люди. Причем террористические акты снова в 2003г. добрались до Москвы, не говоря о южных центрах страны, которые все время находятся под ударом. Такой же была война и в 1801-1804 гг., только тогда нападения горцев ограничивались Кавказской линией, не зарываясь в центральную Россию. Тем более массовыми

боевые столкновения стали в 1804г., охватив собой весь Северный Кавказ. Разве это не война?

- 3) Были произведены подсчеты участвующих в боевых действиях с горцами сынов Тихого Дона за период 1801-1804 гг. По более уточненным данным, связанным со спецификой комплектования полков на Дону, приводившей к тому, что только полки, выходявшие на службу ранней весной, достигали 500 чел., а остальные, в большинстве своем, насчитывали по 250-300-350 чел., получилось что на Северном Кавказе, без Грузии, побывало за указанный период **8924 чел.** Это при том, что в 1803г. с Дона новых полков сюда не прибывало. Причем данная «массовость» пока не заставляет думать, что может сбыться наш прогноз в вопросе численности донцов, участвовавших во всей войне с 1801 по 1864 гг. В свое время было заявлено, что их было 87-101 тыс. чел. (1). Затем насчитано за 1857-64 гг. 10 тыс. участвующих (2). А затем высказано следующее: «Предполагаемая цифра участвующих за 1801-1816 гг. будет где-то в 15 тыс. чел. Это вместе дает за 23 года 25 тыс.чел. Думается, что за оставшиеся 41 год войны, не охватывавшихся еще исследованием, наберется еще где-то 52 тыс. То есть, если раньше мы выдвинули еще и больший вариант в 101 тыс. чел., то теперь насчитаем только на 87 тыс. Где же тут взяться 200-250 тыс.?» (3). Период 1801-1804 гг. для такого прогноза неудачен: численность донцов росла как грибы после дождя. Но спад начинается уже в 1805г., а с 1810г. уже новые полки на Кавказ вообще не приходили, а многие, пришедшие в 1804-1805 гг. тут остались до 1817г. Тогда идет даже понижение численности, но в 1804г. мы имеем то, что имеем – 8924 чел.
- 4) Удалось выявить первых походных атаманов донских казаков на Кавказской линии за 1801-1804 гг., что позволяет выстроить начало

хронологической таблицы руководителей донцов на Кавказской войне, чтобы продолжить тот список, который дан во введении к данной монографии: 1801-1802 гг. (фактически с 1799г.) – генерал-майор Николай Петрович Кульбаков; 1802-1804 гг. – полковник Иван Иванович Кошкин 1-й; 1802-1805 гг. (до весны) – на участке Константиногорск-Моздок и на Военно-Грузинской дороге над четырьмя донскими полками - подполковник Павел Петрович Попов 3-й; 1804-1809 гг. (фактически до весны 1810г.)- полковник Василий Андреевич Быхалов 1-й.

Как мы видим, все лучшее в Войске Донском отправляется на Запад, а на Кавказ идут «остатки», несмотря на то, что здесь уже шла война с Персией. Показателем этого было даже то, что походными атаманами на Западе у донцов были военачальники не ниже генерал-майора, а на Кавказе хватало и полковников. После 1802г., когда на Дон уводит свои полки генерал-майор Н.П. Кульбаков, здесь атаманами были только полковники, а то и подполковники (вплоть до 1816г., когда эту должность занимает генерал-майор В.А. Сысоев 3-й).

- 5) Выявлены все командиры полков, командующих донцами на Кавказской линии, их социальное положение, звание, культурный уровень, семейное положение, предшествующая боевая деятельность и чем они отличились на Кавказе. Не найдены послужные списки только двух командиров полков, но их данные удалось, хотя и в урезанном виде, найти в «Общих списках генералитету и штаб-офицерам по Войску Донскому» за отдельные годы.
- 6) Обнаружены и офицеры низшего звена и урядники, совершившие во время службы на Кавказской линии и по Военно-Грузинской дороге замечательные подвиги и дано описание этих деяний, что расширяет наши

знания об отличиях донцов в боях с горцами и делает их настоящими героями Кавказской войны. Они «камышом» не были!

7) Выявлены места дислокации донских казачьих полков на Кавказской линии, что описывается во 2-й и 3-й главах данной монографии.

8) Удалось «отмыть» донские подвиги, приписываемые ранее линейцам и другим казакам на Линии и в ее соседстве: взятие аула Чим (Чеми) в 1802г., участие в боях на реке Малке в августе-сентябре 1804г. Помимо этого были обнаружены и собственно донские отличия за период 1801-1804 гг., о которых в исторической литературе ранее не упоминалось. Вместе с тем не обходились вниманием и моменты неудач и поражений, что дало возможность осветить события объективно, т.к. на войне бывает всякое.

После прочтения данной монографии у читателя, интересующегося данной проблематикой, думается, изменится взгляд на роль донского казачества в достижении победы России в Кавказской войне. Если это произойдет, мы будем считать свою миссию по написанию этой книги выполненной.

ПРИМЕЧАНИЯ.

Введение.

1. Захаревич А.В. Донское казачество в Кавказской войне: прежде и теперь. // Ученые записки Донского Юридического института (далее: Ученые записки ДЮИ). Т. 21. Ростов-н/Д, 2003. С.170-171.

2. Серебрянников В.В. Войны России: социально – политический анализ. М., Научный мир, 1998. С.203-204.

3. Агафонов О.В. Казачьи войска Российской империи. М. – Калининград, 1995. С.38.

4. Донские казаки в войне на Кавказе. // Донские войсковые ведомости (часть неофициальная) от 26 января 1865г. № 4. С.22.

5. По вине наборщика издательства Донского Юридического института в нашей статье «Новое об участии донского казачества в начальный период Кавказской войны (1801 – июнь 1802 гг.). // Казачий сборник. Вып. 1. Издание 2-е. Ростов-н/Д, 1998. С.248, Александр Павлович Хрещатицкий был «перекрещен» в Николаи Павловичи. Данная ошибка была исправлена в нашей монографии «Участие донского казачества в боях с горцами на заключительном этапе Кавказской войны (1860-1864 гг.). // Казачий сборник. Вып. 2. Ростов-н/Д, 2000. С.259.

6. Захаревич А.В. Новое об участии донского казачества в начальный период Кавказской войны (1801-июнь 1802 гг.). // Казачий сборник. Вып. 1. Изд. 2-е. Ростов-н/Д, 1998. С.248.

Глава 1-я.

1. Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в ХУ1 – Х1Х вв. М., 1958; Его же. Мюридизм на Кавказе. М., 1963; Фадеев А.В. Россия и Кавказ первой трети Х1Х в. М., 1960; Кумыков Т.Х. Присоединение Кабарды к России и его прогрессивные последствия. Нальчик, 1957; Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965; Ибрагимбейли Х.-М. Кавказ в Крымской войне 1853-1856 гг. и международные отношения. М., 1971; Блиев М.М. Кавказская война: социальные истоки, сущность. // История СССР, 1983, № 2; Дегоев В.В. Кавказский вопрос в международных отношениях 30-60-х гг. Х1Х в. Владикавказ, 1992; Его же. Имам Шамиль: пророк, властитель, воин. М., 2001; Его же. Большая игра на Кавказе: история и современность. М., 2001; Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. М., 1994; Гордин Я. Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне Х1Х в. СПб. Изд. «Звезда», 2000 и др.
2. Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. М., РОССПЭН, 2000.
3. Авраменко А.М., Матвеев О.В., Матющенко П.П., Ратушняк В.Н. Об оценке Кавказской войны с научных позиций историзма. // Кавказская война: уроки истории и современность. Материалы научной конференции. г. Краснодар, 16-18 мая 1994г. Краснодар, 1995. С.38-39.
4. Там же. С.33
5. Блиев М.М., Гаджиев В.Г., Джендубаев А.Р. Перевернутый мир бесконечной войны – «круглый стол». // Родина, 1994, № 3-4. С.23
6. Там же. С.21-22

7. Гаджиев В.Г. Введение. Об авторе и книге. // Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. М., РОССПЭН, 2000. С.8-26.
8. Блиев М.М., Гаджиев В.Г., Джендубаев А.Р. Указ. соч. // Родина, 1994, № 3-4. С.22.
9. Там же. С.22.
10. Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. М., «Росет», 1994.
11. Бестужев И.В. Кавказские войны. // Советская историческая энциклопедия. Т. 6. М., 1965. Стб. 761.
12. Кавтарадзе А.Г. Кавказская война 1817-64. // Большая Советская энциклопедия. Изд. 3-е. Т. 11, М., 1973. С. 119-121.
13. Там же. С.119.
14. Бестужев И.В. Указ. соч. // Советская историческая энциклопедия. Т. 6. М., 1965. Стб. 759-760.
15. Ибрагимбейли Х.-М. Кавказская война 1817-1864. // Советская военная энциклопедия. Т.4. М., 1977. С.17-18.
16. Олейников Д. Возьми, если можешь... // Родина, 1994, № 3-4. С.25-29.
17. Ортобаев Б.Х., Тотоев Ф.В. Кавказская война. // Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия. Т.2. М., Издат. «Большая Российская Энциклопедия», 1996. С.429-431.
18. Лесин В.И. Шейх Мансур. // Родина, 1994, № 3-4. С.56-60.
19. Веденеев Д. 77 тысяч человек потеряла Россия в Кавказских войнах. // Там же. С.122-124.
20. Родина, 2000, № 1-2.
21. Дюпюи Р. Эрнест, Дюпюи Тревора Н. Всемирная история войн. Харперская энциклопедия военной истории с комментариями издательства «Полигон». Книга третья (1800-1925 гг.) Полигон – АТС. СПб – М., МСМХУ111, 1998. С.398-405.
22. Думанов Х.М. К вопросу о периодизации Кавказской войны. // Черкесия в XIX веке. (Материалы 1 Кашехабльского форума «История- достояние народа»). Майкоп, 1991. С.41.
23. Керашев А.Т., Чирг А.Ю. История Адыгеи (с древнейших времен до XIX в.). Майкоп, 1991. С.140.
24. Матвеев О.В. К проблеме терминологии и периодизации Кавказской войны на Северо-Западном Кавказе. // Кавказская война: уроки истории и современность... Краснодар, 1995. С.137-141.
25. Там же. С. 141.

26. Матвеев О.В. Кавказская война на Северо-Западном Кавказе и ее этнополитические и социокультурные последствия. Автореферат диссертации на соискание ученой степени к.и.н. Краснодар, 1996. С.20-22.
27. Кавказская война. Спорные вопросы и новые подходы. Тезисы докладов Международной научной конференции. Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН – Институт российской истории РАН. Ответственный редактор Османов А.И. Махачкала, 1998: Кумыков Т.Х. К вопросу о периодизации Кавказской войны. С.30-32; Бижев А.Х. Кавказская война: хронологические рамки, основные этапы. С.32-34; Джахиев Г.А., Джахиева Э.Г. О датировке начала Кавказской войны и участия в ней кумыков. С.34-36; Нифталиев Р.Ю. Хронологические и географические рамки Кавказских выступлений, их начала и завершения. С.36-38.
28. Георгиев В.А., Георгиева Н.Г. Кавказская война (1829-1864 гг.). // Сборник русского исторического общества. Т. 2 (150). Россия и Северный Кавказ. М., «Русская панорама», 2000. С.158-171; Гордин Я. Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX в. СПб, Изд. «Звезда», 2000.
29. Танутров Г. (Жук). Свет и тени покорения Западного Кавказа. // Военная быль. Издание Обще-кадетского объединения. Париж, 1961, ноябрь, № 51. С.21.
30. Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Т. 11. История войны казаков с закубанскими горами. Екатеринодар, 1913. С.152.
31. Там же. С. 152-155
32. Зубов П.П. Подвиги русских воинов в странах Кавказских с 1800 по 1834 год. Т. 1, ч. 1, СПб, 1835.
33. Обзор войн России от Петра Великого до наших дней. Пособие для изучения военной истории в военных училищах. Составленный генерал-майорами Дубровиным, Куропаткиным и Гудим-Левковичем, полковниками Сухотиным и Пузыревским (под общей редакцией генерал-лейтенанта Леера). ч. 2. СПб, 1886. С. 319-402.
34. Обзор войн России от Петра Великого до наших дней... ч. 4, кн. 1, СПб, 1896.
35. Кавказ и Кавказская война. Публичные лекции, читанные в зале Пассажа в 1860 году Генерального Штаба полковником Романовским. СПб, 1860.
36. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. В 6-ти томах. СПб, 1871-1888.

37. Потто В.А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. В 5-ти томах. СПб – Тифлис, 1887-89.
38. Под редакцией В.А. Потто в Тифлисе выходило «Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. 1- 1У (тома 111 и 1У каждый в двух частях), 1901-1911.
39. Потто В.А. Два века Терского казачества (1577-1801). Т. 2, Владикавказ, 1912. С. 224.
40. Там же. С. 225.
41. Пивоваров А.Н. Донцы на Кавказе и в Грузии до 1822 года. // Донские казаки. Сб. рассказов из боевой и домашней жизни донцов. Изд. 2-е под ред. Жерве Н.П. СПб, 1909. С. 211; Краснов П.Н. Картины былого Тихого Дона. СПб, 1909 – Репринтное издание : Т. 2, М., «Граница», 1992. С. 103.
42. Гизетти А.Л. Сборник сведений о потерях Кавказских войск во времена войн Кавказско-горской, персидских, турецких и в Закаспийском крае (1801-1885 гг.). Под ред. ген.- майора Потто В.А. Тифлис, 1901. С.1-131.
43. Гаммер М. Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана. М., Крон-Пресс, 1998. С. 19-20.
44. Казин В.Х. Казачьи войска. Справочная книжка императорской главной квартиры (по 1 апреля 1912г.). Под ред. Шенк В.К., СПб, 1912. С. 104; Галушко Ю. Казачьи войска России. Краткий историко-хронологический справочник казачьих войск до 1914 г. М., «Русский мир», 1993. С.29; Агафонов О.В. Казачьи войска Российской империи. М.- Калининград, 1995. С.38.
45. Пивоваров А.Н. Донские казаки... С. 256.
46. Захаревич А.В. Донское казачество в Кавказской войне (к постановке проблемы)// Кавказская война: уроки истории и современность. Материалы научной конференции. г. Краснодар, 16-18 мая 1994г. Краснодар, 1995. С. 210-211; Его же. Донские казаки в первые годы Кавказской войны (1801-1802 гг.). // Исторические этюды. Вып. 2. Под ред. Узнародова И.М. Ростов-н/Д, 1997. С.52-63; Его же. Институт походного атамана – властная структура донского казачества в период Кавказской войны 1801-1864 гг. // Местное самоуправление на Юге России и в республиках Северного Кавказа. Сб. тезисов научно-практических конференций 1994 и 1997г. СКАГС, Ростов-н/Д, 1997. С. 62-64; Его же. Новое об участии Донского казачества в начальный период Кавказской войны (1801- июнь 1802 гг.). // Ученые записки ДЮИ. Т. 6. «Казачий сборник», Ростов-н/Д, 1997. С.337-384; Его же. Уроки Кавказской войны 1801-1864 гг. и современность. // Соборность в России

и современность. Тезисы и материалы научной конференции 25 октября 1997г. Ростов – н/Д, 1997. С. 100-102; Его же. Какое участие приняло донское казачество в Кавказской войне 1801-1864 гг.// Донская история в вопросах и ответах. Т. 1. Под ред. Дулимова Е.И. и Кислицина С.А. Ростов –н/Д, 1997. С. 102-106; Его же. Проблема освещения в отечественной историографии участия донского казачества в начальный период Кавказской войны (1801-1805 гг.). // Кавказская война. Спорные вопросы и новые подходы. Тезисы докладов международной научной конференции. Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН – Институт Российской истории РАН. Отв. ред Османов А.И. Махачкала, 1998. С. 87-89; Его же. Донские казаки в боевых действиях на Кубани в 1801-1802 гг. // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал, 1999, № 1-2. Краснодар. С. 70-76; Его же. События июня 1809г. под Анапой в изображении Ф. А. Щербины. // Творческое наследие Ф.А. Щербины и современность. Тезисы докладов и сообщений Международной научно-практической конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Ф.А. Щербины (22-24 сентября 1999г., станица Каневская Краснодарского края). Краснодар, 1999. С. 27-30; Его же. Участие донского казачества в обороне станицы Воровсколесской 23 мая 1807г. // Северный Кавказ: геополитика, история, культура. Материалы Всероссийской научной конференции (Ставрополь, 11-14 сентября 2001г.). ч. 1. М. - Ставрополь, 2001. С.131- 133; Его же. Забытый в отечественной историографии период Кавказской войны (1801-1816 гг.) и роль в нем Донского казачества. // Ученые записки ДЮИ. Памяти Е.Н. Осколкова. Т.16. Ростов-н/Д, 2001. С.169-183; Его же.. Донское казачество в боях начального периода Кавказской войны (1801 – 1802 гг.)// Памяти Владимира Александровича Золотова. К восьмидесятилетию со дня рождения. Сб. статей. Ростов – н/Д, РГПУ. 2002. С. 6 – 54; Его же. Ложка дегтя в бочке с медом. Рецензия.// Ученые записки ДЮИ. т 19. Ростов – н/Д, 2002. С. 314 - 321; Его же .Отнятая линейцами донская слава.// Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа (3 – я международная конференция). Армавир, 2002. С. 34 – 36; Его же и Золотухина А. В. Борьба элиты и контрэлиты на Дону в конце ХУ111 – начале Х1Х вв. на примере генералов М.И. Платова и Н.П. Кульбакова. // Казачий сборник. Вып.3. Ростов-н/Д, 2002. С.346-371; Его же. Уточнение количества донских казаков, участвовавших в начале оборонительного периода Кавказской войны (1801-1802 гг.). Его же. Уточнение количества донских казаков в боях Кавказской войны в течение 1803-1804 гг. // Вопросы Северокавказской истории.

- Вып. 7. «Российскость в истории Северного Кавказа. Армавир, 2002. С.60-74; Его же. Некоторые уточнения, связанные с боем 23 мая 1807г. по обороне станицы Воровсколеской. // Историческое регионоведение Северного Кавказа – вузу и школе (8-я Всероссийская конференция). Армавир, 2003. С.80-82; Его же. Донское казачество и Кавказская война: прежде и теперь. Его же. Донские казаки в Закубанской экспедиции генерала от инфантерии С.А. Булгакова в январе-марте 1810 года. Его же. Донские казаки в экспедиции против кабардинцев с 14 апреля по 5 июня 1810 года. // Ученые записки ДЮИ. Т. 21. Ростов- н/Д, 2003. С.168-230 и др.
47. Бирюков А.В. Российско-чеченские отношения в ХУ111 – середине Х1Х века. // Вопросы истории, 1998, № 2. С.48-49.
48. Скиба К.В. Горские набеги на Кубанской линии. // Археология, этнография и краеведение Кубани. Материалы 10-й краевой межвузовской аспирантско-студенческой конференции. Армавир- Краснодар, 2002. С.38.
49. Щербина Ф. А. История Кубанского казачьего войска. Т. 11. История войны казаков с закубанскими горцами. Екатеринодар, 1913. С.154-155.
50. Потто В.А. Кавказская война. Т.1. Ставрополь, 1994. С.554
51. Лавров Л.И. Абазины в эпоху феодализма. // Абазины. Историко-этнографический очерк. Под ред. Першица А.И. Черкесск, 1989. С.21.
52. Щербина Ф.А. Указ. соч. Т.11. С.155-156
53. Щербина Ф.А. Указ.соч. Т.11. С.156-157; Потто В.А. Указ.соч. Т.1. С.555.
54. Потто В.А. Указ.соч. Т.1. С.555
55. Щербина Ф.А. Указ.соч. Т.11. С. 157
56. Потто В.А. Два века Терского казачества (1577-1801). Т.11. Владикавказ, 1912. С. 224.
57. Там же. С.224
58. Там же. С. 224-225
59. Там же. С. 225
60. Савенко С.Н. Казаки-линейцы в районе Кислых Вод до образования Кавказского линейного казачьего войска. // Из истории и культуры Линейного казачества Северного Кавказа. (3-я международная конференция). Армавир, 2002. С.41.
61. Терещенко А.Г., Черненко А.Л. Из истории борьбы за Кавказ. Историческое исследование. Ростов-н/Д, Ростиздат, 2004. С.100
62. Потто В.А. Кавказская война. Т.1. Ставрополь,1994. С.555
63. Щербина Ф.А. Указ.соч. Т.11. С. 157

64. Там же. С. 157
65. Там же. С. 158
66. Потто В.А. Кавказская война. Т.1. Ставрополь, 1994. С.556
67. Щербина Ф.А. Указ.соч. Т.11. С. 158-159
68. Лавров Л.И. Абзины в эпоху феодализма. // Абзины. Историко – этнографический очерк. Под ред. Першица А.И. Черкесск,1989. С.21.
69. Там же. С. 21-22
70. Джанаев А.К. Северо-Осетинская Автономная Советская Социалистическая Республика. // Советская историческая энциклопедия. Т. 12. М., 1969. Стб. 674
71. Потто В.А. Кавказская война . Т. 1, 1994. С. 483-484.
72. Там же. С. 300
73. Там же. С.658
74. Айдамиров А.А. Хронология истории Чечено-Ингушетии. Грозный. «Книга», 1991. С.30.
75. Там же. С. 30
76. Потто В.А. Указ.соч. Т.1. С. 658-659
77. Щербина Ф.А. Указ.соч. Т.11. С. 159
78. Там же. С. 159
79. Там же. С. 160
80. Бэрзэдз Н. Изгнания черкесов (причины и последствия). Перевод: Нуриет Хуажева – Марат Губжеков. Майкоп, 1996. С. 31-32.
81. Серегина О.В. Из истории оснований крепостей и укреплений Азово- Моздокской линии в районе Кавказских Минеральных Вод. // Северный Кавказ: геополитика, история, культура. Материалы Всероссийской научной конференции (Ставрополь, 11-14 сентября 2001г.). ч. 1. М. – Ставрополь, 2001. С. 127.
82. Терещенко А.Г., Черненко А.Л. Российские немцы на Юге России и Кавказе. Ч.2. Российские немцы в Кавказских войнах, культуртрегеры и исследователи из числа российских немцев, работавших на Юге. Ростов-н/Д, 2000. С.156
83. Там же – С. 156; Серегина О.В. Указ.соч. // Северный Кавказ: геополитика, история, культура... ч.1. М. – Ставрополь, 2001. С. 127.
84. Савенко С.Н. Казаки-линейцы в районе Кислых Вод до образования Кавказского линейного казачьего войска. // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа (3-я Международная конференция). Армавир, 2002. С. 42

85. Серегина О.В. Указ.соч. // Северный Кавказ: геополитика, история, культура... ч.1. М. – Ставрополь, 2001. С. 127.
86. Савенко С.Н. Указ.соч. // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа (3-я Международная конференция). Армавир, 2002. С. 42
87. Айдамиров А.А. Хронология истории Чечено-Ингушетии. Грозный, «Книга», 1991. С.30
88. Щербина Ф.А. Указ. соч. Т.11. С. 160
89. Там же. С. 161
90. Там же. С. 161-162
91. Там же. С. 162
92. Лавров Л.И. Абзины в эпоху феодализма. // Абзины. Историко-этнографический очерк. Под ред. Першица А.И. Черкесск, 1989. С.22; Потто В.А. Кавказская война. Т.1. Ставрополь, 1994. С.616.
93. Лавров Л.И. Указ.соч. // Абзины... С. 22
94. Потто В.А. Указ.соч. Т.1. С. 616
95. Лавров Л.И. Указ.соч. // Абзины... С.22
96. Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. М., РОССПЭН, 2000. С. 97
97. Потто В.А. Указ.соч. Т. 1. С.593-594
98. Щербина Ф.А. Указ. соч. Т. 11. С.204
99. Потто В.А. Указ.соч. Т. 1. С.616-617
100. Там же. С.617-618
101. Лавров Л.И. Указ.соч. // Абзины... С.22
102. Щербина Ф.А. Указ.соч. Т.11. С.204
103. История Дагестана. Курс лекций. Составитель Гасанов М.Р. Под ред. Шигабудинова М.Ш. Махачкала, 1992. С.181
104. Потто В.А. Кавказская война. Т.1. Ставрополь, 1994. С. 615
105. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 1У, СПб, 1886. С.371-373
106. Там же. С.342
107. Там же. С. 347-351; Потто В.А. Указ.соч. Т.1. С. 408
108. Потто В.А. Указ.соч. Т.1.С.408-409
109. История народов Северного Кавказа (конец XV111 в. – 1917г.) Отв.ред. академик Нарочницкий А.Л. М., Наука, 1988. С.24
110. Дубровин Н.Ф. Указ. соч. Т. 1У. С.376

111. Потто В.А. Указ.соч. Т.1. С. 598-599
112. Дубровин Н.Ф. Указ.соч. Т. 1У. С.383
113. Там же. С.383
114. Там же. С.386
115. Жиров М. Краткий исторический очерк службы 4-й и 8-й Донских казачьих батарей. Новочеркасск, 1914. С. 16
116. Дубровин Н.Ф. Указ. соч. Т. 1У. С. 387
117. Потто В.А. Указ.соч. Т. 1. С.594
118. История Дагестана. Курс лекций. Составитель Гасанов М.Р. Под ред. Шигабудинова М.Ш. Махачкала, 1992. С. 182
119. Назарова И.М. Введение. // Бларамберг Иоганн. Кавказская рукопись. Ставрополь, 1992. С. 8-12
120. Бларамберг И. Указ.соч. С. 17
121. Там же. С.17
122. Там же. С.18
123. Там же. С. 18-19
124. Там же. С. 19-20
125. Там же. С. 20
126. Там же. С. 20
127. Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война (1817-1864). М., ТОО «Росет», 1994
128. Ибрагимбейли Х.-М. Народно-освободительная борьба горцев Северного Кавказа под руководством Шамиля против царизма и местных феодалов. // Вопросы истории, 1990, № 6. С.152; Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20-50-х годах XIX века. Материалы всесоюзной научной конференции 20-22 июня 1989 года. Ред. коллегия: Алиев Б.Г., Гаджиев В.Г. (отв.ред.), Гамзатов Г.Г. и др. Махачкала, 1994; Парова А.М. К истории разработки планов покорения кавказских горцев российским царизмом. // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки, 1993, № 3. С.55-74 и др.
129. Кавказско-персидская война в царствование императора Александра 1 (1801-1825 гг.). // Обзор войн России от Петра Великого до наших дней. Пособие для изучения военной истории в военных училищах). Составленный генерал-майорами: Дубровиным, Куропаткиным и Гудим-Левковичем, полковниками Сухотиным и Пузыревским. Под общей редакцией генерал-лейтенанта Леера. ч.11. СПб, 1886. С.320

130. Бларамберг И. Указ.соч. С. 21
131. Там же. С. 21
132. Там же
133. Блиев М.М. О некоторых проблемах присоединения народов Кавказа к России. // История СССР, 1991, № 6. С. 72-73.
134. Там же. С. 73
135. Там же. С. 74
136. Бларамберг И. Указ. соч. С.38
137. Там же. С. 38-39
138. Там же. С. 39-40
139. Там же. С. 40-41
140. Там же. С. 41-42
141. Матвеев О.В. Слово о Кубанском казачестве. Краснодар, «Советская Кубань», 1995. С. 72-74
142. Там же. С. 110
143. Там же. С. 114
144. Бларамберг И. Указ.соч. С. 231
145. Столетие военного министерства. Воинская повинность казачьих войск. Исторический очерк. Составил Никольский А.И. Т. X1, ч. 3. СПб, 1907. С.77
146. В некоторых работах указаны другие цифры. Напр.: Щербина А.В. Донское, терское и черноморское казачество в войнах Российской империи ХУ111 – первой половины XIX в. // История Дона и Северного Кавказа. Изд. РГУ. Ростов-н/Д, 2001. С. 253 (501 чел. – до 1803г. -? – А.З.); Захаревич А.В. Донские казаки в первые годы Кавказской войны (1801-1802 гг.). // Исторические этюды. Вып. 2. Ростов-н/Д, 1997. С.63 (указано 569 чел.). Но более точной является цифра 578 чел.
147. Столетие военного министерства. Т.X1, ч. 3. С. 77
148. Денисов А.К. Записки. // Русская старина, 1874, № 11. С. 379-380.
149. Донские кахзаки в 1812 году. Сб. документов об участии донского казачества в Отечественной войне 1812 года. Составители: Пронштейн А.П. и Мастерова Н.И. Под ред. Фадеева А.В. Ростов-н/Д, 1954 . С. 157, 214, 270 и др.
150. Ушаков Н.И. История военных действий в Азиатской Турции в 1828-1829 гг. Т. 2. Варшава, 1843. С. 117; Захаревич А.В. Участие донского казачества в войнах с Ираном и Турцией в 20-е годы XIX века. Автореферат диссертации на соискание ученой степени к.и.н. Ростов-н/Д, 1987. С. 14; Его же. Военная организация Войска

- Донского в 20-е годы XIX века. Ростов-н/Д. 1986. Рук. деп.в ИНИОН АН СССР № 27504 от 1.12.86. С. 8, 11-15, 17-18, 21-24.
151. Броневский В. История Донского Войска. Описание Донской земли и Кавказских Минеральных вод. Ч. 111, СПб, 1834. С. 2-5
152. Донские казаки в 1812 году...под ред. Фадеева А.В. Ростов-н/Д, 1954. С. 190-191
153. Краснов И.И. Обучение молодых казаков в Донском войске. // Донские войсковые ведомости (часть неофициальная) № 24 от 22 июня 1865г. С.171
154. В этом плане своими трудами выделяется М.П. Остапенко. Также можно привести в пример статью А.П. Скорика, Т.Н. Абрамовой, Р.Г. Тикиджьяна, И.А. Шестакова, Г.Ф. Саенко «Формирование самобытной народной культуры донских казаков» в разделе 6 «Становление и развитие системы образования на Дону»//Казачий Дон. Ч. 2 .Ростов-н/Д, 1995. С.88-100 и др.
155. Права и привилегии Войска Донского российскими государями дарованные. // Донские войсковые ведомости, 1864, № 1. С. 1
156. Столетие военного министерства. Т.Х1, ч. 2. С.267
157. Указ. статья в «Донских войсковых ведомостях» за 1864г. № 2. С. 3
158. Столетие военного министерства. Т. Х1 , ч. 3. С. 80
159. Там же. С.80-81
160. ГАРО, ф. 55, оп. 1, д.. 1347, л. 9 об.
161. Столетие военного министерства. Т. Х1, ч. 3. С. 82
162. Там же. С. 83
163. Там же. С. 86
164. Жиров М. Материалы по истории артиллерии Войска Донского. Новочеркасск, 1914. С. 11
165. Столетие военного министерства. Т. Х1, ч. 3. С. 86
166. Краснов П.Н. Атаманская памятка. СПб, 1900. С. 17
167. Краснов И.И. Указ.соч. // Донские войсковые ведомости, 1865, № 24. С. 171
168. Агафонов О.В. Казачьи войска Российской империи. М.: АОЗТ «Эпоха», изд. «Русская книга» – Калининград, ГИПП «Янтарный сказ», 1995. С. 479-480.
169. Щербина А.В. Донское, терское и черноморское казачество в войнах Российской империи ХУ111- первой половины XIX вв. // История Дона и Северного Кавказа. Ростов-н/Д, 2001. С. 253.
170. Щербина Ф.А. Указ.соч. Т. 11. С. 191

171. Там же. С. 194
172. Сведения о жизни П.П. Зубова почерпнуты из статьи Евсеевой М.К. «Зубов Платон Павлович». // Русские писатели (1800-1917). Биографический словарь. Т. 2. М., 1992. С.361-362
173. РГВИА, ф. ВУА, д.6166, ч. 1 «Материалы для описания войны с кавказскими горцами с 1802 по 1808 годы».
174. Зубов П.П. Подвиги русских воинов в странах Кавказских с 1800 по 1834 гг. Т. 1, ч. 1, СПб, 1835. С. 144-148.
175. «Кавказцы». Вып. 1-60. Периодич. Издание под ред.полковника С. Новоселова. СПб, 1857-1859.
176. «Кавказцы». Вып. 7-8. «Григорий Иванович Глазенап». СПб, 1857. С. 14. Вообще же в данной статье в выгодном свете поданы действия линейцев на стр. 8-13.
177. Сведения о биографии Н.Ф. Дубровина почерпнуты из соединенных данных трех материалов: статьи А.М. Агеева «Дубровин Николай Федорович». // Энциклопедия «Отечественная история.История России с древнейших времен до 1917 года». Т. 2. М., «Большая Российская Энциклопедия», 1996. С. 92-93; статьи Н.Л. Рубинштейна «Дубровин Николай Федорович». // Советская историческая энциклопедия. Т. 5. М., 1964. Стб. 394; статьи «Дубровин Николай Федорович» без автора. // Советская военная энциклопедия. Т. 3. М., 1977. С.267.
178. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 1-У1. СПб, 1871-1888.
179. Там же. Т. 1-111 (том 111 – до 386 стр., повествующей о приходе новых войск в Грузию после сражения на р. Иоре в 1800г., а также описывающей положение на Кавказе в начале 1801г. – А.3.). СПб, 1871-1886.
180. Там же. Т. 111, СПб, 1886. С. 385-534
181. Там же. С.439
182. Захаревич А.В. Новое об участии донского казачества в начальный период Кавказской войны (1801-июнь 1802 гг.). // Ученые записки ДЮИ. Т. 6 «Казачий сборник». Ростов-н/Д, 1997. С. 371-378
183. Дубровин Н.Ф. Указ. соч. Т. 1У, СПб, 1886. С.340-343; 346 – 348; 350-352; 379-391.
184. Там же. С.369-379
185. Там же. С. 380

186. Матвеев О.В. Василий Александрович Потто. Российские исследователи Кавказа. Серия истории, археологии, этнографии. Вып. 17. Армавир- Краснодар, 1997.
187. Сведения о биографии В.А. Потто основаны на материале, помещенном в статье полковника Томкеева «Памяти Василия Александровича Потто». // Кавказский сборник. Т. XXXI, ч. 1. Тифлис, 1912. С. 1-9.
188. Потто В.А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Изд. 1-е. СПб. Т. 1-5, 1885-1889; Изд. 2-е. СПб- Тифлис, Т. 1-5, 1887-1899.
189. Потто В.А. Кавказская война. Т. 1-5, Ставрополь, «Стрижамент», 1994. Так как это наиболее свежее издание, разошедшееся по стране в довольно большом тираже, то мы в дальнейшем будем делать сноски по нему.
190. Потто В.А. Кавказская война. Т. 1. Ставрополь, 1994 . С.598-601.
191. Потто В.А. Яков Петрович Бакланов. Биографический очерк. 1-е изд. СПб, 1877; 2-е изд. СПб, 1885.
192. Потто В.А. История 44-го Нижегородского драгунского Его Высочества Наследника Цесаревича полка. Т. 1-X. СПб, 1893-1895.
193. Утверждение русского владычества на Кавказе. Под ред. генерал-майора, а затем генерал-лейтенанта В.А. Потто. Т. 1-1У (тома 111 и 1У каждый в двух частях). Тифлис, 1901-1911.

Глава 2-я.

1. Бларамберг И. Кавказская рукопись. Ставрополь, 1992. С.26.
2. Краткий очерк истории возведения Кавказской оборонительной линии в ХУ111 – начале Х1Х вв. составлен на основе статьи «Кавказская пограничная линия», помещенной в «Военной Энциклопедии» Т. Х1, Изд. И.Д. Сытина, СПб, 1913. С. 243-245.
3. Захаревич А.В. Донское казачество в боях начального периода Кавказской войны (1801-1802 гг.). // Памяти Владимира Александровича Золотова. К восьмидесятилетию со дня рождения. Сб. статей. Изд. РГПУ, Ростов-н/Д, 2002. С. 10.

4. Столетие военного министерства. Т. XI, ч. 3. С. 77; Права и привилегии Войска Донского российскими государями дарованные. // Донские войсковые ведомости. 1864, № 2. С. 3.
5. Колесников В. Донцы на Кубани. К 200-летию со дня основания Григориполисской, Темнолесской и Воровсколесской станиц. Ставрополь, 1995. С. 7.
6. Захаревич А.В. Донское казачество в боях начального периода Кавказской войны (1801-1802 гг.). // Памяти Владимира Александровича Золотова... С. 11
7. «Военная Энциклопедия» под ред. ген. – лейт. Величко К.И., полковника Новицкого В.Ф. и др. Изд. И.Д. Сытина. Т.Х, СПб, 1912. С. 59.
8. Залесский К.А. Иловайские. // Энциклопедия «Отечественная история». Т. 2, М., 1996. С. 339. В статье А.В. Захаревича «Донское казачество в боях начального периода Кавказской войны (1801-1802 г.). // Памяти Владимира Александровича Золотова...Ростов-н/Д, 2002 по вине наборщика неправильно обозначен год рождения Н.В. Иловайского 5-го – вместо 1772 проставлен 1722 ?!!
9. Иловайские и донские казаки. Петроград, 1914. С.47.
10. ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 82, лл. 14 об. – 15.
11. Захаревич А.В. Новое об участии донского казачества в начальный период Кавказской войны (1801- июнь 1802 г.). // Ученые записки ДЮИ. Т. 6. Ростов-н/Д, 1997. С. 343-344.
12. ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 71, лл. 3 об. – 4
13. Там же. л. 4
14. ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 82, лл. 1 об. – 6
15. Поляков Н., Жиров М. За службу и храбрость (1775-1908). Донцы – кавалеры ордена святого Великомученика и Победоносца Георгия. М., 1911. С. 28.
16. ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 71, лл. 3 об. – 4
17. Захаревич А.В. Донское казачество в боях начального периода Кавказской войны (1801-1802 гг.). // Памяти Владимира Александровича Золотова... С. 13.
18. ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 71, лл. 3 об.- 4
19. Там же. л. 4
20. Захаревич А.В. Донское казачество в боях начального периода Кавказской войны (1801-1802 гг.). // Памяти Владимира Александровича Золотова... С. 14
21. ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 76, лл. 88 об.- 93
22. ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 82, лл. 8 об. – 11
23. ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 76, л. 88 об.

24. Там же – л. 93
25. ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 77, лл. 67 об. – 68; ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 199, лл. 148 об. – 149; Захаревич А.В. Указ.соч. // Ученые записки ДЮИ. Т. 6, Ростов-н/Д, 1997. С. 353.
26. ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 139, лл. 247 об. – 250.
27. Кавказ и Кавказская война. Публичные лекции, читанные в зале Пассажа в 1860 году Генерального Штаба полковником Романовским. СПб, 1860 (приложения). С. X1-X 11.
28. ГАРО, ф. 344, оп. 1, д, 73, л. 154 об.
29. РГВИА, ф. 482, оп. 1, д. 145, л. 8
30. РГВИА, ф. 482, оп. 1, д. 5, лл. 11 об. – 12
31. Там же. л. 14
32. Там же. л. 15
33. Там же. л. 11 об.
34. Там же. л. 2 об.
35. Там же. л. 2 об. – 3
36. Там же
37. Там же. л. 3
38. Там же
39. Там же. л. 5 об.
40. Там же
41. Там же. л. 5
42. Там же. л.6
43. Там же
44. Там же. л. 8 об.
45. Там же
46. Там же. л. 9
47. Там же. л. 8 об.
48. Там же. л. 9
49. Донские казаки в 1812 году. Сб. документов об участии донского казачества в Отечественной войне 1812 года. Отв.ред. Фадеев А.В. Составители: Пронштейн А.П. и Мастерова Н.И. Ростов-н/Д, 1954. С. 157.
50. Захаревич А.В. Уточнение количества донских казаков, участвовавших в начале оборонительного периода Кавказской войны (1801-1802 гг.). // Вопросы

- Северокавказской истории. Вып. 7. «Российскость» в истории Северного Кавказа. Под ред. Виноградова В.Б. Армавир, 2002. С. 60-68; Его же. Уточнение количества донских казаков в боях Кавказской войны в течение 1803-1804 гг.// Там же. С. 68-76.
51. ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 138, л. 28 об.
 52. Захаревич А.В. Указ.соч. // Ученые записки ДЮИ, Т. 6. С.354-356
 53. ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 71, л. 58
 54. ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 133, лл. 47 об. – 48
 55. Поляков Н., Жиров М. «За службу и храбрость» (1775-1908). Донцы – кавалеры ордена Святого Великомученника и Победоносца Георгия. М., 1911. С. 63
 56. Донские казаки в 1812 году. Сб. документов... С. 330
 57. Лесин В. И. Бунтари и воины. Очерки истории донского казачества. Ростов-н/Д, «Феникс», 1997. С. 297, 303, 390, 399. Его же. Атаман Платов. Серия ЖЗЛ. М., Молодая гвардия, 2005. С. 266, 273, 319, 323.
 58. Захаревич А.В. Уточнение количества донских казаков, участвовавших в начале оборонительного периода Кавказской войны (1801-1802 гг.). // Вопросы Северокавказской истории. Вып. 7... С.67
 59. ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 138, л. 58 об.
 60. Цит. По Захаревич А.В. Указ.соч. // Ученые записки ДЮИ, Т. 6. С.356-358
 61. Там же. С.357-358
 62. ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 198, лл. 75 об. – 76
 63. ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 199, лл. 163 об. – 166
 64. Захаревич А.В. Указ.соч. // Ученые записки ДЮИ, Т. 6. С. 358
 65. ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 138, л. 88
 66. История донского казачества. Под ред. Венкова А.В. Изд. РГУ, Ростов-н/Д, 2001. С. 200.
 67. Захаревич А.В. Ложка дегтя в бочке с медом. // Ученые записки ДЮИ, Т. 19. Ростов-н/Д, 2002. С. 318.
 68. ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 78, л. 17
 69. Захаревич А.В. Указ.соч. //Ученые записки ДЮИ. Т. 6. С.358-361.
 70. Захаревич А.В. Новое об участии донского казачества в начальный период Кавказской войны (1801-июнь 1802 гг.). // Казачий сборник. Вып. 1. Изд. ДЮИ. Ростов-н/Д, 1998. С.358; Его же. Донские казаки в боевых действиях на Кубани в

- 1801-1802 гг. // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. 1999, № 1-2. С. 71; Его же. Указ.соч. //Памяти Владимира Александровича Золотова... С.23.
71. ГАРО, ф.341. оп. 1, д, 230, лл. 29 об. – 30 – 30 об.
72. Подробные сведения о жизни и службе Федора Петровича Грекова 13-го содержатся в готовой к печати, но неопубликованной еще нашей статье «Некоторые сведения, почерпнутые в ГАРО, в дополнение к уже опубликованным материалам об участии донского казачества в боях с горцами в оборонительный период Кавказской войны (с 1801 по 1804 гг.)». Здесь же опубликована только самая необходимая «выжимка» из них, дающая представление об этом штаб-офицере. Статья ожидается публикацией в следующих выпусках «Казачьего сборника» ДЮИ.
73. ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 230, л. 30
74. ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 230, лл. 29 об.- 30 – 30 об.
75. ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 73 , лл. 154 об. – 159
76. Захаревич А.В. Указ. соч. // Ученые записки ДЮИ, Т. 6. С.361-362
77. Захаревич А.В. Донские казаки в первые годы Кавказской войны (1801-1802 гг.). // Исторические этюды. Вып. 2. Изд. РГУ, Ростов-н/Д, 1997. С.57
78. Там же. С. 56
79. Там же. С. 55-56
80. ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 71, л. 193; Там же. лл. 220 об. – 223
81. ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 82, лл. 74 об.-75; Там же. лл. 103 об. – 106
82. Захаревич А.В. Уточнение количества донских казаков, участвовавших в начале оборонительного периода Кавказской войны (1801-1802 гг.). // Вопросы Северокавказской истории. Вып. 7. С.64-65
83. РГВИА, ф.489, оп. 1, д.. 3709, лл. 3 об. – 6; лл. 7 об. – 9; лл. 10 об. – 12; лл. 13 об. – 14.
84. Там же. лл. 3 об. – 6
85. ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 109, лл. 338 об. – 341
86. Захаревич А.В. Донское казачество в боях начального периода Кавказской войны (1801-1802 гг.)// Памяти Владимира Александровича Золотова... С. 27-28
87. ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 109, лл.338 об.- 341
88. Там же
89. ГАРО, ф.344, оп. 1, д. 78, л. 45
90. РГВИА, ф.482, оп. 1, д. 145, л. 8 об.
91. Там же. лл. 8-8 об; 48-48 об.

92. Там же. лл. 8-8 об.
93. Захаревич А.В. Указ. соч. // Ученые записки ДЮИ. Т. 6. С.365-366
94. ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 72, л. 141
95. Захаревич А.В. Указ.соч. // Ученые записки ДЮИ. Т.6. С. 366-367
96. Там же. С. 367-369
97. Бирюков А.В. Указ.соч. // Вопросы истории, 1998, № 2. С. 49
98. Захаревич А.В. Уточнение количества донских казаков, участвовавших в начале оборонительного периода Кавказской войны (1801-1802 гг). // Вопросы Северокавказской истории. Вып. 7. С. 65
99. ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 73, лл. 187 об. – 190
100. Захаревич А.В. Донские казаки в первые годы Кавказской войны (1801-1802 гг.). // Исторические этюды. Вып. 2. С. 56-57
101. РГВИА, ф. 482, оп. 1, д. 145, л. 8
102. Там же. л. 9 об.
103. Там же. лл. 37 – 38
104. Захаревич А.В. Новое об участии донского казачества в начальный период Кавказской войны (1801- июнь 1802 гг.). // Казачий сборник. Вып. 1. Ростов-н/Д, 1998. С. 262-263
105. Там же. С. 256
106. РГВИА, ф. 482, оп. 1, д. 145, л. 11 об.
107. ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 77, лл. 49 об. – 56
108. Захаревич А.В. Указ.соч. // Исторические этюды. Вып. 2. С. 57-58.
109. Захаревич А.В. Донские казаки в боевых действиях на Кубани в 1801-1802 гг. // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. Краснодар, 1999, № 1-2. С. 74
110. ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 73, лл. 187 об. – 190
111. Захаревич А.В. Указ.соч. // Памяти Владимира Александровича Золотова...(далее – Памяти В. А. Золотова- А.З.). С. 23
112. ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 73, лл. 187 об.- 190
113. Захаревич А.В. Указ.соч. // Памяти В. А. Золотова... С. 16
114. ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 133, лл. 47 об.- 48
115. Захаревич А.В. Указ.соч. // Памяти В.А. Золотова... С. 22
116. Захаревич А.В. Указ.соч. // Голос минувшего...Краснодар, 1999, № 1-2. С. 74
117. Катин – Ярцев М.Ю. Кнорринги. // Отечественная история. Т. 2. С.599

118. Лесин В.И. Бунтари и воины. Очерки истории донского казачества. Ростов-н/Д, «Феникс», 1997. С. 164-165
119. Катин – Ярцев М.Ю. Кнорринги. // Отечественная история. Т.2. С.599.
120. Потто В.А. Кавказская война. Т.1.Ставрополь, 1994. С. 300; Катин – Ярцев М.Ю. Указ.соч. // Отечественная история. Т. 2. С. 599
121. Терещенко А.Г., Черненко А.Л. Российские немцы на Юге России и Кавказе. Энциклопедический справочник. Ч. 2. Ростов-н/Д, 2000. С.95-96
122. Захаревич А.В., Золотухина А.В. Борьба элиты и контрэлиты на Дону в конце ХУ111- начале Х1Х вв. на примере генералов М.И. Платова и Н.П. Кульбакова. // Казачий сборник. Вып. 3. Изд. ДЮИ. Ростов-н /Д, 2002. С. 364
123. ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 309, л. 259 об.
124. Захаревич А.В., Золотухина А.В. Указ.соч. // Казачий сборник. Вып. 3. С.365-366
125. Сапожников А.И. Император Павел 1 и донская казачья старшина. // Новый часовой. Русский военно-исторический журнал. СПб, 1999, № 8-9. С. 13
126. ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 309, л. 260 об.
127. Все перепетии борьбы М.И. Платова и Н.П. Кульбакова в более подробном виде можно узнать из вышеуказанной статьи Захаревича А.В. и Золотухиной А.В. // Казачий сборник. Вып. 3. С.346-371
128. ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 133, лл. 19 об. – 20
129. Там же
130. Там же. лл. 21 об. – 22
131. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т.111. СПб, 1886. С.437.
132. ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 110, л. 32 об.
133. Захаревич А.В. Указ.соч. // Памяти В.А. Золотова... С.33
134. Бутков П.Г. Материалы по новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. Ч. 11, СПб, 1869. С. 515; Попко И.Д. Терские казаки с стародавних времен. Исторический очерк. Вып. 1. Гребенское войско. СПб, 1880. С. 275; Караулов 2-й М.А. Терское казачество в прошлом и настоящем (памятка терского казака). Владикавказ, 1912. С. 177; Колесников В.А. Донцы на Кубани. К 200-летию со дня основания Григориполисской, Темнолесской и Воровсколесской станиц. Ставрополь, 1996. С.25 и др.
135. Захаревич А.В. Указ.соч.// Ученые записки ДЮИ. Т.6. С.373-374

136. Захаревич А.В. К вопросам о составе казачьего конвоя генерал-лейтенанта К.Ф. Кнорринга в период его поездки в Грузию в 1802г. и о взятии аула Чим (Чеми). // Ученые записки ДЮИ. Т. 12. Ростов-н/Д, 1999. С.43
137. Захаревич А.В. Указ. соч. // Памяти В.А. Золотова... С. 34
138. Захаревич А.В. Указ. соч. // Исторические этюды. Вып. 2. С. 61-63; Его же. Указ. соч. // Ученые записки ДЮИ. Т. 6. С. 374-378; Его же. К вопросам о составе казачьего конвоя генерал-лейтенанта К.Ф. Кнорринга 2-го в период его поездки в Грузию в 1802г. и о взятии аула Чим (Чеми). // Ученые записки ДЮИ. Т. 12. С.35-46; Его же. Проблема освещения в отечественной историографии участия донского казачества в начальный период Кавказской войны (1801-1805). // Кавказская война. Спорные вопросы и новые подходы. Тезисы докладов международной научной конференции. Махачкала, 1998. С. 88 и др.
139. Захаревич А.В. К вопросам о составе казачьего конвоя генерал-лейтенанта К.Ф. Кнорринга 2-го в период его поездки в Грузию в 1802г. и о взятии аула Чим (Чеми). // Ученые записки ДЮИ. Т. 12. С. 44
140. Бутков П.Г. Материалы по новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. Ч. 11. СПб, 1869. С. 524-525; Дубровин Н.Ф. Указ. соч. Т. 111. С.502; Потто В.А. Указ. соч. Т. 1. С. 300
141. Бутков П.Г. Указ. соч. ч. 11. С. 515
142. Дубровин Н.Ф. Указ. соч. Т. 111. С. 502
143. Бутков П.Г. Указ. соч. ч.11. С. 524-525
144. Потто В.А. Указ. соч. Т. 1. С. 300
145. ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 133, лл. 21 об. – 22
146. ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 80, лл. 219 об. – 228.
147. Захаревич А.В. Указ. соч. // Ученые записки ДЮИ. Т. 6. С.377
148. Захаревич А.В. Указ. соч. // Ученые записки ДЮИ. Т. 12. С. 44-45
149. Дубровин Н.Ф. Указ. соч. Т. 111. С. 502
150. Захаревич А.В. Указ. соч. // Ученые записки ДЮИ. Т. 12. С. 45
151. Захаревич А.В. «Отнятая» линейцами донская слава. // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа (3-я международная конференция). Материалы под ред. Виноградова В.Б. и Лукаша С.Н. Армавир, 2002. С. 34-36
152. Кавказоведческая школа В.Б. Виноградова: становление, современность, перспективы (материалы к заседанию «круглого стола» в честь 10-летия

- деятельности в Армавирском госпединституте). Основная часть. Составитель: Ктиторов С.И. Армавир, 2002. 96 с.
153. Колесников В.А. Донцы на Кубани... С. 22
154. Ламонов А.Д. Исторический очерк о заселении станицы Кавказской. Репринтное издание. Краснодар, 1993. С. 266
155. Захаревич А.В. Новое об участии донского казачества в начальный период Кавказской войны (1801-июнь 1802 гг.). // Казачий сборник. Вып 1. Изд. ДЮИ. Ростов-н/Д, 1998. С. 269.
156. Дубровин Н.Ф. Указ.соч. Т. 111. С. 502
157. Захаревич А.В. Указ.соч. // Памяти В.А. Золотова... С. 34-35
158. Там же. С. 35-36; подробное изложение биографий каждого из этих штаб-офицеров также содержится в этой статье на с. 36-44; частично этот вопрос рассматривается также : Захаревич А.В. Донские казаки в боевых действиях на Кубани в 1801-1802 гг. // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. 1999, № 1-2. С. 74-75
159. ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 85, лл. 39 об. – 40
160. ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 127, л. 94 об.
161. ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 72, лл. 19 об. – 24
162. ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 72, лл. 13 об. – 18
163. Захаревич А.В. Указ.соч. // Ученые записки ДЮИ. Т. 6. С. 379
164. Захаревич А.В. Уточнение количества донских казаков, участвовавших в начале оборонительного периода Кавказской войны (1801-1802 гг.). // Вопросы Северокавказской истории. Вып. 7. С.65
165. ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 72, лл. 194 об. – 199
166. ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 81, лл. 189 об. – 190
167. Потто В.А. История 44-го Драгунского Нижегородского Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича полка. Т. 11, СПб, 1893. С. 61-62
168. ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 78, л. 84 об.
169. Захаревич А.В. Указ.соч. // Исторические этюды. Вып. 2. С. 56-57
170. ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 78, л. 85 об.
171. Там же. л. 86 об.
172. Там же. л. 87 об.
173. Там же. л. 87 об.
174. Там же. л. 88 об.

175. Там же. л. 88 об.
176. Там же. л. 89
177. Захаревич А.В. Указ.соч. // Памяти В.А. Золотова... С. 46
178. Козлов С.А. Кавказ в судьбах казачества (ХУ1- ХУ111 вв.). СПб. «Кольцо», 1996. С. 107
179. Там же. С. 107
180. Кавказ и Кавказская война. Публичные лекции, читанные в зале Пассажа в 1860г. Генерального Штаба полковником Романовским. СПб, 1860 (приложения). С. Х11
181. Гизетти А.Л. Хроника Кавказских войск. В двух частях. Под ред. генерал-лейтенанта Чернявского. Тифлис, 1896, ч. 1-я. С. 24

Глава 3-я.

1. ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 102, лл. 226 об. – 231
2. Там же. лл. 226 об. – 231
3. Там же. лл. 322 об. – 325
4. Там же
5. Там же. лл. 353 об. – 357
6. Там же
7. ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 109, лл. 339 об. – 340
8. Там же
9. Там же – лл. 346 об. – 349
10. Там же
11. ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 78, л. 88 об.
12. Край наш Ставрополье. Очерки истории. Научные редакторы: Кочура Д.В., Невская В.П. Ставрополь. «Шат-гора», 1999
13. Матвеев О.В. Очерк истории форменной одежды кубанских казаков (конец ХУ111-начало ХХ вв.). // Кубанское казачество: история, этнография, фольклор. Составитель: Бондарь Н.И. М., 1995. С. 88
14. Висковатов А.В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск с рисунками, составленное по Высочайшему повелению. Ч. 6. СПб, 1900. С. 19-20
15. Там же. С. 20
16. Там же. С. 20

17. Матвеев О.В. Указ.соч. // Кубанское казачество... С. 89
18. Потто В.А. Два века Терского казачества (1577-1801 гг.). Репринтное изд. 1912г. Ставрополь, 1991. С. 284
19. Матвеев О.В. Указ.соч. // Кубанское казачество... С. 93
20. Висковатов А.В. Указ.соч. С. 22-23
21. Могилевцев Н.М. Краткие исторические сведения о Кавказском конном полке Кубанского казачьего войска. // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1894. Т. 3. С. 8
22. Короленко П.П. Двухсотлетие Кубанского казачьего войска. 1696-1896. (Исторический очерк). Минеральные Воды, 1991. С. 36
23. Фелицин Е.Д. Переселение на Кубань казаков бывшего Екатеринославского войска и образование из них в 1802 году Кавказского конного полка Кубанского казачьего войска. // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1894, Т. 3. С. 26
24. ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 198, лл. 23 об. – 26
25. Захаревич А.В. Указ.соч. // Ученые записки ДЮИ. Т. 6. С. 364
26. ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 198, л. 26
27. ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 140, лл. 96 об. – 103
28. ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 81, лл. 259 об.- 260
29. Захаревич А.В. Уточнение количества казаков в боях Кавказской войны в течение 1803-1804 гг. // Вопросы Северокавказской истории. Вып. 7. «Российскость» в истории Северного Кавказа. Армавир. 2002. С. 69
30. ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 81, лл. 259 об.- 260
31. Там же. Более подробные сведения о командирах донских полков, прибывших на Кавказскую линию в 1804 г. можно узнать из нашей статьи «Донские казаки в боях с горцами на Кавказской линии в 1803-1804 гг.». // Казачий сборник. Вып. 4. Изд. ДЮИ. Ростов-н/Д. 2004. С. 189-258.
32. РГВИА, ф. ВУА, д. 6166, ч. 1, лл. 8-8 об.
33. ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 111, л. 4 об.
34. Бирюков А.В. Указ.соч. // Вопросы истории. 1998, № 2. С. 49
35. Общие сведения о генерал-майоре И.П. Дельпоццо, его пленении, экспедиции русских войск за Терек и выкупе генерала взяты из : Потто В.А. Кавказская война. Т. 1. Ставрополь, 1994. С. 658-660
36. РГВИА, ф. 26, оп. 1, д. 57, лл. 548-549 об; оп 1/125, д. 194, лл. 391-392 об. (?! –А.З.).
37. Цит. по: Дубровин Н.Ф. Указ.соч. Т. 1У. С. 371

38. Савенко С.Н. Казаки-линейцы в районе Кислых Вод до образования Кавказского линейного казачьего войска. // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа (3-я международная конференция). Армавир, 2002. С. 43; Серегина О.И. Из истории оснований крепостей и укреплений Азово-Моздокской линии в районе Кавказских Минеральных Вод. // Северный Кавказ: геополитика, история, культура. Материалы Всероссийской научной конференции (Ставрополь, 11-14 сентября 2001г.). М. – Ставрополь. Ч. 1, 2001. С.127.
39. Потто В.А. Кавказская война. Т. 1. Ставрополь, 1994. С. 615
40. Савенко С.Н. Указ.соч. // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа... С. 43
41. Дубровин Н.Ф. Указ.соч. Т.1У. С. 371
42. Там же. С. 371
43. Там же. С. 372
44. Там же. С. 373
45. Цит. по той же книге. С. 341
46. Дубровин Н.Ф. Указ.соч. Т. 1У. С. 342
47. Там же. С. 342
48. Цит. по той же книге. С. 343
49. Акты, собранные Кавказскою Археографическою комиссией. Архив главного управления наместника Кавказского (в дальнейшем – АКАК). Т. 11. Издан под ред. председателя комиссии д.с.с. Ад. Берже. Тифлис, 1868. – Всеподданнейший рапорт кн. Цицианова от 16 июня 1804г. - № 221. С. 134
50. Там же. С. 134
51. Там же
52. Там же
53. Там же. С.135
54. Дубровин Н.Ф. Указ.соч. Т. 1У. С. 347
55. АКАК. Т. 11, № 221. С. 134-135; Дубровин Н.Ф. Указ.соч. Т. 1У. С.347
56. ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 109, лл. 101 об. – 108
57. АКАК. Т. 11, № 221. С. 135
58. Поляков Н., Жиров М. «За службу и храбрость» (1775-1908). Донцы- кавалеры ордена Святого Великомученника и Победоносца Георгия. М., 1911. С. 1- 11
59. Дубровин Н.Ф. Указ.соч. Т. 1У. С. 347-351
60. АКАК. Т. 11, № 222. С. 135

61. ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 134, лл. 43 об.- 50; Там же, д. 135, лл. 28 об.-31
62. РГВИА, ф. ВУА, д. 6166, ч. 1, л. 131 об.
63. Там же. л. 131 об.
64. Там же
65. Там же
66. Дубровин Н.Ф. Указ.соч. Т.1У. С. 351
67. Потто В.А. Кавказская война. Т.1. Ставрополь, 1994. С. 408
68. ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 97, лл. 113 об. – 116
69. Там же. лл. 113 об. – 116
70. ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 134, лл. 43 об.-50
71. Там же. лл. 43 об. – 50
72. ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 135, лл. 28 об.-31
73. Там же. лл. 28 об. – 31
74. РГВИА, ф. ВУА, д. 6166, ч. 1, л. 131 об.
75. Там же. л. 131 об.
76. Там же
77. ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 133, лл. 47 об. – 48
78. ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 126, лл. 127 об. – 128
79. ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 138, л. 31
80. ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 126, лл. 127 об.-128 – 128 об.
81. Там же. л. 128 об.
82. Потто В.А. Указ.соч. Т. 1. С. 408-409
83. Там же. С. 409
84. ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 133, лл. 48-48 об.
85. Захаревич А.В. Донские казаки в боях с горцами на Кавказской линии в 1803-1804 гг. // Казачий сборник. Вып. 4. Изд. ДЮИ. Ростов-н/Д, 2004. С. 215
86. Захаревич А.В. Проблема освещения в отечественной историографии участия донского казачества в начальный период Кавказской войны (1801-1805 гг.). // Кавказская война. Спорные вопросы и новые подходы... С. 89
87. АКАК. Т. 11, Тифлис, 1868 - № 1091 «Рапорт майора Казбека кн. Цицианову, от 29 января 1805 года». С. 560; № 1693 «Письмо царевича Александра, от 30-го января 1805 года». С. 823
88. ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 126, л. 128 об.
89. ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 97, лл. 113 об.- 116

90. ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 133, лл. 48-48 об.
91. Потто В.А. Указ.соч. Т. 1. С. 409-410
92. Дубровин Н.Ф. Указ.соч. Т. 1У. С.380
93. ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 126, л. 128 об.
94. Там же. л. 128 об.
95. ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 133, лл. 48 об.-49
96. Блиев М.М. О некоторых проблемах присоединения народов Кавказа к России. // История СССР, 1991, № 6. С. 75
97. Потто В.А. Указ.соч. Т. 1. С. 410
98. Захаревич А.В. Уточнение количества казаков в боях Кавказской войны в течение 1803-1804 гг. // Вопросы Северокавказской истории. Вып. 7. «Российскость» в истории Северного Кавказа. Армавир, 2002. С. 70.
99. Потто В.А. Указ. соч. Т. 1. С. 410; Дубровин Н.Ф. Указ.соч. Т. 1У. С. 381-382
100. Дубровин Н.Ф. Указ.соч. Т. 1У. С. 374-375
101. Там же. С. 375
102. Цит. по той же книге. С. 376-377
103. ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 97, лл. 119 об.- 122
104. Захаревич А.В. Уточнение количества казаков в боях Кавказской войны в течение 1803-1804 гг. // Вопросы Северокавказской истории. Вып. 7. С. 69-70
105. ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 138, л. 29 об.
106. ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 97, лл. 119 об.- 122
107. Там же ..лл. 119 об. – 122
108. Цит. по: Дубровин Н.Ф. Указ.соч. Т. 1У. С. 377
109. Дубровин Н.Ф. Указ.соч. Т. 1У. С. 378-379
110. Там же. С. 379-380
111. «Кавказцы». Альманах под ред. подполковника Новоселова (Вып. 7-8 «Григорий Иванович Глазенап»). СПб, 1857. С. 7
112. ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 99, лл. 104 об.- 105
113. ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 71, л. 188
114. ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 99, лл. 104 об.-105- 105 об.- 106
115. ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 138, л. 30 об.
116. ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 444, лл. 44 об.- 47
117. Там же. лл. 44 об.- 47
118. Потто В.А. Указ.соч. Т. 1. С. 594-595

119. Там же. С. 595
120. Там же . С.595-596
121. ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 99, лл. 106-106 об.-107
122. ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 108, лл. 90 об. – 95
123. ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 125, лл. 78 об.-83
124. ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 102, лл. 50 об.-53
125. ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 135, лл. 113 об.- 118
126. Потто В.А. Указ.соч. Т. 1. С. 596
127. Там же. С. 596-597
128. Там же. С.597-598
129. ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 99, лл. 106 об.- 107
130. Потто В.А. Указ.соч. Т. 1. С. 598
131. Зубов П.П. Подвиги русских воинов в странах Кавказских с 1800 по 1834 гг. Т. 1, ч. 1. СПб, 1835. С. 134
132. Зубов П.П. Указ.соч. С. 134-135; Потто В.А. Указ.соч. Т. 1. С.598
133. Зубов П.П. Указ. соч.. С. 135
134. Потто В.А. Указ. соч. Т. 1. С. 598
135. Зубов П.П. Указ.соч. Т. 1, ч. 1. С. 135
136. Потто В.А. Указ.соч. Т. 1. С.598-599
137. Зубов П.П. Указ.соч. Т. 1, ч. 1. С. 135-136
138. Там же. С. 136
139. Потто В.А. Указ.соч. Т. 1. С. 599
140. Там же .-С. 599
141. Зубов П.П. Указ.соч. Т. 1, ч. 1. С. 136
142. Там же. С. 136
143. Зубов П.П. Указ.соч. Т. 1, ч. 1. С. 136-137; Потто В.А. Указ. соч. Т. 1. С. 599
144. Зубов П.П. Указ.соч. Т. 1, ч. 1. С. 137; Потто В.А. Указ.соч. Т. 1. С. 599.
145. Пивоваров А.Н. Донские казаки. Сборник рассказов из боевой и домашней жизни донцов, с портретами и рисунками. 2-е изд., исправленное и дополненное под ред. Н.П. Жерве. СПб, 1909. С. 211
146. Абаза К.К. Казаки. Донцы, уральцы, кубанцы, терцы. Очерки из истории и стародавнего казацкого быта в общедоступном изложении, для чтения в войсках, семье и школе. Изд. В. Березовского. СПб, 1890. С. 299-300.
147. Пивоваров А.Н. Указ.соч.. С. 211

148. Зубов П.П. Указ.соч. Т. 1, ч. 1. С. 137; Потто В.А. Указ.соч. Т. 1. С. 599-600; Пивоваров А.Н. Указ.соч.. С. 211-212.
149. ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 108, лл. 49 об.- 56
150. Там же. лл. 49 об.- 56
151. Зубов П.П. Указ.соч. Т. 1, ч. 1. С. 139; Потто В.А. Указ.соч. Т. 1. С.600.
152. Зубов П.П. Указ.соч. Т. 1, ч. 1. С. 140
153. Потто В.А. Указ.соч. Т. 1. С. 600
154. Зубов П.П. Указ.соч. Т. 1, ч. 1. С. 140-141; Потто В.А. Указ.соч. Т. 1. С. 600-601
155. Потто В.А. Указ.соч. Т. 1. С. 601
156. Зубов П.П. Указ.соч. Т.1, ч. 1. С. 141-142
157. ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 99, лл. 106 об.-107
158. Захаревич А.В. Участие донских казаков в разгроме кабардинцев на реке Малке в сентябре 1804г. // Ученые записки ДЮИ. Т. 10. Ростов-н/Д, 1998. С. 215; Его же. Казаки в войне на Кавказе в первой трети XIX в. // Донские казаки в прошлом и настоящем. Под общ. ред. Волкова Ю.Г. Ростов-н/Д, Изд. РГУ- Изд. «ГинГо», 1998. С. 189; Его же. Уточнение количества казаков в боях Кавказской войны в течение 1803-1804 гг. // Вопросы Северокавказской истории. Вып. 7. С.70-71
159. Захаревич А.В. Уточнение количества казаков в боях Кавказской войны в течение 1803-1804 гг.// Указ.сборник. Вып. 7. С. 71
160. ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 97, лл. 140 об.- 145
161. ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 128, л. 30 об.
162. ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 97, лл. 140 об.-145
163. Захаревич А.В.Уточнение количества казаков в боях Кавказской войны в течение 1803-1804 гг.// Указ. сборник. Вып. 7 . С. 71
164. ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 102, лл. 26 об.- 29; ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 90, лл. 2 об.- 7; ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 92, лл. 27 об.- 30; ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 101, лл. 12 об.- 13; ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 109, лл. 60 об.- 61; Там же – лл. 109 об.- 114; ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 135, лл. 270 об.- 275; ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 125, лл. 40 об.- 41; Там же – лл. 46 об.- 51; ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 199, лл. 108 об.- 111; ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 139, лл. 158 об.- 164; ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 140, лл. 25 об.- 28; Там же – лл. 263 об.- 268.
165. ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 97, лл. 58 об.- 61
166. Там же. лл. 58 об.- 61
167. ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 133, лл. 47 об.- 48
168. ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 126, лл. 91 об.-92

169. Захаревич А.В. Уточнение количества казаков в боях Кавказской войны в течение 1803-1804 гг.// Вопросы Северокавказской истории. Вып. 7. С. 72
170. ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 138, л. 88 об.
171. ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 110, лл. 15 об.- 18
172. Там же. лл. 15 об.- 18
173. ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 97, лл. 71 об.- 71 (а).
174. Там же. лл. 71 об.- 71 (а)
175. Цит. по: Дубровин Н.Ф. Указ.соч. Т. 1У. С. 382
176. Дубровин Н.Ф. Указ.соч. Т. 1У. С. 383
177. Там же. С. 383
178. ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 110, лл. 96 об. – 101
179. Дубровин Н.Ф. Указ.соч. Т. 1У. С. 384-386
180. РГВИА, ф. ВУА, д. 6166, ч. 1, лл. 126-126 об.
181. Михайлов А.А. Герой Кавказа (Григорий Иванович Глазенап). // Новый часовой. Русский военно-исторический журнал. СПб, 1995, № 3. С. 179
182. Дубровин Н.Ф. Указ.соч. Т. 1У. С. 386
183. ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 95, лл. 161 об.-166
184. Жиров М. Краткий исторический очерк службы 4-й и 8-й Донских казачьих батарей. Новочеркасск, 1914. С. 14
185. Там же. С. 14
186. Там же. С. 16
187. Дубровин Н.Ф. Указ.соч. Т. 1У. С. 386-387
188. ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 135, лл. 211 об.- 218
189. ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 110, лл. 15 об.- 18
190. Там же. лл. 37 об.- 38
191. Там же. лл. 40 об.- 41
192. ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 109, лл. 133 об.- 136
193. ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 135, лл. 177 об.- 178
194. Жиров М. Краткий исторический очерк службы 4-й и 8-й Донских казачьих батарей. Новочеоркасск, 1914. С. 16
195. ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 97, лл. 140 об.- 145
196. Дубровин Н.Ф. Указ.соч. Т. 1У. С. 387
197. ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 135, лл. 211 об.-218
198. Жиров М. Указ.соч.. С. 16

199. Дубровин Н.Ф. Указ.соч. Т. 1У. С. 387
200. ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 110, лл. 15 об.- 18
201. Там же. лл. 15 об.- 18
202. Там же
203. Жиров М. Указ.соч. С. 16
204. ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 102, лл. 403 об.- 406
205. ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 101, лл. 41 об.- 48
206. ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 97, лл. 140 об.-145
207. Дубровин Н.Ф. Указ.соч. Т. 1У. С. 387
208. Жиров М. Указ.соч. С. 16
209. Цит. по: Дубровин Н.Ф. Указ.соч. Т. 1У. С. 387-388
210. Дубровин Н.Ф. Указ.соч. Т. 1У. С. 388-391
211. Захаревич А.В. Уточнение количества казаков в боях Кавказской войны в течение 1803-1804 гг. // Вопросы Северокавказской истории. Вып. 7. С. 72
212. ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 138, л. 90 об.
213. Захаревич А.В. Уточнение количества казаков в боях Кавказской войны в течение 1803-1804 гг. // Указ. сборник. Вып. 7. С. 73
214. ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 121, л. 7 об.
215. Там же. л. 7 об.
216. ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 131, л. 29
217. Гизетти А.Л. Сборник сведений о потерях Кавказских войск во время войн Кавказско-горской, персидских, турецких и в Закаспийском крае: 1801-1885 гг. Тифлис, 1901. С. 3-129

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

1. Захаревич А.В. Какое участие приняло донское казачество в Кавказской войне 1801-1864 гг. // Донская история в вопросах и ответах. Под ред. Дулимова Е.И., Кислицына С.А. Т. 1. Ростов-н/Д, 1997. С. 103
2. Захаревич А.В. Участие донского казачества в боях с горцами на заключительном этапе Кавказской войны (1860-1864 гг.). // Казачий сборник. Вып. 2. Ростов-н/Д, 2000. С. 264
3. Захаревич А.В. Донское казачество и Кавказская война: прежде и теперь. // Ученые записки ДЮИ. Т. 21. Ростов-н/Д, 2003. С. 170.

